

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
6 июля 2016 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (2016)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Судья, участвовавший в рассмотрении уголовного дела, по итогам которого был отменен приговор ввиду необоснованного оправдания и мягкости назначенного наказания, не может повторно участвовать в рассмотрении данного уголовного дела.

По приговору суда от 28 декабря 2007 г. (с учетом внесенных изменений) Н. осужден по ч. 5 ст. 33, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (эпизод в отношении С. и Б.), по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (эпизод в отношении П.), по ч. 3 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (эпизод в отношении А.), по ч. 3 ст. 30, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (эпизод в отношении Ц.).

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 г. приговор в отношении Н. оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный Н. просил отменить кассационное определение от 26 июня 2008 г., мотивируя свою просьбу тем, что судья Е. повторно участвовал в рассмотрении уголовного дела в суде кассационной инстанции.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил кассационное определение от 26 июня 2008 г. по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 63 УПК РФ, судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении данного уголовного дела в суде второй инстанции или в порядке надзора, а равно участвовать в новом

рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции в случае отмены вынесенного с его участием приговора.

В силу общепризнанных принципов справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела (поскольку оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу) является недопустимым вне зависимости от того, было или не было отменено вышестоящим судом ранее принятое с участием этого судьи решение.

В противном случае, высказанная судьей в процессуальном решении позиция о наличии или отсутствии события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и, таким образом, могла бы поставить под сомнение объективность и беспристрастность судьи.

Данные требования о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела действуют на всех этапах судебного разбирательства, в том числе и при обжаловании судебных решений.

Из материалов уголовного дела усматривается, что по приговору суда от 18 мая 2007 г. Н. был признан виновным в покушении на убийство А. и Ц.

Этим же приговором по эпизодам пособничества убийству Б., С. и В., а также пособничества покушению на убийство П. он был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, в состав которой входил судья Е., рассмотрев 7 ноября 2007 г. уголовное дело в кассационном порядке, в том числе по кассационному представлению государственного обвинителя и кассационным жалобам потерпевших, в которых ставился вопрос о незаконном оправдании Н., неправильном применении положений ст. 62 УК РФ и несправедливости назначенного наказания, признала изложенные в них доводы обоснованными.

Отменяя приговор от 18 мая 2007 г., Судебная коллегия обратила внимание на то, что выводы суда первой инстанции об отсутствии доказательств пособничества Н. убийству трех лиц и покушения на убийство П. сделаны без учета ряда доказательств, представленных стороной обвинения, а содержание некоторых из них искажено.

После отмены приговора по основаниям, указанным в кассационном представлении и жалобах потерпевших, Н. по приговору суда от 28 декабря 2007 г. был признан виновным, в том числе, в совершении ряда преступлений, по которым ранее он был оправдан.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 г., в состав которой входил судья Е., ранее принимавший участие в рассмотрении

уголовного дела в отношении Н. в суде кассационной инстанции, указанный приговор был оставлен без изменения.

При таких обстоятельствах повторное участие судьи Е. в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции являлось недопустимым, поскольку оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с участием этого судьи обстоятельств по делу, что относится к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела.

Уголовное дело в отношении Н. передано на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном гл. 45 УПК РФ.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 5П16*

По гражданским делам

2. Вопрос о восстановлении срока на обжалование судебного акта лицу, не привлеченному к участию в деле, рассматривается с исследованием фактических обстоятельств, указывающих на права и обязанности данного лица, затронутые в результате принятия обжалуемого судебного акта.

Решением суда первой инстанции от 15 ноября 2013 г. удовлетворен иск территориального управления Росимущества о признании самовольной постройкой 14-этажного многоквартирного жилого дома, строительство которого не завершено, сносе указанного дома, взыскании с П. задолженности по арендной плате и расторжении договора аренды земельного участка. В удовлетворении встречных исковых требований о признании права собственности на самовольную постройку П. отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда от 14 января 2014 г. указанное выше решение отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении иска территориального управления Росимущества отказано, иск П. удовлетворен.

7 апреля 2015 г. К. обратилась в суд с заявлением о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу кассационной жалобы на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда от 14 января 2014 г. В обоснование заявления К. указала, что является собственником одной из квартир в жилом доме, расположенном на земельном участке, смежном с земельным участком, на котором расположен строящийся 14-этажный многоквартирный жилой дом, являющийся предметом спора по делу; обжалуемым судебным актом

непосредственно затрагиваются ее права и законные интересы, однако она не была привлечена к участию в деле, а узнала об обжалуемом судебном постановлении из письма администрации муниципального образования от 3 апреля 2015 г., копию которого приложила к заявлению.

Определением суда от 14 апреля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 19 мая 2015 г., заявление К. удовлетворено.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. определение суда от 14 апреля 2015 г. и апелляционное определение от 19 мая 2015 г. отменены, в удовлетворении заявления К. отказано.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по надзорной жалобе К., отменил указанное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 3 ст. 391⁹ ГПК РФ судебные постановления подлежат отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда Российской Федерации установит, что соответствующее обжалуемое судебное постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права.

Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» при рассмотрении кассационных жалобы, представления с делом суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой и апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими, а также исследовать новые доказательства (ч. 2 ст. 390 ГПК РФ).

В п. 27 этого же постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснено, что если судами первой и (или) апелляционной инстанций допущена ошибка в применении и (или) толковании норм материального права, для исправления которой после отмены (изменения) судебных постановлений не требуется установления новых обстоятельств дела, представления, исследования и оценки доказательств, то суду кассационной инстанции следует принять новое судебное постановление (определение), не передавая дело на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции (п. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ).

Исходя из данных разъяснений, суд кассационной инстанции вправе принять новое судебное постановление, то есть разрешить спор или вопрос

по существу только в том случае, если нижестоящим судом допущена ошибка в применении и (или) толковании правовых норм. В случае же, если нижестоящим судом не были установлены обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора, суд кассационной инстанции обязан направить дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд – суд первой или апелляционной инстанции, к полномочиям которых отнесено установление указанных обстоятельств на основании представленных сторонами спора в порядке ст. 56, 57 ГПК РФ доказательств и с соблюдением принципов состязательности, равноправия сторон и непосредственности судебного разбирательства.

При разрешении вопроса о восстановлении лицу, не привлеченному к участию в деле, пропущенного процессуального срока на обжалование судебного акта либо об отказе в восстановлении такого срока в судебном заседании первой или апелляционной инстанции должны быть исследованы юридически значимые обстоятельства, а именно: лишено ли данное лицо каких-либо прав или ограничено в правах, наделено правами либо на него возложена обязанность (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», абзац четвертый п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

Между тем, признав, что ни судом первой инстанции, ни судом апелляционной инстанции не были установлены названные юридически значимые обстоятельства, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в нарушение п. 5 ч. 1 и ч. 2 ст. 390 ГПК РФ, п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» разрешила по существу вопрос об отказе К. в восстановлении срока на обжалование судебного акта в кассационном порядке, что повлекло за собой нарушение единообразия в применении норм процессуального права.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 1-ПВ16*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Разрешение споров, связанных с использованием земельных участков для жилой застройки

1. Строения и сооружения, построенные ближе установленных строительными нормами и правилами минимальных расстояний до объектов систем газоснабжения, подлежат сносу.

Газовая компания обратилась в суд с иском к Г., обществу (застройщик) об устранении нарушений прав путем возложения обязанности за свой счет снести строения, расположенные на земельном участке вблизи магистрального газопровода.

Решением суда исковые требования удовлетворены, Г. обязан снести за свой счет спорное строение, расположенное в зоне минимально допустимых расстояний магистрального газопровода. В удовлетворении исковых требований к застройщику отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции в части возложения на Г. обязанности по сносу строения и взыскания государственной пошлины отменено с принятием в отмененной части нового решения об отказе в удовлетворении иска. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанное апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Судом установлено, что по территории муниципального района проходит магистральный газопровод диаметром 325 мм, рабочее давление – 55 кгс/см. Строительство магистрального газопровода осуществлено в 1965 году.

Согласно заключению судебной строительно-технической экспертизы фактическое расстояние от оси магистрального газопровода до границы земельного участка и жилого дома Г. составляет соответственно 85,07 м и 98,07 м.

Истец предупреждал застройщика о том, что строительство не согласовано с истцом, в результате чего заложенная в проекте застраиваемая зона оказалась в пределах минимальных безопасных расстояний магистрального газопровода, в связи с чем застройщику было предложено переработать проект застройки и согласовать его с представителями газовой компании, а также прекратить любые строительные работы до устранения выявленных нарушений.

Исполнительный комитет муниципального района был поставлен в известность, что на территории района расположены магистральные газопроводы высокого давления с указанием фактического местоположения трубопроводов с целью предотвращения нарушений охранной зоны (25 м от оси газопровода в обе стороны) и зоны минимально безопасных расстояний (от 100 до 150 м от оси газопровода в обе стороны) при строительстве зданий, сооружений, различных коммуникаций.

Тем не менее исполнительным комитетом застройщику было выдано разрешение на строительство коттеджного поселка, а также разрешение на ввод объекта в эксплуатацию.

Учитывая изложенное, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что объекты ответчика расположены в нарушение минимальных расстояний от оси газопровода, который является источником повышенной опасности, создает угрозу жизни и здоровью как самого ответчика, так и граждан, дома которых расположены в непосредственной близости от земельного участка ответчика, строения ответчика являются дополнительным катализатором и распространяющим пожар элементом в случае аварии на газопроводе, и удовлетворил иски о возложении обязанности снести строения, расположенные в зоне минимально допустимых расстояний магистрального газопровода, на земельном участке, принадлежащем Г.

В удовлетворении исковых требований к застройщику, как не являющемуся собственником жилого дома и земельного участка, суд отказал.

Отменяя решение суда в части возложения на Г. обязанности по сносу строения и взыскания государственной пошлины и постановляя в отмененной части новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции указал, что спорное строение находится в охранной зоне лишь в своей незначительной части и под углом к газопроводу.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала выводы суда апелляционной инстанции ошибочными.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (далее – Закон о газоснабжении) охранный зона объектов системы газоснабжения – территория с особыми условиями использования, которая устанавливается в порядке, определенном Правительством Российской Федерации, вдоль трассы газопроводов и вокруг других объектов данной системы газоснабжения в целях обеспечения нормальных условий эксплуатации таких объектов и исключения возможности их повреждения.

В соответствии с п. 6 ст. 90 Земельного кодекса Российской Федерации и частью шестой ст. 28 Закона о газоснабжении границы охранных зон, на которых размещены объекты системы газоснабжения, определяются на основании строительных норм и правил, правил охраны магистральных трубопроводов, других утвержденных в установленном порядке нормативных документов.

Пунктом 4.1 Правил охраны магистральных трубопроводов, утвержденных Министерством топлива и энергетики России от 29 апреля 1992 г. и постановлением Госгортехнадзора России от 22 апреля 1992 г. № 9 (далее – Правила), предусмотрено установление охранных зон для исключения возможности повреждения трубопроводов (при любом виде их прокладки).

Пунктом 4.4 Правил установлен запрет на возведение любых построек и сооружений в охранных зонах трубопроводов без письменного разрешения предприятий трубопроводного транспорта.

На основании части четвертой ст. 32 Закона о газоснабжении здания, строения и сооружения, построенные ближе установленных строительными нормами и правилами минимальных расстояний до объектов систем газоснабжения, подлежат сносу за счет средств юридических и физических лиц, допустивших нарушения.

Согласно п. 7.15 СП 36.13330.2012. Свод правил. Магистральные трубопроводы. Актуализированная редакция СНиП 2.05.06-85* расстояния от оси подземных и наземных (в насыпи) трубопроводов до населенных пунктов, отдельных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, зданий и сооружений должны приниматься в зависимости от класса и диаметра трубопроводов, степени ответственности объектов и необходимости обеспечения их безопасности, но не менее значений, указанных в таблице 4.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июня 2010 г. № 1047-р утвержден Перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (далее – Перечень).

Пунктом 40 Перечня предусмотрено, что применению на обязательной основе для обеспечения соблюдения требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» подлежат следующие части СНиП 2.05.06-85* «Магистральные трубопроводы»: разделы 1, 2, 3 (пп. 3.1–3.15, 3.18–3.23, 3.25, 3.27), 4 (пп. 4.1, 4.2, 4.4–4.22), 6 (пп. 6.1–6.7, 6.9–6.31*, 6.34*–6.37), 7–10, 12 (пп. 12.1*, 12.2*, 12.4*, 12.5, 12.7, 12.12*, 12.15*, 12.16, 12.19, 12.20, 12.30–12.33*, 12.35*).

Пункт 3.8 Перечня содержит таблицу 4, регламентирующую минимально допустимые расстояния от оси трубопроводов до объектов, зданий, сооружений.

Согласно таблице 4 в населенных пунктах при наличии газопровода диаметром свыше 300 до 600 мм запрещено строительство зданий и сооружений ближе чем на 150 м в обе стороны от оси магистрального газопровода.

Как следует из материалов дела, принадлежащий Г. земельный участок согласно выписке из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним относится к категории земель – земли населенных пунктов.

На основании п. 1 примечания к таблице 4 расстояния, указанные в таблице, следует принимать: для городов и других населенных пунктов – от проектной городской черты на расчетный срок 20-25 лет.

В силу п. 2 примечания к таблице 4 под отдельно стоящим зданием или строением следует понимать здание или строение, расположенное вне населенного пункта на расстоянии не менее 50 м от ближайших к нему зданий и сооружений.

Сославшись на незначительность нарушения минимально допустимых расстояний от оси газопровода до жилого дома ответчика, суд не учел, что, по смыслу Закона о газоснабжении, это обстоятельство само по себе не могло служить основанием для отказа в удовлетворении требований о сносе зданий, строений и сооружений, построенных ближе установленных минимальных расстояний.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, придя к выводу о том, что истец мог избрать другой способ защиты своих интересов, не указав, какой иной способ защиты интересов истцу следовало избрать. Суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что судом первой инстанции по делу назначалась строительно-техническая экспертиза, на разрешение которой в том числе были поставлены вопросы о возможности изменения класса магистрального газопровода в целях устранения нарушений минимальных расстояний; наличии угрозы повреждения спорного строения, жизни и здоровью граждан в случае возникновения аварийной ситуации на газопроводе; наличии возможности проведения дополнительных работ по укреплению спорного строения. Эта экспертиза не была выполнена в связи с загруженностью отдела экспертиз, испытаний и проектирования автономной некоммерческой организации по экспертизе и испытаниям в строительстве.

Тем не менее при отсутствии заключения назначавшейся строительно-технической экспертизы суд апелляционной инстанции был вправе предложить сторонам представить дополнительные доказательства в подтверждение наличия иного способа защиты интересов газовой

компании и соблюдения требований охранной зоны магистрального газопровода.

Определение № 11-КГ15-33

2. Право собственности на самовольную постройку не может быть признано за лицом, создавшим в результате реконструкции новый объект, если возведение такого объекта осуществлено с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил и создает угрозу жизни и здоровью граждан.

А., Б.Л., Б.А., Б.С., Д., К., Л., М., Р., С., Т., Ф. обратились в суд с иском к Д.А. о прекращении права общей долевой собственности и о разделе жилого дома, указав, что сторонам по делу на праве общей долевой собственности принадлежат жилой дом и земельный участок. Истцы обратились к ответчику с предложением о прекращении права общей долевой собственности на данный дом путем выдела каждому отдельного помещения в виде квартиры. Однако Д.А. безосновательно уклоняется от заключения соответствующего соглашения, что создает препятствия остальным собственникам спорного дома для реализации своих прав.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены: прекращено право общей долевой собственности на спорный жилой дом, данный дом признан многоквартирным, сторонам по делу в счет принадлежащих им долей в праве общей долевой собственности на дом выделены изолированные части дома – квартиры и нежилые помещения.

Разрешая спор, суд установил, что стороны являются собственниками земельного участка, на котором возведен многоквартирный жилой дом. Придя к выводу, что данный жилой дом является самовольной постройкой, суд, приняв во внимание заключение о соответствии требованиям пожарной безопасности объемно-планировочных и конструктивных решений жилого дома, признал за истцами право собственности на помещения в данном доме, удовлетворив тем самым заявленные исковые требования.

Не согласившись с принятым решением суда, администрация муниципального образования подала апелляционную жалобу, в которой указывалось на невозможность признания права собственности граждан на часть самовольной постройки, однако судебная коллегия по гражданским делам краевого суда оснований для отмены решения суда не усмотрела.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по кассационной жалобе администрации

муниципального образования отменила состоявшееся апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

По смыслу действующего законодательства, совершать какие-либо юридически значимые действия, как правило, возможно только в отношении существующего объекта гражданских прав.

Обосновывая свои требования, истцы ссылались на то, что они являются собственниками долей в праве собственности на трехэтажный жилой дом общей площадью 1437,8 м² на основании договора купли-продажи долей в праве общей долевой собственности.

К исковому заявлению были приложены соответствующие копии свидетельств о государственной регистрации права собственности, выписка из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, копия договора, из которых следует, что спорное строение является жилым домом с тремя этажами и площадью 1437,8 м.

Как установлено судом, по данному адресу расположено шестиэтажное строение с цокольным этажом и площадью, существенно превышающей 1437,8 м², истцы просили суд выделить реальные доли именно из этого объекта, который не зарегистрирован в установленном законом порядке.

Право общей долевой собственности истцов на данный объект, о выделе реальной доли в котором ставился вопрос в исковом заявлении, ничем не подтверждено, в связи с чем у суда не было оснований удовлетворять исковые требования о выделе реальных долей так, как они были заявлены.

В соответствии с п. 1 ст. 222 ГК РФ самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные, созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

По смыслу ст. 128, 129, 222 ГК РФ, самовольное строение в гражданский оборот не введено и не может в нем участвовать: с ним нельзя совершать какие-либо гражданско-правовые сделки, право на него не может быть установлено и зарегистрировано.

Ответчиком по иску о выделе доли в имуществе может быть только собственник данного имущества, между тем лицо, осуществившее самовольную постройку, в силу п. 2 ст. 222 ГК РФ не приобретает на нее право собственности, не вправе распоряжаться постройкой и совершать какие-либо сделки до признания такого права судом, требования как к собственнику к нему предъявлены быть не могут.

Право собственности Д.А. на возведенный им объект, о выделе реальной доли из которого ставили вопрос истцы, не зарегистрировано, судом такое право не признавалось.

В ст. 222 ГК РФ закреплены три признака, при наличии хотя бы одного из которых строение, сооружение или иное недвижимое имущество являются самовольной постройкой, в частности если строение, сооружение или иное недвижимое имущество возведены:

- 1) на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами;
- 2) без получения на это необходимых разрешений;
- 3) с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка, при одновременном соблюдении следующих условий:

если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта;

если на день обращения в суд постройка соответствует параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилами землепользования и застройки или обязательными требованиями к параметрам постройки, содержащимися в иных документах;

если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан (п. 3 ст. 222 ГК РФ).

При рассмотрении дела судом не были добыты и исследованы доказательства, свидетельствующие о том, что самовольная постройка может быть введена в гражданский оборот.

Суд не дал оценки тому обстоятельству, что земельный участок, на котором возведено спорное строение, имеет целевое назначения для индивидуального жилищного строительства, в результате проведенной реконструкции на земельном участке возведено шестиэтажное здание с цокольным этажом, которое признано судом многоквартирным жилым домом.

Многоквартирный жилой дом объектом индивидуального жилищного строительства не является, его нахождение на данном земельном участке не соответствует целевому назначению данного земельного участка.

Положения ст. 222 ГК РФ распространяются на самовольную реконструкцию недвижимого имущества, в результате которой возник новый объект.

В силу п. 4 ч. 17 ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) выдача разрешения на строительство не требуется в случае изменения объектов капитального строительства и (или) их частей, если такие изменения не затрагивают конструктивные и другие характеристики их надежности и безопасности и не превышают предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции, установленные градостроительным регламентом.

Из содержания указанных правовых норм следует, что право собственности на самовольную постройку не может быть признано за лицом, в случае, если лицо осуществило реконструкцию имущества, в результате которой возник новый объект.

Согласно положениям ст. 1, 2, 8, 9, 30, 36, 44, 47, 48, 55 ГрК РФ при строительстве или реконструкции объекта недвижимости требуются, помимо наличия права на земельный участок, доказательства осуществления строительства на основе документов территориального планирования и правил землепользования и застройки, а также осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований безопасности территорий, инженерно-технических требований, требований гражданской обороны, обеспечением предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований охраны окружающей среды и экологической безопасности, при наличии в установленном порядке составленной проектной документации, разрешения на ввод объекта недвижимости в эксплуатацию, подтверждающих осуществление застройки с соблюдением градостроительных и строительных норм и правил, норм и правил о безопасности.

Данный порядок, установленный Градостроительным кодексом Российской Федерации, направлен на устойчивое развитие территорий муниципальных образований, сохранение окружающей среды и объектов культурного наследия; создание условий для планировки территорий, обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц, в том числе правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства.

В соответствии с п. 20 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» выдача разрешений на строительство (за исключением случаев, предусмотренных

Градостроительным кодексом Российской Федерации, иными федеральными законами), разрешений на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства, реконструкции объектов капитального строительства, расположенных на территории городского округа, относится к вопросам местного значения городского округа.

В силу положений ст. 51 ГрК РФ и ст. 3 Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» строительство, реконструкция объектов капитального строительства, а также их капитальный ремонт осуществляются на основании разрешения на строительство, которое выдается органом местного самоуправления по месту нахождения земельного участка, где планируется строительство. К заявлению о выдаче разрешения в обязательном порядке должны прилагаться помимо правоустанавливающих документов на земельный участок, также градостроительный план земельного участка, материалы проектной документации, и иные предусмотренные ст. 51 названного кодекса документы.

Согласно ч. 2 ст. 48 ГрК РФ проектная документация представляет собой документацию, содержащую материалы в текстовой форме и в виде карт (схем) и определяющую архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения для обеспечения строительства, реконструкции объектов капитального строительства, их частей, капитального ремонта.

Осуществление подготовки проектной документации не требуется при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов индивидуального жилищного строительства (отдельно стоящих жилых домов с количеством этажей не более чем три, предназначенных для проживания одной семьи).

Пунктом 11 данной статьи предусмотрено, что подготовка проектной документации осуществляется, в частности, на основании результатов инженерно-технических изысканий и градостроительного плана земельного участка.

Согласно п. 12 этой же статьи в состав проектной документации объектов капитального строительства входит пояснительная записка, в том числе с результатами инженерных изысканий, техническими условиями.

В соответствии со ст. 49 ГрК РФ проектная документация объектов капитального строительства и результаты инженерных изысканий, выполненных для подготовки такой проектной документации, подлежат экспертизе и утверждается при наличии положительного заключения государственной экспертизы проектной документации.

Предметом экспертизы являются оценка соответствия проектной документации требованиям технических регламентов, в том числе санитарно-эпидемиологическим, экологическим требованиям, государственной охраны объектов культурного наследия, требованиям пожарной, промышленной, ядерной, радиационной и иной безопасности, а также результатам инженерных изысканий, и оценка соответствия результатов инженерных изысканий требованиям технических регламентов.

Согласно ч. 1 ст. 47 ГрК РФ не допускаются подготовка и реализация проектной документации без выполнения соответствующих инженерных изысканий.

Учитывая приведенные выше нормы права, при разрешении настоящего спора суду надлежало установить, не угрожает ли самовольно возведенная постройка жизни и здоровью граждан, что устанавливается при проведении государственной экспертизы проектной документации, не нарушает ли права третьих лиц, предпринимались ли попытки ее легализации в том виде, в котором она возведена, и лишь при установлении перечисленных обстоятельств было возможно удовлетворять требования о признании на нее права собственности.

Необходимая документация на фактически возведенный объект в материалах дела отсутствует, суд не исследовал вопрос о ее наличии.

На данные обстоятельства администрация муниципального образования указывала в апелляционной жалобе, однако судебная коллегия по гражданским делам краевого суда данные доводы не проверила и не дала им оценки.

Определение № 18-КГ15-241

II. Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

3. При отказе потребителя от исполнения договора об оказании платных образовательных услуг исполнителю оплачиваются только фактически понесенные им расходы, связанные с исполнением обязательств по данному договору.

3. обратилась в суд с иском к учебному заведению о взыскании суммы неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами.

В обоснование заявленных требований указала, что между ней и учебным заведением 19 июля 2013 г. был заключен договор на оказание платных образовательных услуг сроком до 30 июня 2023 г. По условиям данного договора она приняла на себя обязательство ежемесячно оплачивать обучение своего сына в размере 50 000 руб. Пунктом 6.3 договора была предусмотрена оплата за услуги психолого-педагогического тестирования на всех этапах обучения за весь период в сумме 200 000 руб. Обязательство по оплате данного тестирования истцом было исполнено в полном объеме, ею уплачено 200 000 руб. В связи с тем, что ответчиком изменено место оказания образовательных услуг, истец была вынуждена отказаться от договора, о чем ею было направлено ответчику заявление, содержащее также просьбу о возврате уплаченной за психолого-

педагогическое тестирование суммы. Однако данное заявление учебным заведением было оставлено без удовлетворения.

Поскольку за десятилетний период обучения оплата психолого-педагогического тестирования составляет 200 000 руб., а З. отказалась от договора после первого года обучения, она просила взыскать за оставшиеся девять лет 180 000 руб., которые, по ее мнению, являются для учебного заведения неосновательным обогащением, а также проценты за пользование чужими денежными средствами.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции, ссылаясь на положение учебного заведения о входном психолого-педагогическом тестировании обучающихся, а также на положение о приеме в учебное заведение, утвержденные директором этого учреждения 31 августа 2013 г. и 30 мая 2013 г. соответственно (далее – Положение о входном тестировании и Положение о приеме), указал, что предусмотренная договором услуга психолого-педагогического тестирования является единовременной и истцу оказана при приеме обучающегося в гимназию.

С данными выводами согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводом судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

Судом по делу установлено, что между учебным заведением (ответчиком по делу) и З. заключен договор на оказание платных образовательных услуг по программе начального и основного общего образования.

Согласно преамбуле Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности; исполнителем является организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», под услугой следует понимать действие (комплекс действий), совершаемое исполнителем в интересах и по заказу потребителя в целях, для которых услуга такого рода обычно используется, либо отвечающее целям, о которых исполнитель был поставлен в известность потребителем при заключении возмездного договора.

Согласно п. 2 Правил оказания платных образовательных услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2013 г. № 706 (далее – Правила), заказчиком является физическое и (или) юридическое лицо, имеющее намерение заказать либо заказывающее платные образовательные услуги для себя или иных лиц на основании договора, а исполнителем – организация, осуществляющая образовательную деятельность и предоставляющая платные образовательные услуги обучающемуся.

Таким образом, Закон о защите прав потребителей распространяется в том числе на отношения, вытекающие из договора об оказании платных образовательных услуг.

Вместе с тем, как следует из обжалуемых судебных постановлений, Закон о защите прав потребителей судами не применен.

Неприменение судом указанного закона само по себе могло привести к неправильному разрешению спора вследствие неправильного определения объема прав и обязанностей сторон и неправильного распределения обязанности доказывания.

Так, в соответствии со ст. 10 Закона о защите прав потребителей исполнитель обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию, включая цену и условия предоставления услуги, а также информацию о правилах ее оказания.

Согласно п. 1 ст. 12 этого же закона, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию об услуге, он вправе в разумный срок отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков.

В силу ст. 13 данного закона, если иное не установлено законом, убытки, причиненные потребителю, подлежат возмещению в полной сумме сверх неустойки (пени), установленной законом или договором (п. 2).

Изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом (п. 4).

Как следует из пп. 9 и 10 указанных выше Правил, исполнитель обязан до заключения договора и в период его действия предоставлять заказчику достоверную информацию о себе и об оказываемых платных образовательных услугах, обеспечивающую возможность их правильного выбора (п. 9).

Исполнитель обязан довести до заказчика информацию, содержащую сведения о предоставлении платных образовательных услуг в порядке и объеме, которые предусмотрены Законом о защите прав потребителей и Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 279-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (п. 10).

Ссылаясь на Положение о входном тестировании и на Положение о приеме, судебные инстанции не учли предусмотренную приведенными выше положениями Закона о защите прав потребителей и Правилами обязанность исполнителя предоставить заказчику полную информацию об условиях предоставления услуги и ее оплаты, исходя из которой потребитель имел бы возможность принять решение о выборе услуги либо об отказе от нее.

Обязанность доказать факт предоставления потребителю надлежащей информации об услуге также возложена законом на ответчика.

Как следует из судебных постановлений, судом не установлено, что истец была ознакомлена с условиями о том, что оплата производится только за проведение входного психолого-педагогического тестирования, отсутствуют и ссылки на то, что ответчиком представлялись какие-либо доказательства исполнения им обязанности проинформировать об этом потребителя.

Кроме того, из Положения о приеме прямо не следует, что на последующих этапах обучения психолого-педагогическое тестирование не проводится.

Отсутствие в Положении о приеме указаний на тестирование при последующих этапах обучения не исключает того, что стороны могли заключить соглашение о психолого-педагогическом тестировании на всех этапах обучения.

Положение о входном тестировании, на которое сослался суд, принято 31 августа 2013 г. – после заключения сторонами договора на оказание платных образовательных услуг, и предусматривает иной размер оплаты услуг психолого-педагогического тестирования, чем тот, который указан в договоре между сторонами.

Ссылку на Положение о приеме и на Положение о входном тестировании в части, касающейся соглашения об услуге психолого-педагогического тестирования, договор не содержит.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений.

Довод судов первой и апелляционной инстанций о том, что внесенные истцом 200 000 руб. являются платой только за проведение входного психолого-педагогического тестирования, противоречит содержанию договора, в котором прямо указано, что это плата за услуги психолого-

педагогического тестирования на всех этапах обучения за весь период обучения.

В соответствии со ст. 32 Закона о защите прав потребителей потребитель вправе отказаться от исполнения договора об оказании услуг в любое время при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, связанных с исполнением обязательств по данному договору.

Отказ истца от дальнейшего обучения сына в НОУ соответственно предполагает прекращение услуг тестирования и отсутствие у ответчика расходов на проведение его в будущем.

Между тем обжалуемыми судебными постановлениями потребителю отказано в возврате уплаченной авансом суммы.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 4-КГ15-60

4. Последствием признания недействительным соглашения об оказании юридической помощи, исполненного сторонами, является двусторонняя реституция.

Адвокатское образование не несет солидарной ответственности по обязательствам адвоката, возникающим из соглашений об оказании им юридической помощи доверителю.

Некоммерческая организация обратилась в суд с иском к адвокату З., адвокатскому бюро о признании недействительным соглашения об осуществлении адвокатской деятельности и оказании юридической помощи, поскольку оно подписано от имени истца неуполномоченным лицом и заключено без одобрения президентским советом юридического лица, как того требуют сделки, совершаемые на сумму, превышающую 100 000 руб., также просило взыскать солидарно с ответчиков уплаченные в рамках названного соглашения партнерством денежные средства, указывая, что услуги по оспариваемому соглашению ответчиками фактически не оказывались.

Ответчики исковые требования не признали.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены.

Судом установлено и подтверждается материалами дела, что единоличным исполнительным органом некоммерческой организации является исполнительный директор.

26 мая 2010 г. на очередном общем собрании членов этой некоммерческой организации его исполнительным директором избран Ш., сведения о нем как об исполнительном директоре внесены в ЕГРЮЛ. Впоследствии его полномочия также подтверждены на очередном общем собрании 26 мая 2011 г., проведенном в г. Санкт-Петербурге.

В эту же дату – 26 мая 2011 г. общее внеочередное собрание членов названного юридического лица проводилось и в г. Москве. По результатам собрания полномочия Ш. в качестве исполнительного директора партнерства досрочно прекращены и на указанную должность избран Л. В июне 2011 года на основании протокола этого собрания в ЕГРЮЛ внесены сведения об исполнительном директоре данной некоммерческой организации Л.

Решением арбитражного суда, вступившим в законную силу 11 октября 2012 г., признаны недействительными решение внеочередного общего собрания членов некоммерческой организации (истца) от 26 мая 2011 г. в части досрочного прекращения полномочий Ш. в качестве исполнительного директора данной организации и избрания на должность исполнительного директора Л., а также распоряжение органа юстиции от 17 июня 2011 г. о регистрации внесения в ЕГРЮЛ изменений в сведения о юридическом лице, не связанных с внесением изменений в учредительные документы этого некоммерческого партнерства.

23 января 2013 г. приговором мирового судьи, вступившим в законную силу 22 марта 2013 г., Л. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170¹ УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 100 000 руб.

Приговором установлено, что Л. представил в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документы, содержащие заведомо ложные данные, в целях внесения в ЕГРЮЛ сведений об исполнительном органе некоммерческого партнерства и лице, имеющем право без доверенности действовать от имени указанного юридического лица.

До этого, 14 сентября 2011 г., между данной некоммерческой организацией (доверитель) в лице исполнительного директора Л., с одной стороны, и адвокатским бюро (поверенный), адвокатом З., с другой стороны, было подписано соглашение об осуществлении адвокатской деятельности и оказании юридической помощи.

Согласно условиям данного соглашения поверенный и адвокат имеют право представлять интересы клиента в конституционном, гражданском, административном, уголовном судопроизводстве и судопроизводстве по делам об административных правонарушениях, а также представлять

интересы клиента в органах государственной власти, местного самоуправления, в отношениях с физическими и (или) юридическими лицами. Виды оказываемой юридической помощи и осуществляемой адвокатской деятельности указаны в приложении к данному соглашению.

Согласно указанному соглашению оказание юридической помощи осуществляется по нескольким делам, находящимся в производстве арбитражного суда. Вознаграждение за оказание юридической помощи независимо от объема подлежит выплате (в том числе при расторжении соглашения, в том числе в одностороннем порядке) и составляет 2 580 000 руб.

Во исполнение соглашения с банковского счета истца на банковский счет адвокатского бюро 20 и 21 сентября 2011 г. переведены денежные средства в общей сумме 2 500 000 руб.

Судом также установлено, что Л. осуществлял функции исполнительного директора некоммерческой организации (истца) до 19 января 2012 г.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что оспариваемое соглашение от имени истца заключено неуполномоченным лицом в нарушение установленного порядка.

При этом суд пришел к выводу о взыскании в пользу истца уплаченной по соглашению денежной суммы с адвокатского бюро и адвоката З. в солидарном порядке, исходя из того, что по условиям соглашения адвокат и поверенный совместно должны были оказывать юридическую помощь.

Суд апелляционной инстанции согласился с решением суда первой инстанции, дополнительно указав, что поскольку услуги по оспариваемому соглашению оказывались именно по защите прав лица, полномочия которого оспаривались в суде, у ответчиков имелись основания полагать, что данное лицо не было уполномочено в установленном законом порядке на заключение от имени истца оспариваемого соглашения и перечисление денежных средств со счета некоммерческой организации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Согласно ч. 3 ст. 61 ГПК РФ при рассмотрении гражданского дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено арбитражным судом.

Вступившим в законную силу решением арбитражного суда, истцом по которому выступала указанная некоммерческая организация, было установлено, что услуги этому юридическому лицу на основании оспариваемого соглашения во исполнение обязательств по нему адвокатским бюро оказывались.

В ходе рассмотрения спора судом первой инстанции ответчики представили в материалы дела документы, подтверждающие оказание юридической помощи истцу в виде представления его интересов по нескольким делам, рассмотренным в арбитражных судах.

По смыслу п. 2 ст. 167 ГК РФ взаимные предоставления по недействительной сделке, которая была исполнена обеими сторонами, считаются равными, пока не доказано иное. При удовлетворении требования одной стороны недействительной сделки о возврате полученного другой стороной суд одновременно рассматривает вопрос о взыскании в пользу последней всего, что получила первая сторона, если иные последствия недействительности не предусмотрены законом.

Суд первой инстанции, признавая недействительным оспариваемое соглашение и применяя последствия его недействительности, в нарушение положений ст. 167 ГК РФ не разрешил вопрос о возмещении доверителем оказанных ему ответчиками услуг, тем самым нарушил предусмотренное п. 2 данной статьи право ответчиков на возврат исполненного по недействительной сделке.

Согласно п. 1 ст. 322 ГК РФ солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

При солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга (п. 1 ст. 323 ГК РФ).

Как следует из материалов дела, заключенное сторонами соглашение предусматривало, что оказание юридических услуг по нему осуществляется адвокатом, который, в свою очередь, наделен правом привлекать в указанных целях любых третьих лиц. Условий о совместном оказании юридических услуг адвокатом 3. и адвокатским бюро (поверенным) соглашение не содержит.

Права и обязанности сторон в соглашении об оказании юридической помощи адвокатом регулируются гл. 39 ГК РФ и Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, Федеральный закон).

Пунктом 2 ст. 23 Федерального закона установлено, что к отношениям, возникающим в связи с учреждением и деятельностью адвокатского бюро, применяются правила ст. 22 данного Федерального закона, если иное не предусмотрено указанной статьей.

В силу положений п. 12 ст. 22 Федерального закона члены коллегии адвокатов не отвечают по ее обязательствам, коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов.

В соответствии с п. 13 ст. 22 Федерального закона коллегия адвокатов в соответствии с законодательством Российской Федерации является налоговым агентом адвокатов, являющихся ее членами, по доходам, полученным ими в связи с осуществлением адвокатской деятельности, а также их представителем по расчетам с доверителями и третьими лицами и другим вопросам, предусмотренным учредительными документами коллегии адвокатов.

Из пп. 1, 2, 4, 6 ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ следует, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Таким образом, закон определяет основные принципы взаимоотношений между адвокатским образованием, адвокатом и доверителем, согласно которым адвокатское образование не является стороной в соглашении об оказании юридической помощи.

Следовательно, ни в силу закона, ни в силу договора солидарная обязанность перед истцом у ответчиков (адвокатского бюро и адвоката З.) по заявленным требованиям наступить не могла.

Определение № 5-КГ15-198

III. Разрешение споров, связанных с семейными отношениями

5. Объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала, находится в общей долевой собственности супругов и детей.

Б.В. обратился в суд с иском к Б.Ю. с учетом уточненных требований о разделе в равных долях объекта незавершенного строительства (степень готовности 36 %) общей площадью 51,8 кв.м, мотивируя свои требования тем, что состоял с ответчиком в браке, спорное имущество является совместно нажитым.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, иск удовлетворен. За Б.В. признано право собственности на $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на объект незавершенного строительства (индивидуальный жилой дом). Право собственности Б.Ю. на $\frac{1}{2}$ доли спорного объекта прекращено.

Как установлено судом, Б.В. и Б.Ю. состояли в браке с 25 августа 2007 г. по 29 августа 2014 г., от брака имеют двоих детей.

Решением суда, вступившим в законную силу, за Б.Ю. признано право собственности на незавершенный строительством индивидуальный жилой дом.

Согласно материалам дела в 2011 и 2012 годах управление пенсионного фонда перечислило Б.Ю. средства материнского (семейного) капитала.

Согласно обязательству от 22 июля 2011 г. Б.Ю., имеющая средства материнского (семейного) капитала, осуществляя строительство жилого дома без привлечения строительной организации с использованием денежных средств материнского (семейного) капитала, обязалась в течение шести месяцев после получения кадастрового паспорта объекта индивидуального жилищного строительства оформить эту недвижимость в общую собственность лица, получившего сертификат, супруга, детей с определением размера долей по соглашению.

Установлено, что в строительство спорного дома были вложены средства материнского капитала, полученные Б.Ю.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции (и с ним согласился суд апелляционной инстанции) исходил из того, что строительство спорного объекта недвижимости производилось во время брака, имущество является совместно нажитым, а поскольку дом не достроен и не введен в эксплуатацию, доли детей не могут быть определены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке отменила указанные

судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» лица, получившие сертификат, могут распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала в полном объеме либо по частям на улучшение жилищных условий.

В п. 1 ч. 1 ст. 10 данного федерального закона указано, что средства (часть средств) материнского (семейного) капитала в соответствии с заявлением о распоряжении могут направляться на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах), путем безналичного перечисления указанных средств организации, осуществляющей отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения, либо физическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения, либо организации, в том числе кредитной, предоставившей по кредитному договору (договору займа) денежные средства на указанные цели.

В силу ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, оформляется в общую собственность родителей, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению.

Таким образом, специально регулирующие соответствующие отношения Федеральным законом определен круг субъектов, в чью собственность поступает жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала, и установлен вид собственности – общая долевая, возникающей у них на приобретенное жилье.

В соответствии со ст. 38, 39 СК РФ разделу между супругами подлежит только общее имущество, нажитое ими во время брака. К нажитому во время брака имуществу (общему имуществу супругов) относятся в том числе полученные каждым из них денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (п. 2 ст. 34 СК РФ).

Между тем, имея специальное целевое назначение, средства материнского (семейного) капитала не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могут быть разделены между ними.

Исходя из положений указанных норм права дети должны признаваться участниками долевой собственности на объект

недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала.

Таким образом, спорный объект недвижимости подлежит разделу с учетом требований ст. 38, 39 СК РФ и ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

При таких обстоятельствах вывод судов о том, что имущество является совместно нажитым, а поскольку дом не достроен и не введен в эксплуатацию, то доли детей не могут быть определены, противоречит закону.

Определение № 18-КГ15-224

IV. Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями

6. Конкурсный управляющий, осуществляя права и обязанности работодателя в период конкурсного производства, вправе увольнять работников организации-должника в порядке и на условиях, которые предусмотрены трудовым законодательством.

А. обратилась в суд с иском к банку о восстановлении на работе, предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, взыскании компенсации морального вреда в размере 50 000 рублей.

В обоснование иска заявитель указала, что работала в банке в должности специалиста по работе с залогами управления кредитования, в настоящее время находится в отпуске по уходу за ребенком. Решением арбитражного суда от 21 января 2014 г. банк (ответчик) признан банкротом и открыто конкурсное производство. Функции конкурсного управляющего банком возложены на Государственную корпорацию «Агентство по страхованию вкладов». Приказом от 2 июня 2014 г. А. уволена с работы в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации. Истец полагала увольнение незаконным, поскольку ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо – прекратившим существование после внесения об этом записи в единый государственный реестр юридических лиц. Вместе с тем определение о завершении конкурсного производства в отношении работодателя арбитражным судом не выносилось, из государственного реестра юридических лиц банк не исключен.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, иск удовлетворен частично. А. восстановлена в должности с 3 июня 2014 г., с банка в пользу А.

взыскана компенсация морального вреда в размере 2000 руб. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано. С банка в доход местного бюджета взыскана государственная пошлина в размере 400 рублей. Суд также указал, что решение в части восстановления на работе подлежит немедленному исполнению.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала, что при рассмотрении данного дела судами первой и апелляционной инстанций были допущены существенные нарушения норм материального права, которые выразились в следующем.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случае ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

О предстоящем увольнении в связи с ликвидацией организации, сокращением численности или штата работников организации работники предупреждаются работодателем персонально и под роспись не менее чем за два месяца до увольнения (ч. 2 ст. 180 ТК РФ).

Согласно ч. 4 ст. 261 ТК РФ расторжение трудового договора с женщиной, в частности имеющей ребенка в возрасте до трех лет, по инициативе работодателя не допускается (за исключением увольнения по основаниям, предусмотренным пп. 1, 5–8, 10 или 11 ч. 1 ст. 81 или п. 2 ст. 336 данного кодекса).

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2) разъяснено, что основанием для увольнения работников по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ может служить решение о ликвидации юридического лица, то есть решение о прекращении его деятельности без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам, принятое в установленном законом порядке (ст. 61 ГК РФ).

Ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо – прекратившим существование после внесения сведений о его прекращении в единый государственный реестр юридических лиц в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц (п. 9 ст. 63 ГК РФ).

Спорные правоотношения в настоящем случае возникли в связи с увольнением с должности специалиста по работе с залогами управления кредитования банка А. по приказу представителя конкурсного управляющего банка от 2 июня 2014 г. по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации.

Кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании

специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» (ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности»).

Приказом Банка России от 20 ноября 2013 г. у банка с 20 ноября 2013 г. отозвана лицензия на осуществление банковских операций по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности». В связи с отзывом лицензии осуществление коммерческим банком банковской деятельности прекращено 20 ноября 2013 г.

Согласно ч. 7 ст. 20 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» (в редакции, действующей на момент отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций) после отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций кредитная организация должна быть ликвидирована в соответствии с требованиями ст. 23¹ этого Федерального закона, а в случае признания ее банкротом – в соответствии с требованиями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций».

Особенности оснований и процедур признания кредитных организаций несостоятельными (банкротами) и их ликвидации в порядке конкурсного производства установлены Федеральным законом от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (п. 1 ст. 1) (далее – Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций») (здесь и далее приводятся нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в редакции, действующей на момент вынесения арбитражным судом 21 января 2014 г. решения о признании банка несостоятельным (банкротом).

Дело о банкротстве кредитной организации рассматривается арбитражным судом по правилам, предусмотренным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» или в неурегулированных ими случаях Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 50¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»).

Арбитражный суд, принявший решение о признании кредитной организации банкротом, направляет данное решение в Банк России, а также в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление государственной регистрации юридических лиц, для внесения им в единый государственный реестр юридических лиц записи о том, что кредитная организация находится в процессе ликвидации (п. 9

ст. 50¹⁰ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»).

В соответствии с п. 2 ст. 20 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» регистрирующий орган вносит в единый государственный реестр юридических лиц запись о том, что юридическое лицо находится в процессе ликвидации.

В силу пп. 1 и 2 ст. 182 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)») (здесь и далее приводятся нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в редакции, действовавшей на момент вынесения арбитражным судом 21 января 2014 г. решения о признании банка несостоятельным (банкротом) по результатам рассмотрения заявления о признании кредитной организации банкротом арбитражным судом может быть принято одно из следующих решений: о признании кредитной организации банкротом и об открытии конкурсного производства; об отказе в признании кредитной организации банкротом. В случае принятия арбитражным судом решения о признании кредитной организации банкротом конкурсное производство проводится в порядке, установленном данным Федеральным законом, с учетом особенностей, предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций».

Конкурсное производство вводится сроком на один год. Срок конкурсного производства может продлеваться по ходатайству лица, участвующего в деле о банкротстве, не более чем на шесть месяцев (п. 2 ст. 50¹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»).

При принятии решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства арбитражный суд утверждает конкурсного управляющего в порядке, предусмотренном ст. 45 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», о чем выносит определение. Конкурсный управляющий действует до даты завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве (ст. 127 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

В соответствии с п. 1 ст. 50²¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» конкурсный управляющий осуществляет полномочия руководителя кредитной организации и иных органов управления кредитной организации в пределах, порядке и на условиях, которые установлены данным Федеральным законом.

Согласно подп. 3 п. 3 ст. 50²¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» конкурсный управляющий обязан уведомить работников кредитной организации о предстоящем увольнении не позднее одного месяца со дня введения конкурсного производства.

Конкурсный управляющий вправе увольнять работников кредитной организации, в том числе руководителя кредитной организации, изменять условия трудовых договоров, переводить работников на другую работу в порядке и на условиях, которые установлены федеральным законом (подп. 2 п. 4 ст. 50²¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»).

Из содержания приведенных выше норм законодательства следует, что после отзыва у кредитной организации Банком России лицензии на осуществление банковских операций кредитная организация должна быть ликвидирована. Если ко дню отзыва лицензии на осуществление банковских операций у кредитной организации имеются признаки несостоятельности (банкротства), предусмотренные Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», то ликвидация кредитной организации проводится в порядке конкурсного производства, который является длительным по продолжительности процессом, начинающимся с признания решением арбитражного суда кредитной организации банкротом и введения конкурсного производства и завершающимся по окончании конкурсного производства (о чем выносятся определение арбитражного суда) внесением сведений о прекращении существования кредитной организации в единый государственный реестр юридических лиц в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц. В период конкурсного производства права и обязанности работодателя осуществляются конкурсным управляющим, который законом наделен правом увольнять работников кредитной организации в порядке и на условиях, которые предусмотрены трудовым законодательством, в том числе по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, в течение всего периода конкурсного производства.

Судом по делу установлено, что банк (ответчик) решением арбитражного суда от 21 января 2014 г. признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство сроком на один год. Конкурсным управляющим банка назначена Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов». В единый государственный реестр юридических лиц в соответствии с п. 2 ст. 20 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» внесена запись о том, что банк находится в стадии ликвидации.

При таких обстоятельствах расторжение конкурсным управляющим кредитной организации трудовых договоров с работниками этой организации по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, с соблюдением требований, установленных ст. 178 (выходные пособия) и 180 ТК РФ (гарантии и компенсации работникам при ликвидации организации, сокращении численности или штата работников организации), до вынесения арбитражным судом определения о завершении конкурсного производства является правомерным, поскольку осуществляется конкурсным управляющим в рамках полномочий, предоставленных ему Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций».

Вывод судов первой и апелляционной инстанций о незаконности расторжения с А. трудового договора по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (в связи с ликвидацией организации) со ссылкой на то, что арбитражным судом определение о завершении конкурсного производства в отношении банка (ответчика) ни на момент увольнения истца, ни в период рассмотрения данного спора не вынесено, что ликвидация банка не завершена и банк из единого государственного реестра юридических лиц не исключен, является ошибочным, основанным на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и разъяснений п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2.

Судебными инстанциями не принято во внимание, что незавершение конкурсного производства в отношении кредитной организации и отсутствие в едином государственном реестре юридических лиц сведений о ликвидации кредитной организации не препятствуют конкурсному управляющему увольнять работников кредитной организации по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ с соблюдением требований ст. 178 и 180 ТК РФ.

Таким образом, у ответчика имелось основание для расторжения с А. трудового договора по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией банка, которая осуществлялась в порядке конкурсного производства по решению арбитражного суда, о процессе ликвидации была внесена запись в единый государственный реестр юридических лиц.

Завершения процедуры ликвидации кредитной организации, подтверждаемой внесением в единый государственный реестр юридических лиц сведений о государственной регистрации кредитной организации в связи с ее ликвидацией, для увольнения работника по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ не требуется, в то время как судебные инстанции полагали обратное, то есть исходили из необходимости наличия факта завершения процедуры ликвидации кредитной организации, что нельзя признать правильным.

С учетом того, что порядок и условия увольнения А. по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации ответчиком были соблюдены и

такое основание для ее увольнения у ответчика действительно имелось, исковые требования А. о восстановлении на работе в должности специалиста по работе с залогами управления кредитования и компенсации морального вреда не подлежали удовлетворению.

Судебная коллегия также указала на следующее.

Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» признан утратившим силу в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

С 23 декабря 2014 г. порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, а также особенности оснований и порядка признания кредитных организаций несостоятельными (банкротами) и их ликвидации в порядке конкурсного производства установлены параграфом 4¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (п. 1 ст. 189⁷ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

В действующей с 23 декабря 2014 г. редакции Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» содержатся аналогичные по содержанию нормам Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (п. 1, подп. 3 п. 3 и подп. 2 п. 4 ст. 50²¹) нормы, определяющие полномочия, права и обязанности конкурсного управляющего, в частности право осуществлять полномочия руководителя кредитной организации, обязанность уведомить работников кредитной организации о предстоящем увольнении, право увольнять работников кредитной организации, в том числе руководителя кредитной организации, в порядке и на условиях, которые установлены федеральным законом (п. 1, подп. 2 п. 3 и подп. 2 п. 4 ст. 189⁷⁸ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в части удовлетворения исковых требований А. и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска А. к банку о восстановлении на работе, взыскании компенсации морального вреда.

7. Работодатели, осуществляющие предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, вправе в рамках коллективного договора, локального нормативного акта или в трудовом договоре устанавливать размер, условия и порядок предоставления работникам компенсации расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно, отличные от того, как это предусмотрено для работников организаций, финансируемых из бюджета.

Л. обратился в суд с иском к открытому акционерному обществу «Федеральная пассажирская компания» (далее – ОАО «ФПК»), в котором просил признать незаконным отказ ответчика возместить в полном объеме понесенные расходы на оплату проезда к месту отдыха и обратно, взыскать понесенные расходы на оплату проезда в июне 2014 года на железнодорожном транспорте от места жительства до места нахождения аэропорта в г. Москве и обратно в размере 6 981,80 руб., компенсацию морального вреда в размере 3000 руб., возместить судебные расходы.

В обоснование своих требований Л. указал, что работает в структурном подразделении ОАО «ФПК».

Приказом начальника структурного подразделения АО «ФПК» за период работы с 1 апреля 2014 г. по 31 марта 2015 г. Л. был предоставлен ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 28 дней со 2 по 30 июня 2014 г.

Находясь в отпуске, часть которого он провел в Турецкой Республике, Л. от места своего жительства проехал железнодорожным транспортом до г. Москвы и обратно по проездным документам, потратив на их приобретение 6 981, 80 руб.

В соответствии с пп. 3.4.1 и 3.4.2 коллективного договора ОАО «ФПК» Л. 3 сентября 2014 г. обратился к работодателю с заявлением о компенсации фактически понесенных им расходов на приобретение железнодорожных билетов от места жительства до ближайшего к месту использования отпуска аэропорта на территории Российской Федерации и обратно.

Понесенные Л. расходы на авиаперелет по территории Российской Федерации были ответчиком компенсированы, однако в возмещении расходов на проезд железнодорожным транспортом от места жительства до г. Москвы и обратно Л. отказано письмом от 4 сентября 2014 г., в связи с отсутствием оснований для компенсации Л. в 2014 году данных расходов в соответствии с положениями локальных нормативных актов АО «ФПК».

Полагая, что работодателем нарушено его право на возмещение в полном объеме расходов на проезд к месту отпуска и обратно, установленное в ст. 325 ТК РФ, Л. просил суд взыскать с ответчика

понесенные им расходы на проезд железнодорожным транспортом до аэропорта в г. Москве и обратно в размере 6 981, 80 руб., компенсацию морального вреда в размере 3000 руб., возместить судебные расходы.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Л., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что ответчиком нарушено установленное частью первой ст. 325 ТК РФ право истца на полное возмещение стоимости проезда один раз в два года за счет средств работодателя к месту использования отпуска и обратно.

При этом суд исходил из того, что п. 3.4.2 коллективного договора ОАО «ФПК» и основанное на нем решение ОАО «ФПК» об оплате Л. только части затрат на проезд к месту использования отпуска и обратно в размере стоимости авиаперелета без оплаты проезда от места жительства до аэропорта железнодорожным транспортом и обратно, противоречат требованиям трудового законодательства, так как ухудшают положение работника по сравнению с гарантиями, установленными трудовым законодательством.

С данными выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-І «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» устанавливает гарантии и компенсации по возмещению дополнительных материальных и физиологических затрат гражданам в связи с работой и проживанием в экстремальных природно-климатических условиях Севера.

В соответствии со ст. 33 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-І «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (в редакции Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 50-ФЗ) компенсация расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно лицам, работающим в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливается Трудовым кодексом Российской Федерации.

В силу части первой ст. 313 ТК РФ государственные гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливаются данным кодексом,

другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно части первой ст. 325 ТК РФ лица, работающие в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, имеют право на оплату один раз в два года за счет средств работодателя стоимости проезда и провоза багажа в пределах территории Российской Федерации к месту использования отпуска и обратно. Право на компенсацию указанных расходов возникает у работника одновременно с правом на получение ежегодного оплачиваемого отпуска за первый год работы в данной организации.

Частью восьмой ст. 325 ТК РФ (в редакции Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 50-ФЗ) предусмотрено, что размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в государственных органах субъектов Российской Федерации, государственных учреждениях субъектов Российской Федерации, устанавливаются нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в органах местного самоуправления, муниципальных учреждениях, – нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, у других работодателей, – коллективными договорами, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, трудовыми договорами.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Г. Труновой», компенсация расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно применительно к гражданам, работающим в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, является дополнительной гарантией реализации ими своего права на ежегодный оплачиваемый отпуск, предоставление которой непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает (п. 4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 2-П).

Вводя правовой механизм, предусматривающий применительно к работодателям, не относящимся к бюджетной сфере, определение размера, условий и порядка компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно в коллективных договорах, локальных нормативных актах, трудовых договорах, федеральный законодатель преследовал цель защитить таких работодателей, на свой риск осуществляющих предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность, от непосильного обременения и

одновременно – через институт социального партнерства – гарантировать участие работников и их представителей в принятии соответствующего согласованного решения в одной из указанных правовых форм. Тем самым на основе принципов трудового законодательства, включая сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, достигается баланс интересов граждан, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и их работодателей. Такое правовое регулирование направлено на учет особенностей правового положения работодателя, не относящегося к бюджетной сфере, и вместе с тем не позволяет ему лишить работников предусмотренной законом гарантии и уклониться от установления компенсации, поскольку предполагает определение ее размера, порядка и условий предоставления при заключении коллективного договора или трудового договора либо в локальном нормативном акте, принятом с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (п. 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 2-П).

В правоприменительной практике часть восьмая ст. 325 ТК РФ рассматривается как допускающая установление размера, условий и порядка соответствующей компенсации для лиц, работающих у работодателя, не относящегося к бюджетной сфере, отличное от предусматриваемых для работников организаций, финансируемых из бюджета, что может приводить к различиям в объеме дополнительных гарантий, предоставление которых обусловлено необходимостью обеспечения реализации прав на отдых и на охрану здоровья при работе в неблагоприятных природно-климатических условиях. Между тем такие различия должны быть оправданными, обоснованными и соразмерными конституционно значимым целям. Это означает, что при определении размера, условий и порядка предоставления компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно необходимо обеспечивать их соответствие предназначению данной компенсации как гарантирующей работнику возможность выехать за пределы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей для отдыха и оздоровления (п. 5 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 2-П).

Таким образом, из приведенных выше нормативных положений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации следует, что работодатели, не относящиеся к бюджетной сфере и осуществляющие предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, самостоятельно в рамках коллективного договора, локального нормативного акта или в трудовом договоре с работником устанавливают размер, условия и порядок предоставления работникам компенсации

расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно. В случае достижения соглашения между сторонами трудовых правоотношений о выплате такой компенсации ее объем может быть отличным от того, который установлен в частях первой – седьмой ст. 325 ТК РФ, но в то же время учитывающим целевое назначение такой компенсации (максимально способствовать обеспечению выезда работника за пределы неблагоприятной природно-климатической зоны).

В связи с тем, что АО «ФПК» не является организацией, финансируемой из федерального бюджета и других бюджетов (регионального и муниципального), отношения, связанные с предоставлением социальных гарантий, компенсаций и льгот работникам АО «ФПК», регулируются коллективным договором ОАО «ФПК» на 2013-2014 годы (далее – Коллективный договор), заключенным представителями работодателя и работников данного общества 28 декабря 2012 г., а также иными действующими в данном обществе локальными нормативными актами.

Раздел 3.4 Коллективного договора предусматривает ряд социальных гарантий, предоставляемых работникам АО «ФПК» и членам их семей.

Так, в соответствии с п. 3.4.1 Коллективного договора работникам, находящимся на их иждивении детям в возрасте до 18 лет (не более двух), детям работников, погибших в результате несчастного случая на производстве, до достижения ими возраста 18 лет предоставляется право бесплатного проезда по личным надобностям один раз в год по разовому транспортному требованию в купейном вагоне пассажирских поездов всех категорий от пункта отправления до пункта назначения на территории Российской Федерации и обратно.

Работники также имеют право бесплатного проезда на расстояние 200 км в пригородном сообщении на железнодорожном транспорте общего пользования от места жительства до места работы, учебы и обратно.

При этом порядок предоставления права бесплатного проезда на железнодорожном транспорте общего пользования определяется локальными нормативными актами компании с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации АО «ФПК».

В силу п. 3.4.2 Коллективного договора (в редакции дополнительного соглашения от 31 марта 2014 г.) работникам структурных подразделений компании, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также находящимся на их иждивении детям в возрасте до 18 лет (не более двух) один раз в два года компенсируется сумма фактически понесенных расходов в размере стоимости авиабилета от ближайшего к пункту проживания аэропорта до ближайшего к месту использования отпуска аэропорта на территории Российской Федерации и обратно, превышающая стоимость проезда железнодорожным

транспортом, предусмотренного п. 3.4.1 Коллективного договора, в соответствии с локальными нормативными актами компании.

В случае предоставления работникам компенсации стоимости авиабилета право бесплатного проезда на железнодорожном транспорте от пункта проживания до ближайшего к пункту проживания аэропорта им не предоставляется (абзац второй пункта 3.4.2. Коллективного договора).

Согласно п. 1.1 Порядка выплаты компенсации работникам ОАО «ФПК», работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и находящимся на их иждивении детям в возрасте до 18 лет (не более двух) при использовании воздушного транспорта – приложения к распоряжению ОАО «ФПК» от 25 июля 2014 г. № 892р (далее – Порядок выплаты компенсации) – при использовании в текущем году права бесплатного проезда по личным надобностям по разовому транспортному требованию, предусмотренному п. 3.4.1 Коллективного договора, расходы на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно в пределах Российской Федерации воздушным транспортом компенсируются в размере суммы разницы в стоимости авиабилета и проезда в купейном вагоне пассажирских поездов по маршруту, аналогичному указанному в авиабилете, при ее наличии.

Пунктом 1.2 Порядка выплаты компенсации предусмотрено, что при отказе работника в текущем году от права бесплатного проезда по личным надобностям по разовому транспортному требованию, предусмотренному п. 3.4.1 Коллективного договора, расходы на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно в пределах Российской Федерации воздушным транспортом компенсируются исходя из стоимости, указанной в авиабилетах, то есть фактически понесенных расходов.

Таким образом, определенные в Коллективном договоре и локальных нормативных актах АО «ФПК» порядок и условия выплаты компенсации расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно в совокупности с иными предусмотренными этими актами социальными гарантиями работникам – такими как право бесплатного проезда по личным надобностям один раз в год по разовому требованию в купейном вагоне пассажирских поездов всех категорий от пункта отправления до пункта назначения по территории Российской Федерации – обеспечивают работнику возможность выехать за пределы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей для отдыха и оздоровления.

Ввиду изложенного выводы судебных инстанций о противоречии положений п. 3.4.2 Коллективного договора части первой ст. 325 ТК РФ, о несоответствии установленной Коллективным договором оплаты работникам АО «ФПК» расходов на проезд к месту использования отпуска и обратно (в части ее размера) назначению данной компенсации, о ее неоправданном занижении и необеспечении работнику возможности

выезда за пределы неблагоприятной природно-климатической зоны основаны на неправильном толковании норм материального права и действующих в АО «ФПК» локальных нормативных актов, регулирующих спорные отношения, а также сделаны без учета правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Г. Труновой».

Поскольку, как установлено судом, в июле 2014 года работодатель компенсировал Л. фактически понесенные расходы на оплату стоимости авиабилета до ближайшего к месту использования отпуска аэропорта на территории Российской Федерации и обратно в порядке, установленном локальными нормативными актами (пп. 3.4.1, 3.4.2 Коллективного договора, пп. 1.1, 1.2 Порядка выплаты компенсации), оснований для компенсации Л. расходов на проезд железнодорожным транспортом от места жительства до аэропорта в г. Москве и обратно не имелось, так как Коллективный договор и локальные нормативные акты АО «ФПК» такой обязанности работодателя в данном случае не предусматривают, но в то же время определенные в них порядок и условия оплаты проезда работникам АО «ФПК» по личным надобностям, в том числе и к месту использования отпуска и обратно для работников структурных подразделений, расположенных в районах Крайнего Севера (пп. 3.4.1, 3.4.2 Коллективного договора), в своей совокупности обеспечивали Л. возможность выезда за пределы неблагоприятной природно-климатической зоны.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении заявленных исковых требований Л.

Определение № 8-КГ15-18

8. Вдовы граждан, ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, не относятся к лицам, имеющим право на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, предусмотренной п. 13 части первой ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I «О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

М. 15 июня 2014 г. обратилась в суд с иском к органу социальной защиты населения (далее – УСЗН) о признании незаконным отказа в назначении ежемесячной денежной компенсации на приобретение

продовольственных товаров, взыскании денежных средств, об обязанности назначить и выплачивать ежемесячную компенсацию, указав в обоснование своих требований на то, что она является вдовой инвалида, умершего в связи с участием в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, получает ежемесячную денежную компенсацию в связи с потерей кормильца.

Судом установлено, что М. является вдовой умершего 16 ноября 2000 г. М.Г. – инвалида вследствие заболевания, связанного с участием в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (далее – ЧАЭС). Причина смерти М.Г. связана с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

При жизни М.Г. пользовался мерами социальной поддержки, предусмотренными Законом Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (далее – Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І или Закон), в том числе являлся получателем ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования М., суд первой инстанции, руководствуясь положениями ч. 4 ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І и п. 1 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 907 «О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», исходил из того, что поскольку супруг М., инвалид вследствие чернобыльской катастрофы, при жизни являлся получателем ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, то у М. в связи со смертью супруга также возникло право на получение данной меры социальной поддержки. Суд указал на то, что истец, как супруга, является членом семьи М.Г. – инвалида І группы, умершего по причине, связанной с участием в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, следовательно, она относится к числу граждан, которым выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров осуществляются в соответствии с названными Правилами с учетом внесенных в них изменений постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2010 г. № 751, вступивших в силу с 12 октября 2010 г.

На основании данного вывода суд признал незаконным отказ ответчика назначить М. ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров. Ссылаясь на п. 6 Правил

выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС, суд обязал ответчика назначить и выплачивать М. ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров начиная с марта 2014 года, то есть с месяца, следующего за месяцем подачи ею заявления о назначении данной выплаты.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций о наличии у М. права на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров ошибочными и основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Частью 4 ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) установлено, что меры социальной поддержки, предусмотренные пп. 2, 3, 7, 8, 12-15 части первой названной статьи, распространяются на семьи, потерявшие кормильца из числа граждан, погибших в результате катастрофы на ЧАЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой, а также на семьи умерших инвалидов, на которых распространялись меры социальной поддержки, указанные в данной статье.

Из содержания приведенной правовой нормы следует, что после смерти инвалида вследствие чернобыльской катастрофы меры социальной поддержки, указанные в ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I, распространяются на членов его семьи в том случае, если они распространялись на них и при жизни получателя социальной поддержки.

Согласно п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I гражданам, указанным в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 13 этого закона (граждане, получившие или перенесшие лучевую болезнь и другие заболевания, связанные с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы или с работами по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, и инвалиды вследствие чернобыльской катастрофы из числа названных в п. 2 ч. 13 Закона), гарантируется ежемесячная денежная компенсация им, а также проживающим с ними детям, не достигшим 14-летнего возраста, на приобретение продовольственных товаров в размере 300 руб.

В данной норме Закона определен конкретный круг лиц, имеющих право на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров: сами граждане, подвергшиеся воздействию

радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС (среди них инвалиды вследствие черновыльской катастрофы), и не достигшие 14-летнего возраста дети, проживающие с ними. Другие члены семьи указанных граждан не названы в качестве субъектов, имеющих право на такую компенсацию.

В спорных правоотношениях, установленных судом по делу, М. имеет статус вдовы инвалида I группы, умершего по причине, связанной с участием в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

Поскольку право на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, предусмотренной п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I, не распространялось на жен инвалидов, получивших заболевание вследствие черновыльской катастрофы, при их жизни, соответственно, оно не распространяется на них и после смерти инвалидов вследствие черновыльской катастрофы.

Между тем судами первой и апелляционной инстанций неправильно истолкованы подлежащие применению к спорным отношениям положения ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I и, как следствие, дана ошибочная оценка, как незаконного, отказа ответчика назначить М. денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров.

Неправильно истолкованы судами первой и апелляционной инстанций и положения п. 1 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС.

Статьей 4 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I установлено, что меры социальной поддержки, предусмотренные Законом, предоставляются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В целях реализации названного закона было принято постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 907 «О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», которым утверждены в том числе Правила выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС («Правила предоставления ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» – наименование в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 4 марта 2015 г. № 190) (далее также – Правила).

В п. 1 Правил перечислены лица, которым выплачивается ежемесячная денежная компенсация на приобретение продовольственных

товаров (далее также – компенсация). Жены и вдовы инвалидов, получивших заболевание вследствие чернобыльской катастрофы, в их числе не указаны.

С учетом того, что в соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І ежемесячная денежная компенсация на приобретение продовольственных товаров выплачивается гражданам, указанным в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 13 данного закона, а также детям этих граждан, проживающим с ними и не достигшим 14-летнего возраста, в целях соблюдения прав детей на компенсацию после смерти кормильца из числа указанных граждан постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2010 г. № 751 в п. 1 Правил были внесены соответствующие изменения, касающиеся выплаты компенсации семьям умерших инвалидов, на которых распространялись меры социальной поддержки, указанные в ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І.

При этом постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2010 г. № 751 круг лиц, имеющих право на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров, по сравнению с п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І не расширился, как полагали суды первой и апелляционной инстанций при разрешении спора. Изменениями, внесенными данным постановлением в п. 2 Правил, дополняющими перечень документов, на основании которых назначается ежемесячная денежная компенсация на приобретение продовольственных товаров, не предусмотрено представление членами семьи умершего кормильца (а именно вдовой (вдовцом) заверенной копии свидетельства о браке, что являлось бы подтверждением того, что компенсация выплачивается в том числе и вдовам (вдовцам) граждан, перечисленных в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 13 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І.

Ввиду приведенных обстоятельств вывод судебных инстанций о признании за М. права на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров как за супругой инвалида, умершего по причине, связанной с участием в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, Судебная коллегия признала основанным на неправильном толковании и применении норм материального права к спорным отношениям.

В силу положений п. 13 ч. 1 и ч. 4 ст. Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І правовых оснований для признания за истцом права на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров не имелось, соответственно исковые требования не подлежали удовлетворению.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу

судебные постановления и приняла новое решение об отказе в удовлетворении заявленных исковых требований.

Определение № 5-КГ15-125

V. Процессуальные вопросы

9. Недоказанность размера имущественного вреда не является основанием для отказа в применении к причинителю вреда мер гражданско-правовой ответственности.

М. обратилась в суд с иском к Ф. о возмещении ущерба, причиненного заливом квартиры, компенсации морального вреда, указав, что залив ее квартиры произошел по причине самовольно произведенной ответчиком перепланировки инженерных коммуникаций в принадлежащей ему и Ф. на праве собственности квартире.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд исходил из того, что истец в нарушение требований ст. 56 ГПК РФ не представила доказательств размера причиненного ей ущерба, а материалы дела не позволяют установить размер ущерба, поскольку, фактическое изложение в тексте иска таблицы видов работ с указанием их объема, стоимости и стоимости материалов не является надлежащим доказательством причинения ущерба и его размера имуществу истца, не соответствует ст. 55 ГПК РФ и не может являться допустимым доказательством, подтверждающим причинение и размер ущерба, иных доказательств истцом представлено не было.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, оставив решение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала выводы суда ошибочными по следующим основаниям.

Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду (ст. 2 ГПК РФ).

В соответствии со ст. 194 ГПК РФ решением является постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу. Решение должно быть законным и обоснованным (ч. 1 ст. 195 ГПК РФ).

Как разъяснено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ).

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59 - 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3 постановления Пленума).

Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Как предусмотрено п. 1 ст. 1064 ГК РФ, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ, в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

При таких обстоятельствах обязанностью суда, предусмотренной действующим законодательством, было выяснение действительных обстоятельств дела, а именно, установление факта залива и лица, виновного в произошедшем заливе, факта причинения вреда имуществу истца и его оценки в материальном выражении, однако суд от данной обязанности уклонился.

В обоснование своих требований истцом представлен акт жилищной организации с описанием выявленных на месте повреждений, причиненных заливом, суд также наделен иными процессуальными возможностями, которые позволяли ему достоверно установить размер причиненных убытков, однако в нарушение действующего законодательства суд первой инстанции такими возможностями не воспользовался.

При этом обязанность по возмещению причиненного вреда и случаи, в которых возможно освобождение от такой обязанности, предусмотрены законом. Недоказанность размера причиненного ущерба к основаниям, позволяющим не возлагать гражданско-правовую ответственность на причинителя вреда, действующим законодательством не отнесена.

Суд апелляционной инстанции не исправил ошибки, допущенные при рассмотрении дела нижестоящим судом.

Допущенные судом апелляционной инстанции, проверявшим законность решения суда первой инстанции, нарушения норм права являются существенными и непреодолимыми, в связи с чем могут быть исправлены только посредством отмены апелляционного определения.

Учитывая, что повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию в пределах доводов апелляционных жалобы, представления и в рамках тех требований, которые уже были предметом рассмотрения в суде первой инстанции (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции»), а также принимая во внимание необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства (ст. 6¹ ГПК Российской Федерации), Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, отменив апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда, направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 46-КГ15-34

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Практика применения положений законодательства о банкротстве

1. При наличии доказательств, свидетельствующих о существовании причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и банкротством подконтрольной организации, контролирующее лицо несет бремя доказывания обоснованности и разумности своих действий и их совершения без цели причинения вреда кредиторам подконтрольной организации.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества (далее также – должник) конкурсный управляющий обратился с заявлением о привлечении солидарно к субсидиарной ответственности компании, являющейся учредителем и единственным участником общества (далее также – контролирующее лицо), и его бывшего руководителя.

Конкурсный управляющий обосновывал свои требования в том числе тем, что по материалам налоговой проверки общества поступавшие ему от реализации продукции денежные средства перечислялись по цепочке расчетных счетов третьих лиц и спустя непродолжительное время аккумулировались на расчетных счетах компании. По мнению заявителя, такое движение денежных средств не было связано с реальными хозяйственными операциями и направлено на вывод активов должника в пользу контролирующего лица. Кроме того, компания изъяла у общества имущество производственного назначения, что повлекло невозможность осуществления последним основной хозяйственной деятельности.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, удовлетворены требования к бывшему руководителю и отказано в удовлетворении требований к компании.

Суды пришли к выводу, что неплатежеспособность общества наступила по вине руководителя. Суды, сославшись на положения п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве в редакции до изменений, внесенных Федеральным законом от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ, указали на отсутствие доказательств совершения компанией как участником общества действий, определяющих порядок ведения им деятельности, прямо или косвенно направленных на доведение его до банкротства, поскольку признаки банкротства возникли у должника до совершения компанией указанных в заявлении действий.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении требований к компании и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Из системного толкования абзаца второго п. 3 ст. 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), п. 3 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и п. 4 ст. 10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» необходимым условием возложения субсидиарной ответственности на участника является наличие причинно-следственной связи между использованием им своих прав и (или) возможностей в отношении контролируемого хозяйствующего субъекта и совокупностью юридически значимых действий, совершенных подконтрольной организацией, результатом которых стала ее несостоятельность (банкротство).

Совершение компанией указанных действий по перечислению выручки и отчуждению производственных объектов общества вызывают объективные сомнения в том, что компания руководствовалась интересами дочернего общества.

При названных обстоятельствах в силу ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) на компанию перешло бремя доказывания того, что возникновение у нее права собственности по указанным конкурсным управляющим операциям явилось следствием обычного хозяйственного оборота, а не вызвано использованием участником его возможностей, касающихся определения действий общества, во вред кредиторам должника.

Именно компания как сторона договорных и внедоговорных отношений имела возможность раскрыть информацию по меньшей мере о сделках, связанных с перечислением денежных средств на принадлежащие ей счета со стороны ее контрагентов, подтвердив реальный характер операций и их экономическую обоснованность. Кроме этого, у компании не имелось объективных препятствий для представления сведений об истинных причинах отчуждения имущества общества.

Суды не дали оценку поведению компании и в нарушение требований ч. 2 ст. 9 АПК РФ возложили на кредиторов общества негативные последствия несовершения контролирующим лицом процессуальных действий по представлению доказательств.

Кроме того, разрешая вопрос о том, явилось ли банкротство общества следствием поведения его участника, суды не учли положения ст. 2 Закона о банкротстве, ошибочно отождествив понятия «неплатежеспособность» и «банкротство». Момент возникновения признаков неплатежеспособности хозяйствующего субъекта может не совпадать с моментом его фактической несостоятельности (банкротства).

Субсидиарная ответственность участника наступает тогда, когда в результате его поведения должнику не просто причинен имущественный вред, а он стал банкротом, то есть лицом, которое не может удовлетворить требования кредиторов и исполнить публичные обязанности вследствие значительного уменьшения объема своих активов под влиянием контролирующего лица.

В связи с этим судам следовало проверить доводы конкурсного управляющего о том, что на фоне недостаточности денежных средств у общества (появления первых признаков неплатежеспособности) действия компании по изъятию выручки и имущества, используемого в производственных целях, усугубили и без того затруднительное финансовое состояние должника, что привело к банкротству, которое в такой ситуации стало неизбежным.

Определение № 302-ЭС14-1472

2. В силу п. 2 ст. 10 Закона о несостоятельности (банкротстве) презюмируется наличие причинно-следственной связи между противоправным и виновным бездействием руководителя организации в виде неподачи заявления о признании должника банкротом и вредом, причиненным кредиторам организации из-за невозможности удовлетворения возросшей перед ними задолженности.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества налоговый орган обратился в суд с заявлением о привлечении на основании п. 2 ст. 10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) бывшего руководителя должника к субсидиарной ответственности по непогашенным должником обязательным платежам.

Заявитель ссылаясь на то, что в период, в который образовалась недоимка, общество отвечало признакам неплатежеспособности и недостаточности имущества, поэтому руководитель должен был подать в суд заявление о признании общества несостоятельным (банкротом). Эта обязанность не была им исполнена. Дело о банкротстве общества возбуждено через год по заявлению конкурсного кредитора.

Удовлетворяя требование уполномоченного органа о привлечении руководителя к субсидиарной ответственности, суды первой и апелляционной инстанций признали его бездействие неправомерным.

Отменяя судебные акты нижестоящих судов, арбитражный суд округа указал на то, что возникновение обязанности общества по уплате обязательных платежей не обусловлено противоправным бездействием руководителя, выразившемся в неподаче в арбитражный суд в срок до заявления о признании общества банкротом, а вызвано объективными

обстоятельствами – наличием налогооблагаемой базы по налогу на добавленную стоимость (операций по реализации товаров (работ, услуг)) и объекта обложения страховыми взносами (выплат в пользу работников общества в рамках трудовых отношений). В связи с этим арбитражный суд округа пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между допущенным руководителем нарушением (его неправомерным бездействием) и негативными последствиями в виде неперечисления должником в бюджет и государственные внебюджетные фонды обязательных платежей.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Исходя из положений ст. 10 ГК РФ, руководитель хозяйственного общества обязан действовать добросовестно не только по отношению к возглавляемому им юридическому лицу, но и по отношению к такой группе лиц, как кредиторы. Он должен учитывать права и законные интересы последних, содействовать им в том числе в получении необходимой информации.

Применительно к гражданским договорным отношениям невыполнение руководителем требований Закона о банкротстве об обращении в арбитражный суд с заявлением должника о банкротстве свидетельствует о недобросовестном сокрытии от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица.

Подобное поведение руководителя влечет за собой принятие несостоятельным должником дополнительных долговых реестровых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов, от которых были скрыты действительные факты, и, как следствие, возникновение убытков на стороне этих новых кредиторов, введенных в заблуждение в момент предоставления должнику исполнения.

Хотя предпринимательская деятельность не гарантирует получение результата от ее осуществления в виде прибыли, тем не менее она предполагает защиту от рисков, связанных с неправомерными действиями (бездействием), нарушающими нормальный (сложившийся) режим хозяйствования.

Одним из правовых механизмов, обеспечивающих защиту кредиторов, не осведомленных по вине руководителя должника о возникшей существенной диспропорции между объемом обязательств должника и размером его активов, является возложение на такого руководителя субсидиарной ответственности по новым гражданским обязательствам при недостаточности конкурсной массы.

При этом из содержания п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве следует, что предусмотренная этой нормой субсидиарная ответственность руководителя распространяется в равной мере как на денежные обязательства, возникающие из гражданских правоотношений, так и на обязанности по уплате обязательных платежей.

Момент подачи заявления о банкротстве должника имеет существенное значение и для разрешения вопроса об очередности удовлетворения публичных обязательств. Так, при должном поведении руководителя, своевременно обратившегося с заявлением о банкротстве возглавляемой им организации, вновь возникшие фискальные обязательства погашаются приоритетно в режиме текущих платежей, а при неправомерном бездействии руководителя те же самые обязательства погашаются в общем режиме удовлетворения реестровых требований (п. 1 ст. 5, ст. 134 Закона о банкротстве).

Таким образом, не соответствующее принципу добросовестности бездействие руководителя, уклоняющегося от исполнения возложенной на него Законом о банкротстве обязанности по подаче заявления должника о собственном банкротстве (о переходе к осуществляемой под контролем суда ликвидационной процедуре), является противоправным, виновным, влечет за собой имущественные потери на стороне кредиторов и публично-правовых образований, нарушает как частные интересы субъектов гражданских правоотношений, так и публичные интересы государства. Исходя из этого, законодатель в п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве презюмировал наличие причинно-следственной связи между неподачей руководителем должника заявления о банкротстве и негативными последствиями для кредиторов и уполномоченного органа в виде невозможности удовлетворения возросшей задолженности.

В предмет доказывания по спорам о привлечении руководителей к ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве, входит установление следующих обстоятельств:

- возникновение одного из условий, перечисленных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве;
- момент возникновения данного условия;
- факт неподачи руководителем в суд заявления о банкротстве должника в течение месяца со дня возникновения соответствующего условия;
- объем обязательств должника, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве.

При исследовании совокупности указанных обстоятельств следует учитывать, что обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был

объективно определить наличие одного из обстоятельств, упомянутых в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Следовательно, у арбитражного суда округа отсутствовали основания для освобождения руководителя от ответственности по приведенным этим судом мотивам.

Поскольку судами первой и апелляционной инстанций неверно определен момент возникновения обязанности по уплате обязательных платежей, дело было направлено на новое рассмотрение.

Определение № 309-ЭС15-16713

3. Мировое соглашение, в том числе утвержденное в рамках предыдущего дела о банкротстве должника, может быть обжаловано лицами, участвующими в деле о банкротстве, третьими лицами, участвующими в мировом соглашении, а также иными лицами, права и законные интересы которых нарушены или могут быть нарушены этим мировым соглашением.

Определением суда первой инстанции принято заявление общества о признании его банкротом, возбуждено производство по делу.

На стадии рассмотрения обоснованности заявления определением суда утверждено заключенное обществом и компанией мировое соглашение, по условиям которого произведен взаимозачет задолженностей сторон, производство по делу прекращено.

Впоследствии в отношении должника вновь возбуждено дело о банкротстве, проведена процедура наблюдения, затем открыто конкурсное производство.

Считая, что мировое соглашение нарушает права и законные интересы должника и конкурсных кредиторов, конкурсный управляющий обратился с кассационной жалобой на определение суда, которым было утверждено указанное мировое соглашение, ходатайствуя о восстановлении пропущенного процессуального срока.

Определением арбитражного суда округа производство по кассационной жалобе прекращено. Суд пришел к выводу, что заявитель не обладает правом на обжалование мирового соглашения, утвержденного в рамках предыдущего дела о банкротстве должника.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 162 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) по жалобе лиц, участвующих в деле о банкротстве, третьих

лиц, участвующих в мировом соглашении, а также иных лиц, права и законные интересы которых нарушены или могут быть нарушены мировым соглашением, определение об утверждении мирового соглашения может быть обжаловано в порядке, установленном АПК РФ.

Пунктом 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено право конкурсных кредиторов или уполномоченных органов, а также арбитражных управляющих обжаловать определение об утверждении мирового соглашения, заключенного по другому делу в исковом процессе.

При этом указанное разъяснение не ограничивает право названных лиц на обжалование определения об утверждении мирового соглашения в рамках предыдущего дела о банкротстве того же должника, а, напротив, расширяет объем их процессуальных возможностей.

Иной подход в рассматриваемом случае (прекращение обязательств посредством взаимозачета) может привести к преимущественному удовлетворению требований одного из кредиторов несостоятельного должника перед другими возможными кредиторами и иными заинтересованными лицами, что противоречит положениям Закона о банкротстве.

Обращаясь с жалобой в арбитражный суд округа, заявитель представлял доказательства наличия иных требований к должнику (судебные акты, подтверждающие наличие задолженности, реестр требований кредиторов), не предъявленные последнему по объективным причинам, поскольку мировое соглашение утверждено до введения в отношении должника процедуры банкротства.

В такой ситуации прекращение производства по жалобе лишает заявителя возможности защитить права и законные интересы участвующих в деле о банкротстве должника лиц, которые нарушены или могут быть нарушены условиями утвержденного судом мирового соглашения, что недопустимо.

Определение № 305-ЭС15-12792

4. Правом на заявление разногласия относительно порядка и условий проведения торгов по реализации предмета залога наделены собрание и комитет кредиторов, волеизъявление которых формируется путем принятия коллегиального решения.

Противоречие конкурсной документации может быть устранено путем толкования применительно к положениям ст. 431 ГК РФ, а не посредством внесения в нее изменений.

В рамках дела о банкротстве общества банк, являясь залоговым кредитором, согласно абзацу третьему п. 4 ст. 138 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) определил в соответствующем положении порядок, условия и срок реализации заложенного имущества.

Председатель комитета кредиторов должника обратился в суд с заявлением об урегулировании разногласий по вопросам о порядке и условиях проведения торгов по реализации заложенного имущества, ссылаясь на то, что пункты положения не корреспондируют друг с другом, создают неопределенность относительно условий проведения торгов и тем самым ограничивают доступ к торгам потенциальных покупателей, так как в одном из них было указано, что имущество на торги выставляется «лотами», во втором же речь шла о продаже «предприятия».

Отказывая в удовлетворении требования, суд первой инстанции, выводы которого поддержал апелляционный суд, исходил из того, что первые и повторные торги уже проведены в соответствии с утвержденным положением. Доказательств, свидетельствующих о неопределенности условий положения и негативном влиянии оспариваемого пункта на реализацию заложенного имущества, не приведено.

При этом судами отклонены доводы банка о необходимости оставлять заявление председателя комитета кредиторов без рассмотрения применительно к ст. 148 АПК РФ. Данный вывод судов обоснован ссылками на ст. 2 и 35 Закона о банкротстве, а также п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций и удовлетворяя заявленное требование, арбитражный суд округа счел доводы председателя комитета кредиторов обоснованными, указав на то, что необходимость внесения изменений в оспариваемый пункт положения в редакции, предложенной залоговым кредитором, впоследствии признана самим банком и конкурсным управляющим должником.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно абзацу третьему п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве правом на передачу разногласий относительно порядка и условий проведения торгов по реализации предмета залога обладают конкурсный управляющий и конкурсный кредитор, чьи требования обеспечены залогом.

Названное положение закона не исключает права иных лиц, участвующих в деле о банкротстве, на заявление возражений относительно

порядка и условий проведения торгов по продаже заложенного имущества (абзац пятый п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя»).

В предусмотренном ст. 34 Закона о банкротстве перечне лиц, участвующих в деле о банкротстве, председатель или представитель комитета кредиторов должника прямо не поименованы.

Однако по смыслу ст. 12 и 17 Закона о банкротстве соответствующими правами наделены как собрание, так и комитет кредиторов должника, поскольку предполагается, что они действуют в интересах конкурсных кредиторов.

При этом необходимо учитывать, что волеизъявление комитета кредиторов формируется путем принятия коллегиального решения (пп. 5, 6 ст. 17 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае с заявлением об урегулировании разногласий председатель комитета кредиторов обратился в отсутствие надлежащим образом оформленного решения комитета кредиторов.

Вместе с тем, как следует из имеющихся в материалах обособленного спора пояснений конкурсного управляющего должником, последнее заявление председателя комитета кредиторов поддерживает. В связи с этим основания для оставления требования без рассмотрения отсутствуют.

Приведенное противоречие конкурсной документации подлежало устранению путем толкования применительно к положениям ст. 431 ГК РФ, а не посредством внесения изменений в положение.

Так, помимо одного из пунктов положения указание на продажу имущества «лотами» содержалось в других пунктах. Кроме того, в положении была сделана ссылка на приложение, где указан конкретный перечень имущества, сформированного в 196 лотов.

Таким образом, для любого разумного участника гражданского оборота очевидно, что на продажу выставляется не предприятие как единый имущественный комплекс, а индивидуализированное имущество в лотах, в связи с чем вывод арбитражного суда округа о наличии неопределенности в конкурсной документации нельзя признать обоснованным.

Напротив, принятое арбитражным судом округа постановление неосновательно предоставляет заинтересованным лицам право на оспаривание торгов, ведет к затягиванию процедуры банкротства, увеличивает текущие расходы, что не соответствует целям конкурсного производства.

Определение № 302-ЭС15-3926

II. Разрешение споров, связанных с недействительностью сделок

5. Крупная сделка хозяйственного общества, совершенная на основании подложных документов без согласия единственного участника, не может быть признана ничтожной на основании ст. 169 ГК РФ, как совершенная с целью, противной основам правопорядка и нравственности.

Банком (кредитором) и предпринимателем (заемщиком) заключен договор об открытии кредитной линии.

В целях обеспечения исполнения обязательств по этому договору банк (залогодержатель) и общество (залогодатель) заключили договор ипотеки недвижимого имущества.

Вступившим в законную силу судебным актом по другому делу удовлетворены требования банка о взыскании задолженности с предпринимателя по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество, принадлежащее обществу. В удовлетворении встречного иска общества и его участника к банку о признании недействительным договора ипотеки как крупной сделки, совершенной без согласия единственного участника, отказано.

Приговором суда директор общества признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ.

Ссылаясь на то, что приговором суда установлены обстоятельства представления директором общества в банк заведомо подложного решения об одобрении договора ипотеки с поддельной подписью единственного участника общества, последний обратился в суд с иском о признании этих договоров ничтожными сделками, совершенными с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Суды исходили из того, что преступными действиями директора обществу и его единственному участнику причинен имущественный вред, что противоречит нормам морали и обычаям делового оборота. Суды указали, что данные действия единоличного исполнительного органа не могут быть оценены как формирующие волю общества на передачу недвижимого имущества в залог банку.

При этом судами отклонен довод банка о его добросовестности и неосведомленности о факте подложности решений единственного участника. Суды отметили, что с учетом совершения сделок с целью, противной основам правопорядка и нравственности, оснований для

признания интересов банка более приоритетными по сравнению с интересами истца не имеется.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

В рамках другого дела по иску банка о взыскании кредитной задолженности и обращении взыскания на заложенное имущество обществом и участником был предъявлен встречный иск о признании недействительными договоров ипотеки как крупных сделок, совершенных без одобрения (ст. 46 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). По итогам рассмотрения встречного иска в его удовлетворении было отказано.

Обращаясь в суд с иском по настоящему делу и основывая свои требования на положениях ст. 169 ГК РФ, участник общества, по сути, ссылается на те же самые обстоятельства, что и в рамках первого дела – отсутствие одобрения договоров ипотеки. Его позиция дополнена лишь ссылкой на приговор как доказательство подложности решений единственного участника.

Предъявляя настоящий иск, участник должен был доказать наличие у сторон (либо у одной из сторон) договоров ипотеки при их заключении цели, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, то есть не просто цели на заключение сделки, не соответствующей требованиям закона или иных правовых актов, а нарушающей основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои (п. 85 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», далее – постановление № 25).

По мнению участника, о такой цели свидетельствуют преступные действия директора общества по подделке решений единственного участника.

В то же время, поскольку в предмет доказывания по настоящему делу входили обстоятельства, указывающие на ничтожность договоров ипотеки, а не решений об их одобрении, участник должен был доказать, что заключением соответствующих соглашений общество и/или банк преследовали соответствующие асоциальные цели.

Само по себе обременение имущества ипотекой (даже направленное на обеспечение исполнения обязательств третьих лиц в отсутствие для залогодателя экономической целесообразности) не свидетельствует о наличии у одной из сторон сделки цели, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. Напротив, договор ипотеки является одной из наиболее распространенных договорных конструкций, регулярно

применяемых участниками гражданского оборота, так как залог во многом направлен на развитие кредитных отношений, которые являются одной из необходимых предпосылок экономического роста. Следовательно, заключение залоговых соглашений указывает на наличие у сторон целей, соответствующих как основам правопорядка, так и экономической политике государства.

Кроме того, нарушение прав конкретного лица хоть и является противозаконным, вместе с тем еще не свидетельствует о наличии у правонарушителя асоциальной цели по смыслу ст. 169 ГК РФ, равно как не свидетельствует о наличии такой цели само по себе нарушение конкретной нормы права.

При рассмотрении настоящего дела суды фактически противопоставили интересы собственника, передавшего свое имущество в залог, интересам добросовестного кредитора, надлежащим образом исполнившего обязанность по проверке полномочий органа управления контрагента на подписание договоров ипотеки, отдав приоритет первому из них.

При этом суды не приняли во внимание, что российский правопорядок базируется также на необходимости защиты прав добросовестных лиц и поддержании стабильности гражданского оборота, что в числе прочего подразумевает направленность правового регулирования и правоприменительной практики на сохранение юридической силы заключенных сделок.

Поэтому приоритет в рассматриваемом случае необходимо было отдать банку как лицу добросовестному, положившемуся на представленный генеральным директором, сведения о котором имелись в ЕГРЮЛ, комплект документов.

Ссылка истца на то, что банк, проявляя требующуюся от него по условиям оборота заботливость и осмотрительность, должен был проверить подлинность подписей на решениях об одобрении крупных сделок, обратившись к участнику лично, отклонена судом.

Истец является единственным участником общества. Указанное означает, что состав органов управления формируется им не в результате достижения компромисса с интересами иных держателей прав участия, а посредством единоличного принятия решения. Таким образом, для любого разумного участника оборота очевидно, что лицо, назначаемое на должность генерального директора, пользуется личным доверием единственного участника. Из этого следует, что действия в ущерб интересам банка, направленные на аннулирование выданного таким директором залога, свидетельствуют о попытке истца переложить негативные последствия осуществленного им неправильного выбора

менеджера на третье лицо, что не согласуется с принципом добросовестности (ст. 1 и 10 ГК РФ).

Определение № 308-ЭС15-18008

III. Право собственности и другие вещные права

6. В случае, когда объект создан исключительно в целях улучшения качества и обслуживания земельного участка и не обладает самостоятельным функциональным назначением, он является неотъемлемой частью земельного участка и не может быть признан объектом недвижимости, права на который подлежат государственной регистрации.

Правом на подачу иска о признании отсутствующим права собственности на такой объект обладает в том числе арендатор земельного участка.

На основании договора аренды, заключенного с собственниками долей в праве общей долевой собственности, с 2008 года общество является арендатором земельных участков сельскохозяйственного назначения.

В 2013 году в ЕГРП внесена запись о праве собственности Российской Федерации на сооружение (инженерную рисовую систему), расположенную в границах арендуемых обществом земельных участков.

Ссылаясь на то, что регистрация права собственности на это сооружение как самостоятельный объект недвижимости не соответствует закону и нарушает права общества, последнее обратилось в суд с иском о признании отсутствующим права собственности Российской Федерации.

Удовлетворяя указанное требование, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что использование инженерной рисовой системы в отрыве от производства риса невозможно, система предназначена для улучшения поверхностного слоя почвы, иного хозяйственного назначения не имеет. Эта система не обладает самостоятельным функциональным назначением, создана исключительно в целях улучшения качества и обслуживания земельных участков, на которых она расположена, поэтому является их неотъемлемой частью и в силу ст. 135 ГК РФ должна следовать судьбе этих земельных участков. Государственная регистрация права собственности на спорную систему за другими лицами и возможность распоряжения ею этими лицами нарушает права общества по ее использованию как части арендуемого земельного участка.

Отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказывая в удовлетворении заявленного требования, арбитражный суд округа пришел к выводу, что согласно положениям постановления Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 и Федерального закона от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» (далее – Закон о мелиорации) спорный объект может находиться исключительно в федеральной собственности. Суд также отметил, что общество как арендатор лишено интереса в признании права собственности Российской Федерации на спорный объект отсутствующим.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции в силу следующего.

Арбитражный суд округа не учел, что основанием заявленного по делу иска является отсутствие у спорного объекта признаков недвижимости, в связи с чем при подтверждении обстоятельств, на которых был основан иск, суды правомерно применили п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» и удовлетворили требование истца в целях исключения оспариваемой записи из ЕГРП.

Кроме того, земельные участки, в границах которых располагается инженерная рисовая система, находятся в собственности физических лиц (собственников земельных долей), были приватизированы ими до принятия Закона о мелиорации. Земельные участки были переданы вместе с существующей на тот период времени инженерной рисовой системой и поэтому следуют их судьбе.

Учитывая наличие зарегистрированных в установленном законом порядке права собственности общей долевой собственности физических лиц, а также права аренды общества на земельные участки, на которых расположена инженерная рисовая система, регистрация права федеральной собственности была осуществлена минуя механизм истребования объекта из фактического владения других лиц.

Сохранение оспариваемой регистрации права собственности одного лица на спорный объект как недвижимую вещь, расположенную на земельном участке, имеющую другого собственника, нарушает принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (ст. 1 ЗК РФ), разрывает общий правовой режим этих объектов и делает невозможным их надлежащее использование.

Судебная коллегия также отметила, что, поскольку иск о признании права собственности отсутствующим относится к негативному требованию, правом на подачу в соответствии со ст. 304, 305 ГК РФ такого иска обладает также арендатор имущества, права владения и пользования которого нарушаются оспариваемой регистрацией права собственности публичного образования.

Определение № 308-ЭС15-15218

7. Если застройщик по договору долевого участия в строительстве здания, состоящего из нежилых помещений, одновременно является собственником земельного участка, на котором осуществлялось строительство, с переходом права собственности на нежилое помещение к участнику долевого строительства переходит также право долевой собственности на земельный участок.

Предприниматель (участник долевого строительства) и общество (застройщик) заключили договор долевого участия в строительстве здания административно-торгового назначения. Общество одновременно являлось собственником земельного участка, на котором осуществлялось строительство. В соответствии с условиями договора к общему имуществу здания стороны отнесли земельный участок, подлежащий передаче в общую долевую собственность дольщикам – собственникам помещений, расположенных в здании, наряду с другими объектами общего имущества.

Во исполнение условий договора и на основании акта приема-передачи общество передало предпринимателю в собственность нежилое помещение и долю в праве собственности на общее имущество. Право собственности предпринимателя на помещение было зарегистрировано в установленном порядке.

Предприниматель обратился в регистрирующий орган с заявлением о регистрации права долевой собственности на спорный земельный участок.

Регистрирующий орган, отказывая в государственной регистрации, указал на то, что законом не предусмотрен переход земельного участка в общую долевую собственность собственников помещений в нежилом здании.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании этого отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление предпринимателя было удовлетворено. Суды применили по аналогии положения ст. 36 ЖК РФ и исходили из того, что право долевой

собственности предпринимателя на земельный участок возникло в силу закона, поскольку он является собственником помещения в здании, расположенном на этом участке.

Отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказывая в удовлетворении заявления, арбитражный суд округа указал на то, что договор на участие в долевом строительстве и акт приема-передачи не являются основанием для регистрации права общей долевой собственности на земельный участок. Суд также отметил, что положения ст. 36 ЖК РФ не подлежат применению к спорным правоотношениям.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа, а решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции оставила без изменения в силу следующего.

В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ одним из основных принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов.

В развитие данного принципа п. 4 ст. 35 ЗК РФ запрещает отчуждение земельного участка без находящихся на нем зданий, строений, сооружений в случае, если они принадлежат одному лицу.

Таким образом, если земельный участок и расположенные на нем объекты недвижимости принадлежат на праве собственности одному лицу, сделка по отчуждению объекта не может быть совершена без отчуждения земельного участка, на котором он находится.

Исходя из условий договора, являющегося договором купли-продажи недвижимости, созданной в будущем, при разрешении спора подлежали применению также положения ст. 552 ГК РФ о переходе права собственности на земельный участок вместе с отчуждением находящейся на нем недвижимости.

Условия заключенного сторонами договора на участие в долевом строительстве об одновременной передаче вместе с помещениями, приобретаемыми по договору, земельного участка, на котором расположено здание, соответствуют положениям п. 2 ст. 552 ГК РФ.

Подписанным по результатам реализации договора актом приема-передачи стороны подтвердили также фактическую передачу земельного участка дольщикам в соответствии с условиями указанного договора.

При таких обстоятельствах вывод суда кассационной инстанции о том, что договор на участие в долевом строительстве и акт приема-передачи не являются основаниями возникновения права собственности предпринимателей, нельзя признать обоснованным и соответствующим закону.

Применение судами первой и апелляционной инстанций при разрешении спора ст. 36 ЖК РФ является ошибочным, поскольку

основанием возникновения права собственности предпринимателей на долю в праве собственности на земельный участок является договор на участие в долевом строительстве, а не ст. 36 ЖК РФ, применяемая к возникновению прав на земельный участок, расположенный под многоквартирным жилым домом. Определение сторонами договора долевого участия земельного участка как объекта общего имущества также не дает оснований применять к спорным отношениям указанную норму права. Вместе с тем, поскольку судами спор разрешен, в том числе на основании иных норм материального права, регулирующих спорные правоотношения, ссылка судов на эту норму не привела к неправильным выводам по существу спора.

Определение № 307-КГ15-14692

8. Законодательством не предусмотрен переход земельного участка, находящегося в публичной собственности и на котором построено нежилое здание, в общую долевую собственность собственников помещений в этом здании, если застройщику земельный участок был предоставлен по договору аренды.

В этом случае с момента регистрации права собственности первого лица на любое из помещений в нежилом здании на стороне арендатора возникает множественность лиц в арендных правоотношениях, существующих между застройщиком и собственником земельного участка.

Комитетом по управлению имуществом муниципального образования (арендодатель; далее – комитет) и обществом (арендатор) заключен договор аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, для строительства нежилого здания административно-торгового назначения.

Ссылаясь на то, что общество не исполнило обязанность по внесению арендных платежей, комитет обратился в суд с иском об их взыскании.

В возражениях на иск общество указало на то, что на спорном земельном участке построено нежилое здание; оно введено в эксплуатацию и на одно из помещений в нем осуществлена государственная регистрация права собственности фирмы – участника долевого строительства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суды по аналогии применили ст. 289, 290 ГК РФ, ст. 36 ЖК РФ, а также ст. 1 и 16 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ

«Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и пришли к выводу о том, что по завершении строительства и регистрации права собственности первого лица на любое из помещений в здании земельный участок перешел в долевую собственность собственников помещений нежилого здания и выбыл из распоряжения комитета с момента государственной регистрации первого права собственности на нежилое помещение.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу ст. 289, 290 ГК РФ, ст. 36 ЖК РФ, а также в соответствии с разъяснениями, содержащимися в пп. 66, 67 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», с момента регистрации права собственности первого лица на любое из помещений в многоквартирном доме соответствующий земельный участок поступает в долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме, а договор аренды этого участка прекращается на основании ст. 413 ГК РФ независимо от того, в частной или публичной собственности находился переданный в аренду земельный участок.

В отношении земельных участков, находящихся в публичной собственности и предоставленных застройщику в аренду для строительства нежилых объектов, подлежит применению иной правовой подход.

Из абзаца второго п. 3 ст. 552 ГК РФ и п. 25 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» следует, что при продаже недвижимости, находящейся на земельном участке, не принадлежащем продавцу на праве собственности, к покупателю этой недвижимости с момента государственной регистрации перехода права собственности на нее переходит то право на земельный участок, которое принадлежало продавцу недвижимости, а также связанные с этим правом обязанности при наличии таковых (перемена лица в договоре аренды).

В случае если имевшееся у застройщика (продавца) право аренды земельного участка перешло к нескольким лицам в связи с приобретением ими в собственность нежилых помещений в том числе во вновь

построенном нежилом здании, с момента государственной регистрации права собственности на помещения на стороне арендатора возникает множественность лиц в арендных правоотношениях, существующих между застройщиком и собственником земельного участка.

Поскольку ни закон, ни договор аренды не содержат такого основания, как автоматическое прекращение договора аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, на котором построено отдельно стоящее нежилое здание, после завершения строительства (ввод объекта в эксплуатацию, передача в собственность помещения в здании иному лицу и т.п.), то и после наступления этих обстоятельств указанный договор аренды продолжает действовать.

Учитывая отсутствие законодательного пробела в части регулирования спорных правоотношений, у судов не имелось оснований для применения к этим правоотношениям по аналогии закона положений о прекращении договора аренды земельного участка, предоставленного для строительства многоквартирного дома, в случае отчуждения жилых или нежилых помещений в нем.

Таким образом, суды, необоснованно применив положения ст. 36 ЖК РФ, ст. 289 и 290 ГК РФ в отношении спорного земельного участка, пришли к неправильным выводам о том, что договор аренды указанного участка прекратил свое действие 25 сентября 2014 г. и комитет утратил право распоряжаться этим участком в спорный период.

Определение № 305-ЭС15-16772

IV. Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

9. Порядок исполнения судебного акта, предусмотренный п. 6 ст. 242² БК РФ, не регулирует отношения по исполнению судебных актов об обязанности ответчика вернуть истцу полученные по расторгнутому гражданско-правовому договору денежные средства. Проценты, установленные ст. 395 ГК РФ, подлежат начислению на сумму этих денежных средств с момента, когда должник узнал или должен был узнать о неосновательности их получения или сбережения, до дня их фактического возврата (пп. 3 ст. 1103, п. 2 ст. 1107 ГК РФ).

Компанией (инвестором-застройщиком), впоследствии передавшей свои права требования обществу, и правительством субъекта Российской Федерации (далее – правительство) был заключен инвестиционный контракт о реализации проекта по строительству ряда объектов.

Во исполнение обязательств по контракту компанией перечислено правительству 10 016 553 рубля.

В связи с неисполнением правительством своих обязательств инвестиционный контракт был расторгнут по решению суда.

Решением суда первой инстанции от 28 ноября 2013 г. по другому делу с правительства в пользу общества взыскано 10 016 553 рублей неосновательного обогащения.

Платежным поручением от 1 июля 2014 г. правительство произвело перечисление обществу денежных средств на основании исполнительного документа.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к правительству о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами за период с даты вступления в законную силу судебного акта о расторжении инвестиционного контракта до момента возврата денежных средств.

В отзыве на иск правительство ссылалось на то, что финансовый орган субъекта Российской Федерации исполнил свою обязанность по исполнению исполнительного листа в срок, установленный действующим бюджетным законодательством (ст. 239, 242¹ БК РФ). Исполнительный документ был предъявлен в уполномоченный орган 31 марта 2014 г. и исполнен 1 июля 2014 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковое требование удовлетворено.

Суды руководствовались ст. 395 и 1107 ГК РФ и исходили из того, что установленные бюджетным законодательством особенности порядка исполнения судебных актов, предусматривающие взыскание средств за счет бюджетов по предъявлении исполнительного листа, не регулируют гражданско-правовые отношения и не изменяют оснований и условий гражданско-правовой ответственности за неисполнение договорного обязательства.

Арбитражный суд округа постановлением отменил названные судебные акты и отказал в удовлетворении исковых требований. Суд согласился с доводами ответчика об отсутствии оснований для начисления процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ в случаях, когда исполнительный лист исполнен финансовым органом в срок, установленный ст. 242¹ БК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Обязанность ответчика по возврату денежных средств возникла в связи с исполнением и последующим расторжением гражданско-правового

договора (инвестиционного контракта), а не вследствие причинения вреда (деликта).

Следовательно, эти обязательства не регулируются ст. 242² БК РФ, посвященной особенностям исполнения судебных актов по искам к публично-правовым образованиям о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, и о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Особенности исполнения судебных актов о взыскании денежных средств с должника – публично-правового образования за счет средств бюджетов бюджетной системы, установленные ст. 242¹, 242³–242⁵ БК РФ, не освобождают должника от обязанности своевременно исполнить обязательство по возврату полученной по расторгнутому договору денежной суммы и не являются основанием для освобождения должника от уплаты процентов, начисляемых в соответствии со ст. 395 ГК РФ (п. 1 ст. 1, ст. 124 ГК РФ).

Определение № 305-ЭС15-12509

10. Если нормативный акт, устанавливающий расчет регулируемой арендной платы, признан решением суда недействительным и имеется ранее принятый нормативный акт, регулирующий аналогичные отношения, расчет арендной платы на основании признанного недействительным нормативного акта является незаконным.

В 2007 году администрацией города Оренбурга (арендодатель; далее – администрация) и предпринимателем (арендатор) заключен договор аренды земельного участка, государственная собственность на который не разграничена, для строительства автосервиса.

Согласно договору размер арендной платы изменяется с момента вступления в законную силу нормативно-правовых актов Российской Федерации, субъекта федерации и муниципального образования, регулирующих порядок начисления и размер арендной платы без дополнительного согласования с арендатором и внесения изменений в договор аренды.

Дополнительным соглашением от 28 сентября 2010 г. сторонами согласован размер арендной платы на 2010 год исходя из положений постановления правительства Оренбургской области от 12 октября 2009 г. № 530-п «Об утверждении порядка определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы

за использование земельных участков, государственная собственность на который не разграничена, на территории Оренбургской области» (далее – постановление № 530-п) и постановления правительства Оренбургской области от 16 октября 2009 г. № 537-п «Об утверждении ставок арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на территории Оренбургской области» (далее – постановление № 537-п).

Решением арбитражного суда Оренбургской области от 31 августа 2012 г. постановление № 537-п признано недействительным.

Ссылаясь на то, что ответчик не исполнял обязанность по внесению арендных платежей за 2010 год, администрация обратилась в суд с иском о взыскании задолженности. Размер арендной платы рассчитан истцом на основании постановлений № 530-п и № 537-п.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Суды исходили из того, что договором закреплена методика расчета арендной платы, поэтому определение размера задолженности с применением ставок, утвержденных постановлением № 537-п, не противоречит нормам закона и не нарушает права предпринимателя.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Суды с учетом заключения договора аренды земельного участка, относящегося к землям, собственность на которые не разграничена, после вступления в силу ЗК РФ обоснованно указали, что арендная плата по нему является регулируемой, определяемой в порядке, установленном правительством Оренбургской области.

Вместе с тем судами не учтено, что администрация произвела расчет арендной платы по ставкам, установленным постановлением № 537-п, признанным судом недействующим и не подлежащим применению.

Пункт 1 ст. 424 ГК РФ предоставляет кредитору возможность требовать исполнения договора по установленной законом цене, но только в том случае, когда соответствующий правовой акт о ее установлении не признан судом противоречащим закону. Иное толкование этой нормы означало бы, что кредитор может получать незаконно установленную цену.

Суды, применив при разрешении спора правовую позицию, изложенную в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 15837/2011, не учли, что она могла быть применена только к тем случаям, когда при отмене нормативного акта, устанавливающего ставки арендной платы,

отсутствовал ранее действовавший нормативный акт, регулирующий плату за землю.

Однако в данном случае имеется нормативный акт, которым определялись ставки арендной платы за использование земельных участков до принятия постановления № 537-п. Таким актом, регулировавшим аналогичные отношения, является постановление правительства Оренбургской области от 25 декабря 2007 г. № 456-п «Об утверждении порядка определения размеров арендной платы, условий и сроков внесения арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на территории Оренбургской области».

Таким образом, применение судами постановления № 537-п при рассмотрении настоящего дела не может быть признано правомерным, подход судов являлся бы обоснованным при отсутствии ранее действовавшего нормативного акта, регулирующего аналогичные отношения.

Определение № 309-ЭС15-16627

11. Условие договора подряда о том, что подрядчик не обладает правом на удержание согласно ст. 712 ГК РФ, является действительным.

Обществом (заказчик) и компанией (подрядчик) заключен договор строительного подряда.

После приемки результатов работы обществом в адрес компании направлено письмо с просьбой представить исполнительную документацию.

Компания сообщила обществу, что исполнительная документация будет передана при условии оплаты дополнительных работ, выполненных подрядчиком.

Общество обратилось в суд с иском к компании об обязанности передать исполнительную документацию. Общество также ссылалось на то, что договором подряда исключено право подрядчика на удержание, предусмотренное ст. 712 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано. Суд указал на недоказанность факта удержания компанией исполнительной документации, поскольку объект строительства введен в эксплуатацию.

Суд апелляционной инстанции оставил в силе решение суда первой инстанции. Суд исходил из того, что, в силу п. 2 ст. 9 ГК РФ, отказ от осуществления права не влечет прекращения этого права, за исключением случаев, предусмотренных законом. Таким образом,

подрядчик вправе удерживать исполнительную документацию до момента оплаты выполненных работ вне зависимости от исключения этого права условием договора.

Арбитражный суд округа согласился с выводом суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Соглашение сторон о том, что подрядчик не будет иметь прав, предусмотренных ст. 712 ГК РФ, не противоречит ст. 9 ГК РФ в силу диспозитивности ст. 359, 712 ГК РФ.

Судами также, в нарушение ст. 726 ГК РФ, необоснованно не принят довод общества о том, что исполнительная документация необходима как для безопасной эксплуатации объекта, так и для проведения ремонтных работ.

Определение № 306-ЭС15-16624

V. Споры, возникающие из налоговых правоотношений

12. Возникновение контролируемой задолженности в результате выдачи займа российской организацией приводит только к ограничению у заемщика вычета процентов при исчислении налога на прибыль в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 269 НК РФ. Возложение на российскую организацию – заемщика дополнительной обязанности налогового агента при выплате процентов по такому займу другой российской организации является незаконным.

Обществом (заемщиком) и компанией (займодавец), зарегистрированными в Российской Федерации, заключено несколько договоров займа с начислением процентов.

Акционером компании, владеющим 99, 9995 процентов акций, является иностранная фирма, зарегистрированная в Республике Кипр.

Поскольку компания является участником общества, обладая 90 процентами его уставного капитала, доля косвенного участия иностранной фирмы в капитале общества в проверяемый период составляла не менее 89 процентов.

По результатам выездной налоговой проверки налоговым органом принято решение, которым обществу доначислен налог на прибыль, пени за несвоевременную уплату (неуплату) налога и штрафы за совершение правонарушений, предусмотренных п. 1 ст. 122 и п. 1 ст. 123 НК РФ.

Основанием для принятия указанного решения послужил вывод о необоснованном отнесении обществом в полном объеме к внереализационным расходам при исчислении налога на прибыль процентов, начисленных по названным договорам займа, поскольку предоставившее их лицо – компания является аффилированным лицом иностранной фирмы, косвенно владеющей более 20 процентами капитала общества.

В связи с этим, по мнению налогового органа, на основании п. 2 ст. 269 НК РФ указанная задолженность по займам признается контролируемой и начисленные по ней проценты могут быть включены в состав расходов не более рассчитанной в соответствии с этой нормой предельной суммы, которая в данном случае вследствие отрицательного значения принадлежащего обществу собственного капитала (чистых активов) составила нулевую величину.

Кроме того, налоговый орган пришел к выводу о том, что, вопреки п. 4 ст. 269 НК РФ, общество не исполнило обязанности налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога с доходов иностранной фирмы, полученных в виде дивидендов, сочтя в качестве таковых проценты по контролируемой задолженности, выплаченные компанией.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа недействительным.

Решением суда первой инстанции требования общества удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении требований общества отказано.

Общество обратилось с кассационной жалобой в Верховный Суд Российской Федерации в части вывода суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа о неисполнении обществом обязанности налогового агента.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции в оспариваемой части, в остальной части постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа оставила без изменения по следующим основаниям.

Из буквального толкования п. 2 ст. 269 НК РФ следует, что к контролируемой задолженности отнесены как долговые обязательства, возникшие непосредственно перед иностранной организацией, участвующей в капитале заемщика, так и долговые обязательства перед

российскими организациями – аффилированными лицами таких иностранных организаций.

В последнем случае контролируемая задолженность лишь считается возникшей перед иностранной организацией, имея в виду наличие у иностранной организации возможности оказывать влияние на принятие аффилированным с ней лицом решения о предоставлении займа.

При таком построении бизнеса российской организацией, когда имеет место высокая доля долга, аффилированность заемщика и кредитора, в лице которого выступает не только иностранная организация, но и российская организация, аффилированная с иностранной организацией, рассматриваемой нормой НК РФ вводится ограничение по учету процентов в составе расходов, направленное на противодействие злоупотреблениям в налоговых правоотношениях.

Помимо того, последствием отнесения задолженности по долговому обязательству к контролируемой является то, что в соответствии с п. 4 ст. 269 НК РФ сумма процентов, признаваемая согласно п. 2 данной статьи избыточной (положительная разница между фактически начисленными и предельными процентами), приравнивается в целях налогообложения к дивидендам, уплаченным иностранной организации.

Вместе с тем, устанавливая правило о налогообложении соответствующих сумм выплачиваемых процентов в режиме дивидендов, п. 4 ст. 269 НК РФ самостоятельно не определяет основания возникновения статуса налогового агента у российских организаций.

Наделение соответствующих лиц статусом налогового агента, как это следует из п. 1 ст. 24 НК РФ, предполагает необходимость явного и недвусмысленного определения в законе круга лиц и случаев, при наступлении которых на указанных субъектов возлагается публично-правовая обязанность по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет суммы налога.

Обязанность налогового агента при этом может состоять в перечислении в бюджет лишь тех сумм налога, обязанность по уплате которых, в свою очередь, лежит на налогоплательщике, то есть при наличии соответствующего объекта налогообложения.

Объектом налогообложения для иностранных организаций, не осуществляющих деятельность в Российской Федерации через постоянные представительства, в соответствии со ст. 247 НК РФ, являются доходы, полученные ими от источников Российской Федерации.

К числу облагаемых доходов в силу положений подп. 1 п. 1 ст. 309 НК РФ относятся дивиденды, выплачиваемые иностранной организации – акционеру (участнику) российской организации.

Статусом налогового агента при этом согласно п. 1 ст. 310 НК РФ наделяются организации, производящие выплату дохода соответствующей иностранной организации.

Таким образом, возникновение обязанности по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога с доходов иностранной организации, включая налог с дивидендов, обусловлено их реальной выплатой в пользу иностранной организации – получателя дохода.

Положения, которые бы относили к объекту налогообложения иностранных организаций не полученные ими дивиденды (включая приравненные к дивидендам платежи), в гл. 25 «Налог на прибыль организаций» НК РФ отсутствуют.

Толкование положений п. 4 ст. 269 НК РФ, содержащееся в постановлениях суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, не отвечает требованиям определенности законно установленного налога и способно привести к двойному налогообложению выплаченных сумм как доходов иностранной организации и одновременно – доходов российской организации – займодавца.

При отсутствии в НК РФ правил, устраняющих двойное налогообложение в указанных случаях, в частности в отсутствие прямого предписания об освобождении сумм полученных процентов от налогообложения у российской организации – займодавца, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о наличии правовой неопределенности в содержании налогового закона, которая в соответствии с п. 7 ст. 3 и п. 2 ст. 24 НК РФ подлежит истолкованию в пользу общества.

Следовательно, в случаях возникновения контролируемой задолженности в результате выдачи займа российской организацией наступают только последствия, предусмотренные п. 3 ст. 269 НК РФ в виде ограничения вычета процентов при исчислении налога, а возложение на российскую организацию-заемщика обязанности налогового агента при выплате процентов по такому займу другой российской организации не основано на законе.

Кроме того, Судебная коллегия отметила, что п. 4 ст. 269 НК РФ применяется в целях пресечения ухода иностранных организаций от налогообложения в Российской Федерации в тех случаях, когда под видом процентов им выплачиваются дивиденды и, как следствие, налог у источника выплаты не удерживается (в силу установленных международными соглашениями об избежании двойного налогообложения пониженных ставок налога при выплате процентов или полного освобождения данных выплат от налогообложения).

Между тем обстоятельств, которые бы указывали на скрытую выплату дивидендов обществом в пользу иностранной фирмы, судами при рассмотрении настоящего дела не установлено, на их наличие налоговый орган не ссыался. Само по себе перечисление денежных средств между российскими организациями, в капитале которых участвует

одна иностранная организация, не свидетельствует о скрытом поступлении в ее пользу дивидендов.

Из материалов настоящего дела усматривается, что проценты, полученные компанией в проверяемый период по договорам займа, были израсходованы на текущую деятельность этой организации и не являются скрытым распределением дивидендов в адрес иностранной фирмы.

В силу изложенного является правильным вывод суда первой инстанции об отсутствии у налогового органа оснований для применения к рассматриваемой ситуации п. 4 ст. 269 НК РФ, исчисления налога на прибыль с суммы положительной разницы между начисленными процентами и предельными процентами и доначисления к уплате обществу налога на прибыль организаций.

Определение № 305-КГ15-14263

13. Полномочиями по контролю цен, применяемых в сделках между взаимозависимыми лицами, на соответствие их рыночным ценам обладает лишь Центральный аппарат Федеральной налоговой службы России, но не территориальные налоговые органы.

Взаимозависимость участников сделок сама по себе не является доказательством получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, а может иметь юридическое значение в целях налогового контроля, только если установлено, что такая взаимозависимость используется участниками сделки как возможность для осуществления согласованных действий, не обусловленных разумными экономическими и иными причинами.

По результатам выездной налоговой проверки территориальным подразделением Федеральной налоговой службы (далее – инспекция) составлен акт и принято решение о доначислении обществу налога на прибыль, налога на добавленную стоимость, начислении соответствующих сумм пеней за неуплату данных налогов, а также привлечении к налоговой ответственности на основании п. 1 ст. 122 НК РФ.

Основанием для принятия указанного решения послужил вывод инспекции о занижении обществом налогооблагаемой базы при исчислении налогов ввиду осуществления поставки сжиженного газа взаимозависимыми лицами по более низким по сравнению с иными покупателями ценам, не соответствующим среднерыночным, сложившимся в данном регионе. Придя к данному выводу, инспекция произвела корректировку цен, примененных сторонами сделок, с использованием метода сопоставимых цен (п. 1 ст. 105⁷ НК РФ).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании данного решения инспекции недействительным.

Удовлетворяя заявление общества, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии в материалах дела доказательств, свидетельствующих о получении обществом необоснованной налоговой выгоды и влекущих корректировку примененных сторонами сделок цен на поставленный товар.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции исходил из того, что общество заключало договоры с взаимозависимыми лицами по ценам ниже предела рассчитанной минимальной рыночной цены.

При этом суд апелляционной инстанции отметил, что в случае совершения между взаимозависимыми лицами сделок, не отвечающих признакам контролируемых, в которых исчисление налоговой базы осуществляется на основании положений отдельных статей части второй НК РФ исходя из цен, определяемых в соответствии со ст. 105³ НК РФ, контроль соответствия цен, примененных в таких сделках, рыночным сделкам может быть предметом выездных и камеральных проверок.

Арбитражный суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» часть первая НК РФ дополнена разделом V.1 «Взаимозависимые лица. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании».

В соответствии с положениями данного раздела НК РФ определение в целях налогообложения доходов (прибыли, выручки) взаимозависимых лиц, являющихся сторонами сделки, производится федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов, с применением методов, установленных гл. 14³ НК РФ. Данный вывод следует из положений п. 2 ст. 105³, п. 1 ст. 105⁵, пп. 1, 6 ст. 105⁶, п. 1 ст. 105⁷, ст. 105¹⁷ НК РФ.

При определении налоговой базы с учетом цены товара (работы, услуги), примененной сторонами сделки для целей налогообложения, указанная цена признается рыночной, если федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов (ФНС России), не доказано обратное либо если

налогоплательщик не произвел самостоятельно корректировку сумм налога (убытка) в соответствии с п. 6 ст. 105³ НК РФ.

Проверка полноты исчисления и уплаты налога в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами производится вышеуказанным уполномоченным органом на основании уведомления о контролируемых сделках или извещения территориального налогового органа, проводящего выездную или камеральную налоговую проверку и мониторинг налогоплательщика. Кроме того, выявление контролируемой сделки возможно ФНС России при проведении повторной выездной налоговой проверки в порядке контроля за деятельностью налогового органа, проводившего налоговую проверку (п. 1 ст. 105¹⁷ НК РФ).

Таким образом, по сравнению с ранее действовавшим правовым регулированием контроля цен (ст. 40 НК РФ), положения раздела V.1 НК РФ сузили круг контролирующих органов, наделенных полномочиями по контролю цен, применяемых в сделках между взаимозависимыми лицами на соответствие цен рыночным ценам, предоставив такие полномочия исключительно ФНС России. Кроме того, установив специальные процедуры проведения данного вида контроля: сроки, ограничения по количеству проверок, возможность заключения соглашения о ценообразовании, право на симметричную корректировку, НК РФ исключил из числа сделок между взаимозависимыми лицами, подлежащих контролю в порядке, предусмотренном разделом V.1 НК РФ, сделки, не соответствующие критерию контролируемых сделок, а также сделки, по которым объем доходов не превышает установленные ст. 105¹⁴ НК РФ суммовые критерии.

При этом в силу прямого запрета, установленного в абзаце третьем п. 1 ст. 105¹⁷ НК РФ, контроль соответствия цен, примененных в контролируемых сделках, не может быть предметом выездных и камеральных проверок.

В настоящем деле при проведении выездной налоговой проверки инспекция вышла за пределы предоставленных ей полномочий, производя на основании положений гл. 14³ НК РФ корректировку цен в проверяемый налоговый период по сделкам общества с взаимозависимыми лицами.

Судебная коллегия также отклонила довод инспекции о наличии у нее полномочий по корректировке налогооблагаемой базы проверяемого налогоплательщика в связи с выявлением факта заключения сделок с взаимозависимыми лицами, свидетельствующего, по мнению налогового органа, о получении обществом необоснованной налоговой выгоды.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности,

в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера).

Налоговая выгода не может быть признана обоснованной, если получена налогоплательщиком вне связи с осуществлением реальной предпринимательской или иной экономической деятельности.

При этом следует учитывать, что возможность достижения того же экономического результата с меньшей налоговой выгодой, полученной налогоплательщиком путем совершения других предусмотренных или не запрещенных законом операций, не является основанием для признания налоговой выгоды необоснованной.

Таким образом, взаимозависимость участников сделок сама по себе не является доказательством получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, а может иметь юридическое значение в целях налогового контроля, только если установлено, что такая взаимозависимость используется участниками сделки как возможность для осуществления согласованных действий, не обусловленных разумными экономическими или иными причинами.

Инспекция в ходе выездной налоговой проверки, установив факт взаимозависимости общества с контрагентами по сделкам, ограничилась констатацией данного факта, не установив совокупность условий, свидетельствующих о согласованных действиях взаимозависимых лиц в целях получения необоснованной налоговой выгоды.

Определение № 308-КГ15-16651

VI. Споры, возникающие при применении законодательства о защите конкуренции

14. В случае когда в отношении поставки продукции, являющейся предметом конкурса на право заключения государственного контракта, установлен запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, участники конкурса обязаны представлять документы, подтверждающие страну происхождения предлагаемых к поставке товаров.

По результатам проведенного учреждением (заказчиком) электронного аукциона на право заключения государственного контракта «Горох шлифованный, крупа пшено, крупа пшеничная» решением Единой комиссии заказчика (далее – комиссия заказчика) победителем признана заявка общества.

Компания обратилась в Федеральную службу по оборонному заказу (далее – Рособоронзаказ) с жалобой на действия комиссии заказчика, выразившиеся в неправомерном признании общества победителем электронного аукциона при отсутствии в составе второй части заявки сертификата (или декларации) о происхождении товара, что противоречит требованиям аукционной документации.

По результатам проверки Рособоронзаказом вынесены решение и предписание, согласно которым заказчику необходимо отменить протокол подведения итогов электронного аукциона и рассмотреть вторые части заявок на участие в электронном аукционе.

Заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения и предписания незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Суды пришли к выводу, что в составе второй части заявки общества отсутствуют документы (их копии), подтверждающие соответствие участника такого аукциона и (или) предлагаемого им товара (работы, услуги) условиям, запретам, ограничениям, установленным заказчиком в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) и раздел 37 документации об электронном аукционе.

Отменяя принятые по делу судебные акты, арбитражный суд округа исходил из следующего.

В п. 3 ч. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе установлен перечень документов и информации, которые должна содержать вторая часть заявки на участие в электронном аукционе. При этом не допускается требовать представление указанных в данном пункте документов, если в соответствии с законодательством Российской Федерации они передаются вместе с товаром.

Учитывая положения ГОСТа 26312.1-84 «Крупа. Правила приемки и методы отбора проб», согласно которому сертификат или декларация качества и безопасности подлежат представлению одновременно с каждой партией товара, руководствуясь положениями п. 3 ч. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе, п. 2 ст. 456 ГК РФ, арбитражный суд округа пришел к выводу, что у участника аукциона отсутствовала обязанность по представлению названных документов, а у Рособоронзаказа – правовые основания для вывода о несоответствии второй части заявки требованиям Закона о контрактной системе и документации об электронном аукционе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила без изменения

решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Закон о контрактной системе регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений. Контрактная система в сфере закупок основывается на принципах открытости, прозрачности информации, обеспечения конкуренции, эффективности осуществления закупок (ст. 1, 6 Закона о контрактной системе).

В соответствии с подп. «з» п. 1 ч. 2 ст. 51 и п. 6 ч. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе заявка на участие в открытом конкурсе и электронном аукционе должна содержать всю указанную заказчиком в конкурсной документации информацию, а именно документы, подтверждающие соответствие такого участника и (или) предлагаемых им товара, работы или услуги условиям, запретам и ограничениям, если такие условия, запреты и ограничения установлены заказчиком в конкурсной документации в соответствии со статьей 14 Закона о контрактной системе, или заверенные копии таких документов.

Аналогичные требования содержатся в п. 13.4 раздела 13 документации об электронном аукционе, утвержденной заказчиком.

Согласно ч. 3 ст. 14 Закона о контрактной системе в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты внутреннего рынка Российской Федерации, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей Правительством Российской Федерации устанавливаются запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, и ограничения допуска указанных товаров, работ, услуг для целей осуществления закупок. Определение страны происхождения указанных товаров осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 1224 «Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства» (далее – постановление № 1224) установлен запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства, за исключением случаев, когда

производство таких товаров, выполнение работ и оказание услуг на территории Российской Федерации отсутствуют или не соответствуют требованиям государственных заказчиков.

Таким образом, в отношении поставки продукции, являвшейся предметом проводимого учреждением аукциона, действовал запрет, установленный постановлением № 1224, что влекло необходимость представления участниками электронного аукциона документов, подтверждающих страну происхождения предлагаемых к поставке товаров.

Таким подтверждением может являться сертификат о происхождении товара, выдаваемый в соответствии с Соглашением о Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве независимых государств от 20 ноября 2009 г. по форме СТ-1.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, обществом требование действующего законодательства в части представления указанных выше документов исполнено не было, что исключало возможность признания его победителем электронного аукциона.

Ошибочным является применение арбитражным судом округа положений п. 3 ч. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе и п. 2 ст. 456 ГК РФ, поскольку в спорной ситуации в составе второй части заявки на участие в аукционе в электронной форме необходимо было представить не копии документов, подтверждающих соответствие товара требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, а документы или их копии, подтверждающие соответствие товара условиям, запретам и ограничениям, установленным заказчиком в соответствии со ст. 14 Закона о контрактной системе.

Определение 305-КГ15-17695

VII. Споры, возникающие при применении таможенного законодательства

15. Таможенная стоимость товаров не может считаться документально подтвержденной, если не обоснован объективный характер значительного отличия цен на декларируемые товары от ценовой информации, содержащейся в базах данных таможенных органов, иных официальных и общепризнанных источниках, по сделкам с идентичными товарами, ввезенными в Российскую Федерацию при сопоставимых условиях.

Во исполнение внешнеторгового контракта, заключенного обществом и иностранной компанией, на таможенную территорию Таможенного

союза в Российскую Федерацию ввезен товар, таможенная стоимость которого определена по первому методу таможенной оценки – по стоимости сделки с ввозимым товаром.

В ходе таможенного контроля таможенный орган установил, что представленные к таможенному оформлению документы и сведения не основаны на количественно определяемой и документально подтвержденной информации, а также недостаточны для подтверждения заявленной таможенной стоимости товара по первому методу, в связи с чем принял решение о проведении дополнительной проверки, направив обществу запрос о представлении дополнительных документов для подтверждения заявленной таможенной стоимости товаров.

В связи с тем что общество частично представило запрошенные документы и сведения, а также письмо о невозможности представления иных документов, таможней было принято решение о корректировке таможенной стоимости товаров (далее – решение о корректировке таможенной стоимости).

Не согласившись с названным решением, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, оспариваемое решение признано незаконным.

Удовлетворяя заявленное требование, суды исходили из того, что представленные обществом документы являются достаточными для применения метода по стоимости сделки с ввозимыми товарами, а таможенный орган не привел доказательств невозможности использования имеющихся документов в их совокупности и системной оценке для целей надлежащего подтверждения таможенной стоимости ввезенных товаров, следовательно, у таможни отсутствовали правовые основания для ее корректировки и, соответственно, доначисления таможенных платежей, подлежащих уплате.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу п. 4 ст. 65 Таможенного кодекса Таможенного союза заявляемая таможенная стоимость товаров и представляемые сведения, относящиеся к ее определению, должны основываться на достоверной, количественно определяемой и документально подтвержденной информации.

Согласно п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 96 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с определением таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза» при оценке обоснованности применения первого метода

определения таможенной стоимости ввозимых товаров судам необходимо руководствоваться положениями п. 1 ст. 4 и пп. 1 и 3 ст. 5 Соглашения между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации от 25 января 2008 г. «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза» (далее – Соглашение), имея в виду, что стоимость сделки с ввозимыми товарами не может считаться документально подтвержденной, количественно определенной и достоверной, если декларант не представил доказательства заключения сделки, на основании которой приобретен товар, в любой не противоречащей закону форме или содержащаяся в такой сделке информация о цене не соотносится с количественными характеристиками товара, или отсутствует информация об условиях поставки и оплаты товара либо имеются доказательства ее недостоверности, а также если отсутствуют иные сведения, имеющие отношение к определению стоимости сделки в смысле приведенных норм Соглашения.

В ответ на запрос таможенного органа о представлении дополнительных документов в обоснование применения первого метода оценки таможенной стоимости обществом была представлена лишь часть запрошенных документов: коммерческое предложение продавца товаров, переписка с иностранным партнером о непредставлении прайс-листа и экспортной декларации, пояснения о влияющих на цену физических характеристиках ввезенного товара, бухгалтерские документы о постановке на учет ввезенного товара, пояснения по условиям продажи товаров.

Такие документы, как прайс-лист продавца (производителя товара), на основании которого можно было бы проанализировать сведения о стоимости ввозимого товара в стране отправления и объяснить причины отличия цены сделки от первоначальной цены предложения, а также экспортная декларация, позволившая бы уточнить сведения, заявленные продавцом при вывозе товара в соответствии с законодательством страны вывоза, обществом представлены не были, что не позволило таможенному органу устранить послужившие основанием для проведения дополнительной проверки сомнения в достоверности сведений, представленных обществом для подтверждения заявленной таможенной стоимости товаров.

Кроме того, судами не дано надлежащей оценки информации, представленной таможенным органом о стоимости однородных товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза.

Так, заявленный уровень таможенной стоимости составил 0,99 доллара США, в то время как, исходя из сведений, имеющихся в распоряжении таможенного органа, таможенная стоимость идентичного

(однородного) товара варьируется от 2,13 до 5,00 долларов США за килограмм в зависимости от целей использования товара.

Действия лица, ввозящего товар на таможенную территорию государства, соответствовали бы принципам разумности и осмотрительности, предъявляемым к поведению участников гражданского оборота, если бы такие субъекты при ввозе товаров по цене, значительно отличающейся от цен сделок с однородными товарами, заранее собирали доказательства, подтверждающие более низкую цену сделки.

Вместе с тем представленными обществом документами, сведениями и пояснениями не обоснован объективный характер значительного отличия цен на декларируемые товары от ценовой информации, содержащейся в базах данных таможенных органов по сделкам с идентичными товарами, ввезенными в Российскую Федерацию при сопоставимых условиях, иных официальных и общепризнанных источниках информации. Следовательно, основания для проведения дополнительной проверки таможенной стоимости устранены не были, что, в соответствии с п. 21 Порядка контроля таможенной стоимости товаров, утвержденного решением Комиссии Таможенного Союза от 20 сентября 2010 г. № 376, является основанием для принятия должностным лицом таможенного органа решения о корректировке заявленной таможенной стоимости товаров исходя из имеющихся документов и сведений с учетом информации, полученной самостоятельно при проведении дополнительной проверки.

Определение № 303-КГ15-10774

16. Трехлетний срок, установленный ст. 122 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» для предъявления требования о возврате таможенным органом авансовых платежей, начинается течь с момента последнего распоряжения авансовыми средствами, а не с даты зачисления отдельных платежей.

Банком на счет таможенного органа были перечислены денежные средства в качестве авансовых платежей. Часть из них не была израсходована.

В связи с этим банк обратился в таможенный орган с заявлением о возврате излишне уплаченных авансовых платежей.

Таможенный орган удовлетворил требования частично, указав, что в отношении требований о возврате части авансовых платежей пропущен трехлетний срок, установленный ст. 122 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – Закон № 311-ФЗ).

Считая отказ таможенного органа о возврате авансовых платежей незаконным, банк обратился в суд с соответствующим требованием.

При новом рассмотрении дела решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных банком требований отказано.

Суды пришли к выводу, что трехлетний срок для обращения с заявлением в таможенный орган о возврате авансовых платежей, установленный ст. 122 Закона № 311-ФЗ, банком пропущен, в связи с чем у таможенных органов отсутствовали основания для возврата названных авансовых платежей. При этом суды исходили из исчисления указанного срока с момента внесения денежных средств отдельными платежными поручениями.

Оценив правовую природу авансовых платежей, суды пришли к выводу, что рассмотрение данного требования возможно путем предъявления иска к Федеральной таможенной службе как главному распорядителю денежных средств по правилам о взыскании убытков, предусмотренным ст. 15, 16, 1069, 1082 ГК РФ.

Суды указали, что невозможность возврата из федерального бюджета не востребованных в течение трехлетнего срока авансовых платежей не может в системе действующего правового регулирования влечь нарушение каких-либо конституционных прав и свобод. Установление неограниченной по времени возможности для лиц, уплативших авансовые платежи, принимать решения об их возврате означало бы возложение на государство избыточной обязанности по бессрочному учету и контролю не востребованных сумм денежных средств, перечисленных на счета Федерального казначейства, а также несению обусловленных ею дополнительных финансовых обременений.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и удовлетворила требования банка по следующим основаниям.

В силу Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита права частной собственности, относящегося к основным правам, составляет обязанность государства. Гарантии охраны частной собственности законом, закрепленные в ст. 35 Конституции Российской Федерации, распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 1997 г. № 8-П).

Таким образом, федеральный законодатель при принятии законов в сфере таможенного регулирования обязан исходить из публичных интересов государства и частных интересов физических и юридических лиц как субъектов гражданских отношений и внешнеэкономической

деятельности, учитывая специфику форм взаимоотношений, складывающихся между частными и публичными субъектами в связи с исполнением обязанностей по уплате таможенных платежей.

Денежные средства, уплаченные в качестве авансовых платежей в соответствии со ст. 121 Закона № 311-ФЗ, являются имуществом лица, внесшего авансовые платежи, и не могут рассматриваться в качестве таможенных платежей либо денежного залога до тех пор, пока это лицо не сделает распоряжение об этом таможенному органу либо таможенный орган не обратит взыскание на авансовые платежи. В качестве распоряжения лица, внесшего авансовые платежи, рассматривается представление им или от его имени таможенной декларации, заявления на возврат авансовых платежей либо совершение иных действий, свидетельствующих о намерении этого лица использовать свои денежные средства в качестве таможенных платежей либо обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов.

Аналогичное правовое регулирование было предусмотрено и ранее в ст. 330 Таможенного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, авансовая форма внесения денежных средств в счет предстоящих таможенных операций является одной из форм исполнения субъектами таможенных отношений своих обязанностей, возникающих в связи с уплатой таможенных платежей, и направлена на рационализацию взаимоотношений плательщиков с таможенными органами, в частности при осуществлении ими множественных таможенных операций.

Использование данного механизма уплаты является также гарантией реализации публичного интереса, связанного со своевременной и полной уплатой таможенных пошлин и сборов.

Как установлено судами, банком были произведены авансовые платежи в счет декларирования им предстоящих внешнеэкономических операций, а также осуществлены действия по представлению таможенных деклараций, на основании которых таможенным органом произведено списание части указанных средств.

Из содержания ст. 122 Закона № 311-ФЗ следует, что исчисление срока на возврат авансовых платежей с даты поступления денежных средств на счет Федерального казначейства производится только в том случае, когда данные суммы не были востребованы ввиду отсутствия соответствующего распоряжения лица, внесшего такой аванс.

В случае использования авансовых средств для целей исполнения обязанностей в рамках таможенных отношений указанный срок исчисляется с последнего распоряжения об использовании авансовых платежей, под которым понимается, исходя из положений Закона № 311-ФЗ, не только представление таможенной декларации, но и списание либо взыскание данных средств таможенным органом.

Следовательно, в ситуации, когда плательщик осуществляет внешнеэкономические операции, вступая в таможенные отношения с соответствующим таможенным органом, независимо от формы списания авансовых платежей – по распоряжению плательщика либо в результате действий таможенного органа, авансы утрачивают признак невостребованных средств и подлежат возврату в течение трех лет с момента последнего распоряжения авансовыми средствами плательщика, имеющимися на счете Федерального казначейства, безотносительно даты зачисления отдельных платежей.

Иное толкование положений ст. 121–122 Закона № 311-ФЗ нарушает баланс между частными и публичными интересами в сфере таможенных отношений, возлагая на плательщика, внесшего авансовые платежи на счет Федерального казначейства и осуществившего декларирование, дополнительную обязанность по контролю за действиями таможенного органа, производящего списание средств в пределах лимита внесенного аванса, в целях исключения случаев необоснованного первоочередного зачета авансовых платежей по платежным документам, имеющим более позднюю дату.

В данном случае трехгодичный срок для возврата указанных платежей с момента последнего распоряжения денежными средствами, внесенными плательщиком в качестве аванса, банком не пропущен.

Заявленное банком требование носит имущественный характер. Ввиду отсутствия в таможенном законодательстве положений, устанавливающих срок на обращение в суд с требованием о возврате авансовых платежей, такое требование подлежит рассмотрению с применением общих правил исчисления срока исковой давности (п. 1 ст. 200 ГК РФ) и продолжительности срока исковой давности в три года (ст. 196 ГК РФ) с момента отказа таможенного органа в возврате спорных авансовых платежей.

Определение № 305-КГ15-8888

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

I. Вопросы квалификации

1. Убийство обоснованно признано совершенным группой лиц по предварительному сговору, поскольку осужденные действовали совместно, с умыслом, направленным на убийство, и каждый из них непосредственно участвовал в процессе лишения жизни потерпевшего.

Установлено, что З. и К. на почве конфликта, вызванного их совместной предпринимательской деятельностью с И., решили убить последнего. С этой целью они приобрели ружье, которое переделали в обрез, и обманным путем заманили И. к себе домой. Находясь в указанном доме, К. произвел из обреза выстрел в голову потерпевшего. Полагая, что потерпевший еще жив, З. взял обрез у К. и произвел второй выстрел в голову И.

В результате совместных действий осужденных последовала смерть потерпевшего И.

Затем осужденные закопали труп И. в заранее подготовленной яме и избавились от обреза. После этого З. неправомерно завладел автомашиной потерпевшего без цели хищения.

Указанные действия осужденного З. квалифицированы судом по п. «ж» ч.2 ст. 105 и ч. 1 ст. 166 УК РФ.

В апелляционной жалобе осужденный З. просил изменить приговор, утверждая, что смерть потерпевшего последовала от действий К., а он являлся лишь пособником убийства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, мотивировав свое решение следующим.

Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, смерть И. наступила в результате множественных (двух) огнестрельных, слепых пулевых ранений головы, которые являются прижизненными и возникли незадолго до наступления смерти от двух воздействий компактно-действующего снаряда.

Таким образом, согласованный характер действий осужденных, направленных на подготовку к убийству И., и производство последовательно каждым из них выстрелов в голову потерпевшего, свидетельствуют о причинении ими совместно смерти потерпевшему.

В связи с этим, действия осужденных правильно квалифицированы судом по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ как умышленное причинение смерти другому человеку группой лиц по предварительному сговору.

Определение № 53-АПУ16-10

2. По смыслу ст. 166 УК РФ под неправомерным завладением автомобилем без цели хищения (угоном) понимается завладение чужим автомобилем и поездка на нем без намерения присвоить его целиком или по частям.

З. признан виновным в том, что после совершенного убийства потерпевшего, взяв ключи от его автомашины, проследовал к месту, где автомашина была оставлена потерпевшим и перегнал ее в другое место.

Указанные действия осужденного З. квалифицированы в том числе по ч. 1 ст. 166 УК РФ.

Доводы осужденного о том, что в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 166 УК РФ, ввиду того, что он не преследовал цели совершить угон автомобиля, а перегнал его на другое место с целью скрыть улики совершенного убийства несостоятельны.

Как установлено судом, З. после убийства потерпевшего завладел автомобилем и совершил поездку на нем, переместив автомобиль потерпевшего в другое место.

При таких обстоятельствах вывод суда о виновности З. в угоне автомобиля, принадлежавшего потерпевшему, является обоснованным и квалификация его действий по ч. 1 ст. 166 УК РФ правильной.

Определение № 53-АПУ16-10

II. Назначение наказания

З. Правила ч. 3 ст. 62 УК РФ о неприменении положений части 1 этой статьи не распространяются на лиц, которым в силу закона не назначается пожизненное лишение свободы, в том числе на лиц, совершивших неоконченное преступление.

П. осужден по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ к 10 годам лишения свободы со штрафом в размере 200 тысяч рублей.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума суда автономного округа приговор и апелляционное определение в отношении П. изменены. Назначенное осужденному по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ наказание смягчено до 9 лет 10 месяцев лишения свободы.

В кассационной жалобе осужденный оспаривал судебные решения в части назначенного ему наказания, полагая, что оно не соответствует требованиям ч. 1 ст. 62 и ст. 66 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и все последующие судебные решения по следующим основаниям.

Как усматривается из приговора, суд, разрешая вопрос о назначении П. наказания, учел в качестве смягчающего наказание обстоятельства активное содействие раскрытию и расследованию преступления при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств.

При этом суды первой, апелляционной и кассационной инстанции не усмотрели оснований для применения в отношении осужденного ч. 1 ст. 62 УК РФ, ссылаясь на ч. 3 ст. 62 УК РФ, согласно которой положения ч. 1 ст. 62 УК РФ не применяются, если соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь. В этом случае наказание назначается в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Указанная позиция является ошибочной, поскольку не учитывает, что ограничения, предусмотренные ч. 3 ст. 62 УК РФ на применение ч. 1 ст. 62 УК РФ закон связывает с возможностью назначения пожизненного лишения свободы либо смертной казни конкретному лицу, что в случае с осужденным П., совершившему неоконченное преступление, противоречило бы требованиям ч. 1 ст. 66 УК РФ.

Согласно пункту 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» правила части 3 статьи 62 УК РФ о неприменении положений части 1 этой статьи не распространяются на лиц, которым в силу закона не назначается пожизненное лишение свободы, в том числе на лиц, совершивших неоконченное преступление.

С учетом пределов назначения наказания, определенных ч. 1 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ, назначенное осужденному наказание не могло превышать шести лет восьми месяцев лишения свободы.

В силу изложенного Судебная коллегия изменила приговор и смягчила назначенное П. наказание по ч. 1 ст. 30 и ч. 5 ст. 228¹ УК РФ до 6 лет 7 месяцев лишения свободы.

Определение № 69-УД16-5

4. Совершение участниками банды преступлений с использованием форменной одежды представителя власти признано обстоятельством, отягчающим наказание (п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

По приговору суда К. осужден к лишению свободы: по ч. 2 ст. 209 УК РФ к 8 годам, по пп. «а», «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ к 8 годам. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 8 лет 6 месяцев лишения свободы.

В апелляционных жалобах осужденный К. просил о смягчении наказания, утверждал, что отягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ, - совершение преступления с использованием форменной одежды представителя власти не может быть к нему применено, так как форменную одежду представителя власти он не

использовал и не знал о том, что участники нападения будут ее использовать.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, указав следующее.

Наказание К. назначено в соответствии с требованиями ст. 6 и 60 УК РФ.

В качестве отягчающего наказание обстоятельства для всех осужденных, в том числе и для К., правильно признано предусмотренное п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления с использованием форменной одежды представителя власти.

В судебном заседании установлено, что форма представителей власти была использована нападавшими для предотвращения как сопротивления со стороны потерпевших, так и вмешательства в происходящее случайных очевидцев. Расчет при этом делался на доверие и подчинение представителям власти, что существенно облегчило совершение преступления.

Доводы осужденного о том, что он не знал об использовании форменной одежды представителей власти участниками нападения опровергаются его же показаниями в ходе предварительного расследования, из которых видно, что он, выполняя роль водителя, неоднократно перевозил участников банды к местам планируемых нападений и обратно, они в его присутствии переодевались в форму спецназа и вооружались. Также К. был посвящен в особенности совершения нападения.

Определение № 58-АПУ16-З

5. При назначении наказания по правилам ч. 3 ст. 66 УК РФ в случае совпадения верхнего предела наказания за неоконченное преступление с низшим пределом наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, ссылки на ст. 64 УК РФ не требуется.

Б. осужден к лишению свободы по: ч. 5 ст. 228¹ УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 10 годам и по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ к 4 годам. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено 11 лет лишения свободы.

В апелляционном представлении государственный обвинитель оспаривал приговор в части назначенного Б. наказания ввиду его чрезмерной мягкости. Указывал, что по эпизоду оконченного состава преступления наказание назначено с применением ст. 64 УК РФ, а в отношении второго эпизода сделан вывод об отсутствии оснований для применения ст. 64 УК РФ, т.к. верхний предел наказания при

неоконченном преступлении совпадает с нижним. По мнению автора представления, назначение менее строгого наказания, чем предусмотрено санкцией статьи, возможно лишь в случае применения ст. 64 УК РФ, а не в случае совпадения верхней и нижней границ санкции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

Наказание осужденному Б. назначено в соответствии с требованиями закона, с учетом установленных обстоятельств дела, характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, относящихся к особо тяжким, наличия смягчающих и отягчающего наказание обстоятельств, данных о личности.

Признание вины, способствование раскрытию и расследованию преступлений, данные о личности и семейном положении в полной мере учтены судом при решении вопроса о наказании, что обоснованно повлияло на решение о применении правил ст. 64 УК РФ при назначении наказания за оконченное преступление.

Наказание по второму эпизоду назначено в соответствии с правилами ч. 3 ст. 66 УК РФ.

Суд правильно указал, что при назначении наказания по правилам ч. 3 ст. 66 УК РФ в случае совпадения верхнего предела наказания, которое может быть назначено в результате применения положений ч. 3 ст. 66 УК РФ, с низшим пределом наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией, ссылки на ст. 64 УК РФ не требуется.

Таким образом, назначенное Б. наказание, как за каждое отдельное преступление, так и по их совокупности, является справедливым и соразмерно содеянному.

Определение № 34-АПУ16-3

6. Срок давности привлечения к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное путем изъятия денежных средств со счета их владельца, исчисляется с момента зачисления денег на расчетный счет виновного, который получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению.

По приговору суда от 19 мая 2014 г. М. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

По данному делу осужден также Г.

Апелляционным определением от 4 августа 2014 г. приговор изменен в части назначенного М. и Г. наказания.

Постановлением президиума Московского городского суда от 31 июля 2015 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в защиту осужденного М. просил отменить апелляционное определение, полагая, что оно вынесено за пределами сроков давности привлечения М. к уголовной ответственности, поскольку к моменту его принятия в соответствии со ст. 78 УК РФ истекло 10 лет со времени совершения преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор и все последующие судебные решения без изменения по следующим основаниям.

Так, приговором суда установлено, что М. и Г. совместно с соучастниками в период с 2003 года по 29 июля 2004 г. путем обмана завладели акциями ОАО «В» и впоследствии совершили ряд неправомерных действий, в результате которых денежные средства в размере 9 311 200 рублей от продажи этих акций в рамках исполнительного производства поступили на расчетный счет отдела службы судебных приставов.

31 августа 2004 г. по представленным Г. реквизитам с расчетного счета отдела службы судебных приставов на расчетный счет ООО «С» перечислены денежные средства в размере 9 311 200 рублей, которые М. и Г. совместно с соучастниками преступления обратили в свою пользу и распорядились ими по своему усмотрению.

Таким образом, преступление следует считать оконченным 31 августа 2004 г., в связи с чем на момент рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции 4 августа 2014 г. сроки давности привлечения М. к уголовной ответственности, предусмотренные п. «в» ч.1 ст. 78 УК РФ, не истекли.

Определение № 5-УД16-12

7. Вопрос освобождения лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ подлежал рассмотрению в порядке ст. 49 УК РСФСР, а не ст. 83 УК РФ.

Постановлением суда от 26 января 2016 г. ходатайство осужденной К. о неприведении в исполнение приговора от 16 апреля 1997 г. за давностью исполнения обвинительного приговора, удовлетворено. К. освобождена от отбывания наказания по указанному приговору.

В апелляционном представлении прокурор просил об отмене постановления, полагая, что срок давности исполнения обвинительного приговора, предусмотренный п. «г» ч. 1 ст. 83 УК РФ, к настоящему моменту не истек.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила постановление без изменения.

Как следует из материалов судебного производства, приговором от 16 апреля 1997 г., вступившим в законную силу 17 июля 1997 г., К. осуждена за преступление, совершенное ею в ноябре 1994 года по п. «н» ст. 102 УК РСФСР, к 8 годам лишения свободы.

В отношении К. обвинительный приговор не был исполнен в связи с ее розыском.

24 сентября 2015 г. К. была задержана и направлена для отбывания наказания в исправительную колонию.

Таким образом, со времени вынесения обвинительного приговора в отношении К. и обращения его к исполнению прошло 18 лет. За это время К. не совершила нового преступления.

С учетом того, что со времени совершения К. преступления до ее задержания прошло более 15 лет, и давность не была прервана совершением нового преступления, суд первой инстанции на основании п. 3 ч. 1, ч. 2 ст. 49 УК РСФСР, действовавшей на момент совершения преступления, обоснованно пришел к выводу об истечении срока давности исполнения приговора и освободил ее от отбывания наказания и из-под стражи.

Статья 49 УК РСФСР, действующая на момент совершения К. преступления, устанавливала общий пятнадцатилетний срок давности исполнения приговора, истечение которого делало невозможным приведение обвинительного приговора в исполнение, даже в том случае, если течение срока давности прерывалось уклонением осужденного от отбывания наказания. Единственным препятствием, не позволяющим освободить осужденного от наказания по истечении 15-летнего срока со времени вынесения приговора, являлось совершение осужденным нового преступления.

Часть 2 ст. 83 УК РФ, действующая с 1 января 1997 г., не предусматривает общего срока, по истечении которого осужденный может быть освобожден от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда. Течение сроков давности возобновляется в любом случае с момента задержания осужденного или его явки с повинной.

Таким образом, новые условия освобождения от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора, вступившие в силу после совершения К. преступления, ухудшают ее положение, а потому в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ не могут быть применены.

Определение № 20-АПУ16-4

III. Процессуальные вопросы

8. Обвинительный приговор отменен ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, связанных с правом обвиняемого на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей.

Из материалов дела видно, что после ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый С. заявил ходатайство о проведении предварительного слушания, указав, что свою позицию относительно ходатайств, указанных в ч. 5 ст. 217 УПК РФ (в числе которых значилось право ходатайствовать о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей) он намерен заявить в судебном заседании.

После поступления дела в суд с обвинительным заключением судьей вынесено постановление о назначении судебного заседания на 15 июня 2015 г. для разрешения вопроса о мере пресечения в отношении обвиняемого С.

Постановлением от 15 июня 2015 г. ходатайство обвиняемого С. о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей было оставлено без рассмотрения как заявленное на ненадлежащей стадии судебного разбирательства и возвращено обвиняемому.

В этот же день, 15 июня 2015 г., судьей было вынесено постановление о назначении судебного заседания на 25 июня 2015 г., в котором указано, что «оснований для проведения предварительного слушания по делу не имеется», а «ходатайство обвиняемого о проведении по делу предварительного слушания без указания конкретных оснований, указанных в ч. 2 ст. 229 УПК РФ, удовлетворению не подлежит».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного, отменила приговор и дело направила на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом суда, со стадии подготовки к судебному заседанию.

Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим.

Из материалов дела видно, что позиция обвиняемого по вопросу о составе суда была известна судье до назначения дела к слушанию по существу в порядке ст. 231 УПК РФ.

Оставив без рассмотрения ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, заявленное в судебном заседании 15 июня 2015 г., и расценив его как «заявленное на ненадлежащей стадии судебного разбирательства», судья не учел положений ч. 1 ст. 120 УПК РФ, в соответствии с которой ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу.

Пункт 1 ч. 5 ст. 231 УПК РФ предусматривает, что ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей подсудимый не вправе заявить лишь после назначения судебного заседания.

В данном случае ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей обвиняемым С. было заявлено в судебном заседании 15 июня 2015 г. еще до назначения судебного разбирательства по существу дела, т.е. до вынесения судьей соответствующего постановления, в котором был определен состав суда по данному делу.

Таким образом, постановление судьи о назначении судебного заседания на 25 июня 2015 г. было вынесено после судебного заседания, проведенного по вопросу о мере пресечения обвиняемого.

Определение № 18-АПУ16-2

9. Неполнота предварительного расследования и судебного разбирательства, вызванная упущениями со стороны суда либо лиц, осуществляющих предварительное расследование, не свидетельствует о возникновении по делу новых обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ.

Органами предварительного следствия Т. обвинялся в нарушении лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, совершенном лицом, находившемся в состоянии опьянения, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего 17 мая 2011 г.

По приговору суда Т. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ вследствие непричастности к совершению преступления.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Верховного суда Республики Хакасия удовлетворено заключение заместителя прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, приговор и апелляционное определение отменены и дело направлено в суд на новое судебное рассмотрение иным составом суда.

В кассационной жалобе Т. просил об отмене постановления президиума. Полагал, что выводы проведенных следственными органами судебно-медицинских экспертиз об установлении иного механизма образования телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, носят предположительный характер и не являются новыми обстоятельствами.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума по следующим основаниям.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ новыми признаются обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, исключаящие преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Перечень таких обстоятельств указан в ч. 4 ст. 413 УПК РФ, при этом, возобновляя производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, суд обеспечивает не восполнение недостатков обвинительной и судебной деятельности, а возможность исследования тех фактических обстоятельств, которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу.

Вопреки указанным положениям закона, в основу принятого решения президиум суда положил результаты следственных действий, которые касались обстоятельств, уже бывших предметом исследования в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства в суде первой инстанции.

Механизм причинения потерпевшему телесных повреждений, повлекших наступление его смерти в результате дорожно-транспортного происшествия, устанавливался как следствием, так и судом, с этой целью допрашивались участники ДТП, эксперты, проводились экспертизы и иные следственные действия.

В результате судебного разбирательства суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии по делу совокупности доказательств, которая достоверно свидетельствовала бы о виновности Т.

Проведение дополнительного расследования путем допросов ранее допрошенных по делу лиц и назначения дополнительных экспертиз по уже исследованным экспертами материалам дела не свидетельствует о возникновении по делу новых обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ, поскольку такие новые обстоятельства не могут быть обусловлены неполнотой предварительного расследования и судебного разбирательства, вызванной упущениями со стороны суда либо лиц, осуществляющих предварительное расследование и поддержание обвинения в суде.

Результаты следственных действий, проведенные в ходе дополнительного расследования дела, не были ранее предметом исследования суда не в силу каких-либо объективных причин и их проведение не исключалось в ходе производства по делу до вынесения окончательного решения, поскольку сторона обвинения не была ограничена в возможности представлять доказательства в подтверждение предъявленного Т. обвинения.

В нарушение требований уголовно-процессуального закона прокурор сослался в представлении не на новые обстоятельства как установленные в ходе производства по делу факты, а на новые доказательства, полученные в ходе дополнительного расследования дела. Однако само по себе получение доказательств, непредставление которых суду ранее не обусловлено объективными причинами, не может являться основанием для пересмотра приговора, вступившего в законную силу в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ.

Определение № 55-УД15-7

10. Потерпевшие вправе получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о его выездах за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свобод и об освобождении из мест лишения свободы.

Постановлением суда были удовлетворены ходатайства потерпевших, в которых они просили известить их о прибытии осужденного М. (осужденного к пожизненному лишению свободы) к месту отбывания наказания, о выездах его за пределы учреждения, исполняющего наказание, об освобождении из мест лишения свободы.

Осужденный М. просил отменить постановление суда, считая его незаконным и необоснованным.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила постановления без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с п. 21¹ ч. 2 ст. 42 и ч. 5 ст. 313 УПК РФ потерпевшие вправе получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свобод, об освобождении из мест лишения свободы в случае, если сделают об этом соответствующее заявление до окончания прений сторон.

При этом суд одновременно с постановлением обвинительного приговора выносит постановление об уведомлении потерпевших, копию которого направляет вместе с копией приговора в учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания.

Как следует из материалов дела, ходатайства потерпевшими были заявлены на стадии судебного следствия, до начала прений сторон, что соответствует положениям ч. 5 ст. 313 УПК РФ.

Таким образом, обжалуемое осужденным постановление суда вынесено в точном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Определение № 58-АПУ16-1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. При рассмотрении вопросов, касающихся неразрешения иностранному гражданину въезда в Российскую Федерацию, следует учитывать конкретные обстоятельства дела, в том числе связанные с личностью иностранного гражданина, его семейным и социальным положением, наличием дохода и родом деятельности, обеспеченностью жильем и т.д.

К. обратился в суд с заявлением об оспаривании решения территориального органа Федеральной миграционной службы (далее – уполномоченный орган) о неразрешении въезда в Российскую Федерацию и заключения об отказе в выдаче разрешения на временное проживание.

Указал, что с 2001 года проживает в Российской Федерации, где окончил школу и получил профессиональное образование в колледже, имеет постоянную работу, с 9 июля 2014 г. состоит в браке с гражданкой Российской Федерации. Проживал в Российской Федерации на основании разрешения на временное проживание, 6 сентября 2013 г. подал в консульский отдел посольства Республики Узбекистан заявление об отказе от имеющегося у него гражданства Республики Узбекистан с целью дальнейшего приобретения гражданства Российской Федерации. Таким образом, на территории Российской Федерации у него сложились устойчивые семейные и социальные связи. Полагал, что действия уполномоченного органа нарушают его право на уважение личной и семейной жизни.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Признавая законными действия территориального органа Федеральной миграционной службы, суды исходили из того, что К., проживая на территории Российской Федерации, неоднократно привлекался к административной ответственности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и вынесла новое решение об удовлетворении требований К., указав следующее.

В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель (обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц), являться необходимым в

демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Необходимость ограничения прав и свобод человека должна быть обоснована исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

В силу положений ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Подпункт 4 ст. 26 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не предусматривает безусловный отказ в выдаче разрешения на въезд в Российскую Федерацию гражданину или лицу без гражданства в случае неоднократного (два и более раза) привлечения этих лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за совершение административного правонарушения на территории Российской Федерации, а лишь предусматривает возможность такого отказа.

При этом определяющее значение имеют тяжесть содеянного, размер и характер причиненного ущерба, степень вины правонарушителя и иные существенные обстоятельства, обуславливающие индивидуализацию при применении взыскания. Также следует учитывать обстоятельства, касающиеся длительности проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство. Уполномоченные органы обязаны избегать формального подхода при рассмотрении вопросов, касающихся том числе и неразрешения въезда в Российскую Федерацию.

Судом установлено, что К., дважды привлекавшийся к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, длительное время проживает на территории Российской Федерации, с 2014 года состоит в браке с гражданкой Российской Федерации, отец К. является гражданином Российской Федерации, административный истец имеет аттестат о среднем (полном) общем образовании, выданный муниципальным общеобразовательным учреждением, диплом колледжа, трудоустроен, подал заявление в консульский отдел посольства Республики Узбекистан в Российской Федерации о выходе из гражданства Республики Узбекистан, жильем в этой стране не обеспечен и родственников не имеет.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что оспариваемые действия уполномоченного органа не могут быть признаны законными, поскольку нарушают права К., не являются необходимыми и соразмерными допущенным нарушениям и вызванным ими последствиям.

Определение № 78-КГ16-8

2. Установление судебным приставом-исполнителем ограничения на выезд из Российской Федерации в отношении лица, условно осужденного по приговору суда, представляет собой временную меру, преследующую цель обеспечить исполнение обвинительного приговора суда как конституционно значимого акта судебной власти.

Приговором суда Л. был признан виновным в совершении преступления, ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет условно, а также штраф.

На основании исполнительного листа судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство. Также вынесено постановление о временном ограничении права на выезд должника из Российской Федерации.

Постановлением суда осужденному Л. предоставлена рассрочка уплаты суммы штрафа.

В связи с этим судебным приставом-исполнителем отменено ограничение права на выезд Л. из Российской Федерации

Впоследствии судебным приставом-исполнителем в отношении Л. вновь принято постановление о временном ограничении права на выезд из Российской Федерации

Л. обратился в суд с заявлением об оспаривании этого постановления, ссылаясь на то, что на момент его вынесения у судебного пристава-исполнителя имелись сведения о погашении суммы штрафа в соответствии

с графиком, установленным судом, и отсутствовали основания полагать, что Л. уклоняется от исполнения приговора суда.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования Л. были удовлетворены. При этом суды исходили из того, что Л. не уклоняется от исполнения приговора суда, в связи с чем законные основания для вынесения судебным приставом-исполнителем оспариваемого постановления отсутствовали.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и вынесла новое решение об отказе в удовлетворении заявления Л., по следующим основаниям.

Статьей 64 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» предусмотрено, что исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с данным законом действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе (ч. 1). Судебный пристав-исполнитель вправе устанавливать временные ограничения на выезд должника из Российской Федерации (п. 15 ч. 1).

В силу подп. 4 ст. 15 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 14-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» право гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случае, если он осужден за совершение преступления, – до отбытия (исполнения) наказания или до освобождения от наказания.

Приговор представляет собой принимаемое в рамках уголовного судопроизводства решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (п. 28 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Вынесение обвинительного приговора не всегда влечет реальное отбывание наказания.

Статьей 73 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрен порядок назначения условного осуждения, которое, в свою очередь, не означает освобождение от уголовной ответственности и наказания и допускает возложение на осужденного определенных обязанностей, ограничивающих его права и свободы.

Реальный контроль за осужденными лицами, в том числе условно осужденными, со стороны уполномоченных государственных органов возможен лишь в пределах территории Российской Федерации.

Следовательно, ограничение условно осужденных лиц в праве на выезд за пределы Российской Федерации представляет собой временную

меру, преследующую цель обеспечить исполнение обвинительного приговора суда как конституционно значимого акта судебной власти.

Судом установлено, что на момент принятия судебным приставом-исполнителем оспариваемого постановления штраф, назначенный Л. приговором суда, уплачен не в полном объеме.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что действия судебного пристава-исполнителя по установлению ограничения на выезд из Российской Федерации в отношении Л. являются законными.

Определение №78-КГ16-9

3. Обязанность по уплате таможенных платежей при незаконном перемещении товаров через таможенную границу возникает у лиц, незаконно перемещающих такие товары.

Г. и А. обратились в суд с заявлением об оспаривании требований таможенного органа об уплате таможенных платежей.

В обоснование заявления указали, что Г. по нотариальной доверенности от гражданина Украины А.Д. оформил пассажирскую таможенную декларацию на временный ввоз через таможенный пост на таможенную территорию Российской Федерации принадлежащего А.Д. транспортного средства с определенным сроком временного ввоза. А.Д. обратился на таможенный пост с заявлением о выдаче паспорта транспортного средства (далее – ПТС) на указанный автомобиль в связи с переездом из Украины на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Также А.Д. подал пассажирскую таможенную декларацию, задекларировав принадлежащее ему названное транспортное средство. Таможенным постом выдан ПТС на имя А.Д., транспортное средство выпущено для внутреннего потребления с освобождением от уплаты таможенных платежей и уплатой утилизационного сбора.

А. по нотариальной доверенности от гражданки Украины С. оформил пассажирскую таможенную декларацию на временный ввоз через таможенный пост на таможенную территорию Российской Федерации принадлежащего С. транспортного средства с определенным сроком временного ввоза. С. обратилась на таможенный пост с заявлением о выдаче ПТС на указанный автомобиль в связи с переездом из Украины на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Также С. подала пассажирскую таможенную декларацию, задекларировав принадлежащее ей транспортное средство. Таможенным постом выдан ПТС на имя С., транспортное средство выпущено для внутреннего потребления с

освобождением от уплаты таможенных платежей и уплатой утилизационного сбора.

Однако, таможенным органом Г. и А. выставлены требования о необходимости уплаты таможенных платежей и пени.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены, требования таможенного органа признаны незаконными.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила и вынесла новое решение об отказе в удовлетворении заявления Г. и А., по следующим основаниям.

Удовлетворяя заявленные требования и признавая незаконными требования таможенного органа, суды исходили из того, что Г. и А. не являлись декларантами при временном ввозе на таможенную территорию Российской Федерации спорных автомобилей. Декларантами являлись граждане Украины А.Д. и С., на которых производилось таможенное оформление этих транспортных средств, и именно им предоставлены льготы по уплате таможенных платежей.

Согласиться с такими выводами не представляется возможным.

В силу положений п. 2 ст. 358 Таможенного кодекса Таможенного союза иностранные физические лица вправе временно ввозить на таможенную территорию таможенного союза транспортные средства для личного пользования, зарегистрированные на территории иностранных государств, на срок своего временного пребывания, но не более чем на один год, с освобождением от уплаты таможенных платежей.

Статьей 179 Таможенного кодекса Таможенного союза предусмотрено, что товары подлежат таможенному декларированию при помещении под таможенную процедуру либо в иных случаях, установленных в соответствии с данным кодексом. Таможенное декларирование товаров производится декларантом либо таможенным представителем, действующим от имени и по поручению декларанта.

В силу ст. 79 Таможенного кодекса Таможенного союза и ст. 114 Закона о таможенном регулировании плательщиками таможенных пошлин, налогов являются декларант или иные лица, на которых в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза, международными договорами государств – членов таможенного союза и названным законом возложена обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов.

В силу подп. 19 п. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза незаконным перемещением товаров через таможенную границу является перемещение товаров через таможенную границу вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным

декларированием или недеklarированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение.

Пунктом 1 ст. 81 Таможенного кодекса Таможенного союза определено, что обязанность по уплате ввозных таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу возникает при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза.

Обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу возникает солидарно у лиц, незаконно перемещающих товары, лиц, участвующих в незаконном перемещении, если они знали или должны были знать о незаконности такого перемещения, а при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза – также у лиц, которые приобрели в собственность или во владение незаконно ввезенные товары, если в момент приобретения они знали или должны были знать о незаконности ввоза (п. 2 ст. 81 Таможенного кодекса Таможенного союза).

Установлено, что граждане Украины А.Д. и С. нотариальные доверенности Г. и А. не выдавали, с названными гражданами не знакомы, ввезенные транспортные средства в своей собственности никогда не имели, в таможенных органах не оформляли, пребывание их на территории таможенного поста не установлено. Ввезенные транспортные средства на территории Украины зарегистрированы не были.

Таким образом, Г. и А., не имея полномочий декларировать от имени граждан Украины спорные автомобили для временного ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, незаконно переместили транспортные средства на таможенную территорию Таможенного союза и не осуществили их вывоз в установленные для временного ввоза сроки.

При таких обстоятельствах на Г.и А. лежит обязанность по уплате таможенных платежей.

В связи с этим выводы судов о незаконности требований таможенного органа признаны Судебной коллегией необоснованными.

Определение № 20-КГ16-2

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Применение положений законодательства о банкротстве

ВОПРОС 1. Вправе ли уполномоченный орган обратиться

в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом лица, не перечислившего в бюджет суммы налога на доходы физических лиц, которые были удержаны при выплате выходных пособий и (или) заработной платы?

ОТВЕТ. Пункт 1 ст. 7, п. 1 ст. 11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в редакции Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; далее – Закон о банкротстве) наделяет правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом самого должника, его конкурсных кредиторов, уполномоченный орган, а также работников (бывших работников) должника, имеющих непогашенные требования по выплате выходных пособий и (или) по оплате труда.

Поскольку уплата налога на доходы физических лиц производится за счет средств, причитающихся гражданам (п. 9 ст. 226 НК РФ), и при удержании сумм этого налога должник распоряжается, в частности, частью вознаграждения за труд, уполномоченный орган применительно к положениям п. 1 ст. 7 Закона о банкротстве вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом лица, не перечислившего в бюджет суммы налога, которые были удержаны им при выплате не освобожденных от налогообложения выходных пособий и (или) заработной платы.

Такие требования, возникшие до возбуждения дела о банкротстве, следуют судьбе требований работников (бывших работников): они включаются в реестр требований кредиторов и подлежат удовлетворению за счет конкурсной массы в рамках второй очереди осуществления расчетов с кредиторами на основании п. 6 ст. 16 и п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве. Указанные требования не предоставляют права голоса на собрании кредиторов (п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве).

Обязательственное право

ВОПРОС 2. Является ли основанием для отказа в иске о взыскании суммы санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства ее неправильная правовая квалификация истцом, который обосновывает свое требование п. 1 ст. 395 ГК РФ, в то время как законом или соглашением сторон на этот случай предусмотрена неустойка?

ОТВЕТ. В силу п. 4 ст. 395 ГК РФ в случае, когда соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, предусмотренные данной статьей

проценты не подлежат взысканию, если иное не предусмотрено законом или договором.

Согласно правовой позиции, содержащейся в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», если законом или соглашением сторон установлена неустойка за нарушение денежного обязательства, на которую распространяется правило абзаца первого п. 1 ст. 394 ГК РФ, то положения п. 1 ст. 395 ГК РФ не применяются. В этом случае взысканию подлежит неустойка, установленная законом или соглашением сторон, а не проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ (п. 4 ст. 395 ГК РФ).

В соответствии с правовой позицией, содержащейся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно ст. 148 ГПК РФ или ст. 133 АПК РФ, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора. По смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ или ч. 1 ст. 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Таким образом, если истец обосновывает требование о взыскании суммы санкции за просрочку в исполнении денежного обязательства ссылками на п. 1 ст. 395 ГК РФ, когда законом или договором предусмотрена неустойка (абзац первый п. 1 ст. 394 ГК РФ), суд выносит на обсуждение сторон вопрос о необходимости применения к правоотношениям сторон п. 1 ст. 330 или п. 1 ст. 322 ГК РФ о неустойке.

В этом случае истец может соответственно увеличить или уменьшить размер исковых требований на основании условий договора или положений закона о неустойке, а ответчик – заявить о применении ст. 333 ГК РФ и представить соответствующие доказательства.

Если размер процентов, рассчитанных на основании ст. 395 ГК РФ, превышает размер неустойки, суд при установлении факта нарушения денежного обязательства удовлетворяет исковые требования частично в пределах размера суммы неустойки, подлежащей взысканию.

Само по себе то обстоятельство, что истец обосновывает свое требование о применении меры ответственности в виде взыскания

денежной суммы за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства п. 1 ст. 395 ГК РФ, в то время как законом или соглашением сторон на случай этого нарушения предусмотрена соответствующая неустойка и денежные средства необходимо взыскать с ответчика в пользу истца на основании п. 1 ст. 330 или п. 1 ст. 332 ГК РФ, не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

ВОПРОС 3. Вправе ли ресурсоснабжающие организации использовать для определения объема и стоимости потребленных энергоресурсов на общедомовые нужды показания коллективных приборов учета, самостоятельно установленных ими в ветхих и аварийных объектах?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ст. 544 ГК РФ оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об энергосбережении) производимые, передаваемые, потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета. Собственники жилых домов, собственники помещений в многоквартирных домах, введенных в эксплуатацию на день вступления в силу данного федерального закона, обязаны обеспечить оснащение домов приборами учета используемых энергоресурсов, а также ввод установленных приборов учета в эксплуатацию. В случае неисполнения ими данной обязанности, согласно ч. 12 ст. 13 Закона об энергосбережении, действия по оснащению домов приборами учета должны совершить ресурсоснабжающие организации, которым в последующем граждане возмещают расходы по установке приборов учета используемых энергоресурсов.

Вместе с тем, в силу предл. 5 ч. 1 ст. 13 Закона об энергосбережении, требования данной статьи в части организации учета используемых энергетических ресурсов не распространяются на ветхие, аварийные объекты, объекты, подлежащие сносу или капитальному ремонту до 1 января 2013 г., а также объекты, мощность потребления электрической энергии которых составляет менее чем пять киловатт (в отношении организации учета используемой электрической энергии) или максимальный объем потребления тепловой энергии которых составляет менее чем две десятых гигакалории в час (в отношении организации учета

используемой тепловой энергии) либо максимальный объем потребления природного газа которых составляет менее чем два кубических метра в час (в отношении организации учета используемого природного газа).

В данной норме не содержится запрета на установку приборов учета в ветхих и аварийных объектах, а лишь указывается на отсутствие обязанности собственников по их установке и, соответственно, оплате стоимости приборов учета и расходов по их установке, если она проведена иным лицом.

Такие объекты могут быть оснащены ресурсоснабжающими организациями за счет собственных средств приборами учета, если подтверждена техническая возможность их установки в соответствии с критериями, предусмотренными приказом Министерства регионального развития от 29 декабря 2011 г. № 627 «Об утверждении критериев наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного), коллективного (общедомового) прибора учета, а также формы акта обследования на предмет установления наличия (отсутствия) технической возможности установки таких приборов учета и порядка ее заполнения». Ухудшение эксплуатационных характеристик здания, отдельных его частей и инженерных систем, послуживших основанием для признания такого объекта в установленном порядке аварийным, приводящее к невозможности обеспечения точной фиксации потребления энергоресурсов и обслуживания приборов учета, исключает использование показаний приборов учета в таких многоквартирных домах.

Показания законно установленных и введенных в эксплуатацию коллективных приборов учета могут быть использованы ресурсоснабжающими организациями для определения объема и стоимости потребленных энергоресурсов.

В соответствии с п. 44 постановления Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» распределяемый между потребителями объем коммунальной услуги, предоставленной на общедомовые нужды за расчетный период, не может превышать объема коммунальной услуги, рассчитанного исходя из нормативов потребления коммунальной услуги, предоставленной на общедомовые нужды, за исключением случаев, когда иное установлено решением общего собрания собственников или когда исполнителем коммунальной услуги является ресурсоснабжающая организация.

По общему правилу объем коммунальной услуги в размере превышения над объемом, рассчитанным исходя из нормативов потребления коммунальной услуги, предоставленной на общедомовые нужды, управляющая организация оплачивает за счет собственных средств.

Данное регулирование направлено на стимулирование управляющей организации к выполнению мероприятий по эффективному управлению многоквартирным домом (выявлению несанкционированного подключения, внедоговорного потребления коммунальных услуг и др.) и достижение целей этого управления, обеспечивающих благоприятные и безопасные условия проживания граждан.

Вместе с тем, принимая во внимание, что в аварийных и ветхих объектах возможности обеспечения благоприятных условий проживания граждан могут быть существенно ограничены в связи с объективным физическим износом здания, его отдельных частей и инженерных систем, а также направленность нормативно-правового регулирования на защиту граждан, вынужденных проживать в непригодных для этих целей условиях, от несения дополнительных издержек, связанных с содержанием и ремонтом таких объектов, использование при расчетах за поставленный коммунальный ресурс показаний приборов учета в рассматриваемом случае не должно приводить к возложению на собственников домов и помещений в них или управляющие организации расходов, связанных с оплатой потребленных в соответствии с показаниями приборов учета коммунальных услуг в объеме, превышающем нормативы потребления.

Таким образом, ресурсоснабжающие организации вправе использовать показания коллективных приборов учета, установленных ими в ветхих и аварийных объектах с соблюдением требований законодательства, для определения объема и стоимости потребленных энергоресурсов на общедомовые нужды. Однако размер обязательств собственников и управляющей компании по оплате потребленных энергоресурсов на общедомовые нужды ограничен утвержденными нормативами потребления.

ВОПРОС 4. Каким образом с 1 июня 2013 г. исчисляется размер платы за поставленную тепловую энергию в многоквартирный дом, не оборудованный коллективным (общедомовым) прибором учета, но в котором все жилые и нежилые помещения имеют индивидуальные приборы учета тепловой энергии?

ОТВЕТ. В соответствии со ст. 157 ЖК РФ размер платы за коммунальные услуги рассчитывается исходя из объема потребляемых коммунальных услуг, определяемого по показаниям приборов учета, а при их отсутствии – исходя из нормативов потребления коммунальных услуг (в том числе нормативов накопления твердых коммунальных отходов), утверждаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

С 1 июня 2013 г. согласно п. 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354, норматив потребления коммунальной услуги по отоплению на общедомовые нужды не подлежит установлению, а потребители вносят плату за такую услугу совокупно без разделения на плату за потребление указанной услуги в жилом (нежилом) помещении и плату за ее потребление на общедомовые нужды.

В целях правильного определения объема ресурса, приходящегося на каждого потребителя, размер платы рассчитывается исходя из данных общедомовых приборов учета с пропорциональным отнесением приходящегося объема услуги по теплоснабжению в совокупной массе на единицу площади.

В соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об энергосбережении) производимые, передаваемые, потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета. Собственники жилых домов, собственники помещений в многоквартирных домах, введенных в эксплуатацию на день вступления в силу данного федерального закона, обязаны обеспечить оснащение домов приборами учета используемых энергоресурсов, а также ввод установленных приборов учета в эксплуатацию.

В случае неисполнения ими данной обязанности, согласно ч. 12 ст. 13 Закона об энергосбережении, действия по оснащению домов приборами учета должны совершить ресурсоснабжающие организации, которым в последующем граждане возмещают расходы по установке приборов учета используемых энергоресурсов.

При несовершении ресурсоснабжающими организациями указанных действий и отсутствии коллективных (общедомовых) приборов учета в многоквартирном доме, который полностью оборудован индивидуальными приборами учета, с 1 июня 2013 г. размер платы за поставленную тепловую энергию исчисляется исходя из показаний индивидуальных приборов учета. Выпадающий доход, вызванный отсутствием учета поставленной на общедомовые нужды тепловой энергии, ложится в таком случае на ресурсоснабжающую организацию, которая, вопреки положениям ч. 12 ст. 13 Закона об энергосбережении, не предприняла необходимых мер по оборудованию многоквартирного дома коллективным (общедомовым) прибором учета.

ВОПРОС 5. Какой срок исковой давности – общий или специальный – подлежит применению к требованию заказчика по договору планового ремонта вагонов к подрядчику о возмещении убытков, вызванных устранением дефектов вагонов, выявленных в процессе перевозки (текущий отцепочный ремонт)?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ст. 721 ГК РФ качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда, а при отсутствии или неполноте условий договора требованиям, обычно предъявляемым к работам соответствующего рода. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, результат выполненной работы должен в момент передачи заказчику обладать свойствами, указанными в договоре или определенными обычно предъявляемыми требованиями, и в пределах разумного срока быть пригодным для установленного договором использования, а если такое использование договором не предусмотрено, для обычного использования результата работы такого рода.

Для требований заказчика, предъявляемых к подрядчику в связи с ненадлежащим качеством работы, выполненной по договору подряда, п. 1 ст. 725 ГК РФ установлен специальный срок исковой давности, который составляет один год.

В случаях, когда факт ненадлежащего выполнения работ по договору планового ремонта выявляется в процессе перевозки и дефект устраняется перевозчиком в целях обеспечения безопасности движения транспорта (текущий отцепочный ремонт), последний действует в том числе в интересах заказчика (владельца вагонов), обеспечивая выполнение им обязанности по содержанию имущества и предотвращению возможного причинения вреда в результате неисправности вагонов. По этой причине заказчик (владелец вагонов) не может отказаться от работ по текущему отцепочному ремонту и должен нести расходы по их оплате.

Передавая заказчику вагоны, которые не могут быть использованы в процессе транспортировки грузов, подрядчик по договору планового ремонта нарушает предусмотренную п. 1 ст. 721 ГК РФ обязанность по передаче заказчику результата работ, пригодного для обычного использования.

Если подрядчик не устранил недостатки вагонов, которые он должен был выявить по договору планового ремонта, и в результате заказчик был вынужден оплатить текущий отцепочный ремонт, подрядчик нарушил обязанность по производству работ соответствующего качества.

Следовательно, к предъявленному в последующем требованию заказчика к подрядчику, выполнявшему плановый ремонт вагонов, о возмещении убытков, вызванных устранением дефектов вагонов,

выявленных в процессе перевозки, применяется специальный срок исковой давности, установленный п. 1 ст. 725 ГК РФ (один год).

***Применение положений законодательства
об охране природы и природопользовании***

ВОПРОС 6. Является ли использование акватории водного объекта в целях эксплуатации подводных переходов трубопроводов, расположенных ниже естественных отметок дна водного объекта (реки, ручья), в отсутствие надлежаще оформленного договора водопользования основанием для признания судом такого использования незаконным?

ОТВЕТ. Пункт 14 ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) под использованием водных объектов (водопользованием) понимает использование различными способами водных объектов для удовлетворения потребностей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических лиц, юридических лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 ВК РФ водные объекты, находящиеся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, предоставляются в пользование на основании договоров водопользования, если иное не предусмотрено ч. 2 и 3 указанной статьи ВК РФ.

Так, на основании договора водопользования осуществляется использование акватории водных объектов (п. 2 ч. 1 ст. 11 ВК РФ).

Для строительства подводных и подземных переходов, трубопроводов, подводных линий связи, других линейных объектов, если такое строительство связано с изменением дна и берегов водных объектов, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 11 ВК РФ водные объекты предоставляются в пользование на основании решения о предоставлении водных объектов в пользование.

Учитывая, что ч. 2 и 3 ст. 11 ВК РФ не указывают на возможность использования водных объектов при эксплуатации подводных переходов трубопроводов на основании решения о предоставлении водных объектов в пользование либо без заключения договора водопользования или принятия решения о предоставлении водного объекта в пользование, то при использовании водного объекта в указанных целях подлежит применению общее правило, содержащееся в ч. 1 ст. 11 ВК РФ, о необходимости заключения договора водопользования.

В частности, использование акватории водного объекта может быть осуществлено при обслуживании подводных переходов трубопроводов, осуществлении их проверки, осмотра, испытаний, ремонта в целях

обеспечения безопасной работы трубопроводов в соответствии с требованиями законодательства, а также для размещения охранной зоны линейных объектов, наличие которой предполагает ограничение в использовании в установленном порядке акватории водного объекта и хозяйственной деятельности, включая полный запрет на осуществление любых действий, которые могут нарушить нормальную эксплуатацию подводных переходов трубопроводов либо привести к их повреждению.

Таким образом, при использовании акватории водного объекта в целях эксплуатации подводных переходов трубопроводов, расположенных ниже естественных отметок дна водного объекта, требуется заключение договора водопользования.

Следовательно, использование акватории водного объекта для эксплуатации подводных переходов трубопроводов, расположенных ниже естественных отметок дна водного объекта (реки, ручья), без оформления договора водопользования является основанием для признания судом такого использования незаконным.

ВОПРОС 7. Юридическое лицо (владелец трубопровода) во исполнение предписания, обязывающего его заключить договор водопользования, в установленный срок обратилось с надлежащим заявлением о его заключении, однако договор не был заключен по независящим от этого лица причинам.

Может ли суд при таких обстоятельствах признать, что юридическое лицо предприняло все зависящие от него меры к исполнению предписания в целях устранения нарушений в сфере водопользования?

ОТВЕТ. Согласно ст. 16 ВК РФ договор водопользования заключается в соответствии с гражданским законодательством, если иное не предусмотрено Водным кодексом.

ГК РФ содержит общее правило о заключении договора посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной.

В случаях, когда в соответствии с ГК РФ или иными законами для стороны, которой направлена оферта (проект договора), заключение договора обязательно, эта сторона должна направить другой стороне извещение об акцепте, либо об отказе от акцепта, либо об акцепте оферты на иных условиях (протокол разногласий к проекту договора) в течение тридцати дней со дня получения оферты (п. 1 ст. 445 ГК РФ).

Положениями ВК РФ предусмотрены следующие правила заключения договора водопользования.

Договор водопользования в части использования акватории водного объекта заключается по результатам аукциона в случаях, установленных

Правительством Российской Федерации, а также в случае, если имеется несколько претендентов на право заключения такого договора (ч. 2 ст. 16 ВК РФ).

Исходя из постановления Правительства Российской Федерации от 14 апреля 2007 г. № 230 «О договоре водопользования, право на заключение которого приобретается на аукционе, и о проведении аукциона» (далее – постановление № 230), на аукционе заключается договор водопользования для использования акватории водного объекта в случаях, когда договором водопользования предусматриваются разметка границ акватории водного объекта, размещение на ней зданий, строений, плавательных средств, других объектов и сооружений, а также в случаях, предусматривающих иное обустройство акватории водного объекта.

Для случаев, когда договор водопользования заключается без проведения аукциона, постановлением Правительства Российской Федерации от 12 марта 2008 г. № 165 «О подготовке и заключении договора водопользования» (далее – постановление № 165) утвержден порядок подготовки и заключения договора водопользования относительно водного объекта, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Как постановление № 230, так и постановление № 165 предусматривают положения о том, что физическое, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, заинтересованные в предоставлении им акватории водного объекта в пользование, обращаются в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении акватории водного объекта. Заявление представляется по форме, утвержденной приказами Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 22 мая 2007 г. № 128 и от 23 апреля 2008 г. № 102, с приложением установленного пакета документов.

Из указанных нормативных актов следует, что лицо, предполагающее использовать акваторию водного объекта, вправе инициировать заключение соответствующего договора водопользования, обратившись в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении водного объекта в пользование (направить оферту).

Таким образом, учитывая положения гражданского законодательства о заключении договора, положения водного законодательства о договоре водопользования, в случае обращения владельца трубопровода с надлежащим заявлением о заключении соответствующего договора, который не был заключен по независящим от него причинам, суд может признать, что юридическое лицо предприняло все зависящие от него меры к исполнению предписания, обязывающего заключить договор водопользования в целях устранения нарушений в сфере водопользования.

Применение налогового законодательства

ВОПРОС 8. Вправе ли плательщик налога на прибыль организаций учесть в составе расходов при исчислении налога проценты за пользование чужими денежными средствами, которые уплачиваются в бюджет в связи с использованием налогоплательщиком имущества, принадлежащего Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию в отсутствие заключенного договора аренды?

ОТВЕТ. В соответствии со ст. 247 НК РФ объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается полученная налогоплательщиком прибыль, которая для российских организаций определяется как полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных налогоплательщиком расходов.

Под расходами налогоплательщика, которые признаются обоснованными и могут быть учтены при исчислении налога на прибыль согласно п. 1 ст. 252 НК РФ, при этом понимаются экономически оправданные затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

Таким образом, гл. 25 НК РФ «Налог на прибыль организаций» при регулировании налогообложения прибыли организаций установила соотносимость доходов и расходов и связь последних именно с деятельностью налогоплательщика по извлечению прибыли. Объектом налогообложения при этом выступает полученный налогоплательщиком результат его хозяйственной деятельности в виде прибыли.

Следовательно, если принадлежащее Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию имущество фактически использовалось налогоплательщиком в его деятельности, направленной на получение дохода, возникшие в связи с этим расходы в виде процентов, которые в соответствии с п. 2 ст. 1107 ГК РФ начисляются на неосновательно сбереженную плату за внедоговорное пользование таким имуществом, могут быть учтены при налогообложении.

Предусмотренный п. 2 ст. 270 НК РФ запрет для включения в состав расходов по налогу на прибыль штрафов, пеней и иных санкций, перечисляемых в бюджет, на рассматриваемые проценты не распространяется.

Процессуальные вопросы и исполнительное производство

ВОПРОС 9. Подлежат ли принятию к рассмотрению арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в

соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», заявление об обеспечительных мерах и заявление о приостановлении исполнения судебных актов, поданные в суд до возбуждения производства по кассационной жалобе?

ОТВЕТ. Исходя из ч. 2 ст. 90 и ч. 1 ст. 284 АПК РФ, заявление об обеспечительных мерах может быть подано в арбитражный суд кассационной инстанции, образованный в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (далее – Закон № 1-ФКЗ), который рассматривает его по правилам гл. 8 АПК РФ.

В силу ч. 1 ст. 92, ч. 1 ст. 93 АПК РФ заявление об обеспечении иска может быть подано в арбитражный суд одновременно с исковым заявлением, в том числе может быть изложено в искомом заявлении, или в процессе производства по делу до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, и рассматривается арбитражным судом, в производстве которого находится дело.

Из разъяснений, содержащихся в пп. 7, 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер», следует, что, если заявление об обеспечении иска подано одновременно с исковым заявлением, такое заявление не рассматривается в случаях возвращения искового заявления, а также до устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления искового заявления без движения.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что до принятия к производству кассационной жалобы заявление об обеспечительных мерах не рассматривается.

Что касается предварительных обеспечительных мер, они не могут применяться арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в соответствии с Законом № 1-ФКЗ, поскольку направлены на обеспечение имущественных интересов заявителя до предъявления иска (ст. 99 АПК РФ).

Исходя из взаимосвязанного толкования положений ст. 283 АПК РФ, посвященной приостановлению исполнения судебных актов арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в соответствии с Законом № 1-ФКЗ, и ст. 278 АПК РФ, возможность рассмотрения судом заявления о приостановлении исполнения судебных актов до принятия к производству кассационной жалобы не предусматривается.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих

производство в суде кассационной инстанции», которое также следует учитывать при решении поставленного вопроса, обращается внимание судов на возможность приостановления исполнения только тех судебных постановлений, в отношении которых поданы кассационная жалоба, представление. Данное разъяснение обусловлено тем, что любые процессуальные действия, которые должны совершаться судом на определенной стадии процесса, не могут быть совершены до возбуждения данной стадии или по ее окончании.

Таким образом, из толкования приведенных выше норм процессуального законодательства и разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации и Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, следует вывод о том, что заявление об обеспечительных мерах и заявление о приостановлении исполнения судебных актов, поданные в арбитражный суд кассационной инстанции, образованный в соответствии с Законом № 1-ФКЗ, до возбуждения производства по кассационной жалобе, по общему правилу не могут быть приняты и рассмотрены этим судом до принятия кассационной жалобы к производству.

ВОПРОС 10. Может ли суд признать публичные торги недействительными в связи с допущенными судебным приставом-исполнителем нарушениями, повлекшими за собой незаконную передачу имущества должника на реализацию с публичных торгов?

ОТВЕТ. В силу п. 1 ст. 449¹ ГК РФ под публичными торгами понимаются торги, проводимые в целях исполнения решения суда или исполнительных документов в порядке исполнительного производства. Правила, предусмотренные ст. 448 и 449 ГК РФ, применяются к публичным торгам, если иное не установлено ГК РФ и процессуальным законодательством.

Согласно п. 1 ст. 449 ГК РФ торги, проведенные с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица в течение одного года со дня их проведения.

Приведенный в п. 1 ст. 449 ГК РФ перечень оснований для признания торгов недействительными не является исчерпывающим.

Исходя из положений чч. 6 и 7 ст. 87 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), основаниями для начала процедуры проведения публичных торгов являются постановление судебного пристава-исполнителя о передаче имущества должника на реализацию и передача этого имущества судебным приставом-исполнителем специализированной организации по акту приема-передачи.

Между тем, если исполнительное производство возбуждено в отсутствие законных оснований для его возбуждения (в частности, по поддельному исполнительному документу либо по исполнительному листу, являющемуся ничтожным вследствие отмены судебного акта, во исполнение которого он выдан, и предъявленному к исполнению взыскателем после принятия противоположного решения) или на реализацию передано имущество, на которое не может быть обращено взыскание, то у организатора публичных торгов отсутствуют предусмотренные Законом об исполнительном производстве основания для проведения процедуры публичных торгов.

Таким образом, публичные торги могут быть признаны недействительными в связи с допущенными судебным приставам-исполнителем нарушениями, повлекшими за собой незаконную передачу на публичные торги имущества должника, например, при возбуждении исполнительного производства в отсутствие законных оснований для его возбуждения, при обращении взыскания на имущество, не подлежащее реализации.

То обстоятельство, что соответствующие постановления (действия) судебного пристава-исполнителя не были признаны незаконными в отдельном судебном производстве, не является основанием для отказа в иске заинтересованного лица о признании публичных торгов недействительными, и законность этих постановлений (действий) судебного пристава-исполнителя суд оценивает при рассмотрении иска о признании публичных торгов недействительными.

***Вопросы по применению положений главы 32 Кодекса
административного судопроизводства Российской Федерации***

ВОПРОС 11. К подведомственности какого суда относятся споры о взыскании обязательных платежей и санкций с физического лица, не зарегистрированного в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя, но фактически осуществляющего предпринимательскую деятельность?

ОТВЕТ. Согласно ч. 1 ст. 212 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) дела о взыскании с лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, обязательных платежей и санкций, предусмотренных законом, рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства. При этом АПК РФ не предусматривает возможность взыскания обязательных платежей и санкций с физического лица, не зарегистрированного в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя.

Часть 1 ст. 289 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ, Кодекс) предусматривает право органов, наделённых функциями контроля за уплатой обязательных платежей, обратиться в суд с административным иском о взыскании с физических лиц денежных сумм в счёт уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций, если федеральным законом не предусмотрен иной порядок их взыскания.

Таким образом, закон устанавливает различную подведомственность споров о взыскании обязательных платежей и санкций с физического лица в зависимости от наличия у него статуса индивидуального предпринимателя. При этом в случае отсутствия указанного статуса названные дела подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции по правилам гл. 32 КАС РФ.

С момента прекращения действия государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, дела о взыскании обязательных платежей и санкций с участием такого гражданина, в том числе связанные с осуществлявшейся им ранее предпринимательской деятельностью, подведомственны судам общей юрисдикции, за исключением случаев, когда данные дела были приняты к производству арбитражным судом с соблюдением правил подведомственности до прекращения государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2014 г., утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.декабря 2014 г.)

ВОПРОС 12. Подлежит ли административное исковое заявление о взыскании обязательных платежей и санкций оставлению без движения в случае отсутствия сведений о направлении административным истцом административному ответчику требования об уплате платежа в добровольном порядке?

ОТВЕТ. Статья 287 КАС РФ предъявляет специальные требования к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций.

В силу п. 4 ч. 1 данной статьи названное административное исковое заявление должно быть оформлено в соответствии с ч. 1 ст. 125 КАС РФ с обязательным указанием сведений о направлении административным истцом административному ответчику требования об уплате платежа в добровольном порядке.

При этом к такому заявлению прилагается копия направленного требования (ч. 2 этой же статьи).

Таким образом, направление административным истцом административному ответчику требования об уплате платежа в добровольном порядке является обязательным условием для обращения в суд.

В случае если в административном исковом заявлении отсутствуют сведения о направлении требования административному ответчику либо такие сведения указаны, но не приложены соответствующие документы, судье надлежит оставить заявление без движения для устранения данного недостатка (ч. 1 ст. 130 Кодекса).

Непредставление названных документов в срок, указанный в определении судьи, является основанием для возвращения административного искового заявления о взыскании обязательных платежей и санкций (п. 7 ч. 1 ст. 129 КАС РФ).

ВОПРОС 13. Требуется ли к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций прилагать документы, подтверждающие сведения о кадастровой стоимости объекта недвижимости, исходя из которой исчислен налог на имущество физического лица и (или) земельный налог?

ОТВЕТ. В силу пп. 2 и 5 ч. 1, ч. 2 ст. 287 КАС РФ по административному делу о взыскании обязательных платежей и санкций на административного истца возлагается обязанность представить доказательства, подтверждающие размер денежной суммы, составляющей платеж либо санкцию, и её расчёт.

Налоговая база по земельному налогу и налогу на имущество физических лиц определяется как кадастровая стоимость объектов налогообложения (ст. 390, 402 НК РФ). Сведения о кадастровой стоимости в целях исчисления указанных налогов представляются налоговому органу из государственного кадастра недвижимости органами, осуществляющими государственный кадастровый учет (п. 4 ст. 391, 403 НК РФ).

В связи с тем, что суммы названных налогов исчисляются налоговыми органами, на которые законом возложена обязанность обосновать их расчёт, в административном исковом заявлении о взыскании обязательных платежей и санкций по земельному налогу и (или) по налогу на имущество физических лиц либо в приложенных к нему документах должны быть указаны сведения о кадастровой стоимости соответствующего объекта недвижимости (п. 3 ст. 396, ст. 408 НК РФ).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

1. Из Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2009 года отзывается ответ на вопрос № 3 о том, имеют ли право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии с подп. 13 п. 1 ст. 27 Закона Российской Федерации от 17 декабря 2002 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» бортовые операторы воздушных судов гражданской авиации.

2. Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 года отзывается ответ на вопрос, касающийся порядка определения размера единовременного пособия военнослужащим, принимавшим участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом.

3. Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2011 года (раздел «Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений») отзывается пример под номером 8 (определение № 14-В11-18).

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел

по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

***В сфере административно-правовых отношений,
а также в сфере рассмотрения дел об административных
правонарушениях***

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 28333/13 «Целовальник против России» (вынесено 8 октября 2015 г., стало окончательным 8 января 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не предприняли мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь в нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

Европейский Суд установил, что «после поступивших жалоб заявителя на боль в колене, врач предположил наличие у него ревматоидного полиартрита и деформирующего остеохондроза, а также рекомендовал рентгенологическое обследование... Рентгенологическое обследование проведено в августе 2010 года, серьезных патологий не выявлено. Врачи заключили, что болевой синдром заявителя был связан с гепатитом С и назначили ему лечение с использованием гепатопротекторов» (пункт 52 постановления).

Суд отметил, что «в случае подозрений на ревматоидный полиартрит постановление № 587 Министерства здравоохранения и социального развития от 20 сентября 2005 г. предписывает проведение значительного количества диагностических исследований... [Н]есмотря на жалобы заявителя на сильную боль, тюремные медицинские специалисты ограничились проведением крайне поверхностного и диагностически ограниченного рентгенологического исследования, а также не посчитали нужным прибегнуть к проведению иных диагностических исследований или тщательного обследования... Таким образом, власти, проигнорировав данное предписание, нарушили внутренние медицинские стандарты» (пункт 52 постановления).

Европейский Суд установил, что «...в ходе медицинского обследования заявителя в августе 2010 года он не был осмотрен ревматологом. Осмотр данным специалистом не проводился вплоть до декабря 2012 года, когда у заявителя было диагностировано несколько костно-суставных заболеваний... [Ф]акт того, что власти не обеспечили обследование заявителя профильными специалистами, заставляет

усомниться в точности постановки диагноза и эффективности лечения... [Н]есмотря на продолжающиеся постоянные жалобы заявителя на сильную боль, он не был обследован в течение почти трех лет» (пункт 53 постановления).

Суд пришел к выводу, что «... заявитель не получил комплексного, эффективного и прозрачного лечения его заболевания в период заключения. Учитывая эти обстоятельства, Суд не может не прийти к заключению о том, что непредоставление властями необходимой медицинской помощи заявителю представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции» (пункт 57 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 12983/14 «Патранин против России» (вынесено 23 июля 2015 г., стало окончательным 14 декабря 2015 г.).

Заявитель жаловался на то, что [в]ласти не провели медицинского обследования в отношении него с тем чтобы ответить на три поставленных Европейским Судом вопроса, и тем самым не исполнили указание Европейского Суда о применении обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 и нарушили требования статьи 34 Конвенции.

Европейский Суд подчеркнул, что цель обеспечительных мер «...заключается не только в обеспечении возможности эффективного рассмотрения жалобы, но и в том, чтобы защита, предоставляемая заявителю Конвенцией, являлась эффективной; такие меры впоследствии позволяют Комитету [м]инистров контролировать исполнение окончательного постановления. Обеспечительные меры, таким образом, позволяют соответствующему государству выполнить свое обязательство по соблюдению окончательных постановлений Суда, которое имеет обязательную юридическую силу в силу статьи 46 Конвенции... Ключевое значение обеспечительных мер еще более подчеркивается тем фактом, что Суд, в принципе, принимает решение об их применении только в действительно исключительных случаях и на основе тщательного анализа всех соответствующих обстоятельств. В большинстве таких дел заявители сталкиваются с реальной угрозой для их жизни и здоровья с последующей реальной опасностью серьезного и необратимого вреда в нарушение основных положений Конвенции» (пункты 46–47 постановления).

Суд отметил, что «...он указал российским [в]ластям в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, что, в интересах надлежащего порядка проведения производства по делу, заявитель должен был быть незамедлительно осмотрен медицинскими экспертами, независимыми от уголовно-исполнительной системы, включая невролога и эпилептолога. Эксперты должны были ответить на вопросы о том, были ли лечение и

физический уход за заявителем адекватными его состоянию, является ли его нынешнее состояние здоровья совместимым с содержанием под стражей в условиях исправительной колонии или тюремной больницы, и, в заключение, требует ли текущее состояние заявителя помещения его в специализированный стационар или его освобождения. Власти в ответ предоставили Суду печатную копию истории болезни заявителя, подготовленную администрацией исправительного учреждения; справки, выданные начальником исправительной колонии, в которой содержался заявитель...» (пункт 50 постановления).

Европейский Суд напомнил, что «...цель обеспечительной меры в данном деле... заключалась в получении независимой медицинской оценки состояния здоровья заявителя, качества полученного им лечения и соответствия условий его содержания под стражей медицинским показаниям. Эти экспертные свидетельства были необходимы для принятия решения о том, в действительности ли, как утверждал заявитель, условия его содержания под стражей, включая предполагаемое отсутствие необходимой медицинской помощи, представляли собой угрозу его жизни и здоровью. Дополнительно, Суд обращает внимание на противоречивый характер заключений, подготовленных медицинскими экспертами заявителя и представлены[х] администрацией колонии, которые заявитель подал совместно с жалобой и ходатайством о[б] обеспечительной мере. В настоящем деле обеспечительная мера была призвана обеспечить заявителю возможность представлять свою позицию по делу в Суде» (пункт 51 постановления).

Суд отметил, что «...целью экспертизы, результаты которой были представлены совместно с отчетом, было сравнение состояния заявителя с перечнем, закрепленным в [п]остановлении Правительства, который мог послужить основанием для его освобождения. Ограничив свою оценку исключительно пересказом медицинской карты заявителя, указанные три врача не оценили состояние заявителя в отрыве от указанного перечня, а также не оценили, требует ли болезнь заявителя, отдельно или в комбинации, с учетом симптомов, природы и течения таковой, дополнительно, специфичного лечения или даже перевода заявителя в специализированную больницу. Также они не оценили качество медицинской помощи, которую он получал в исправительном учреждении, или условия, в которых он содержался» (пункт 53 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...[в]ласти сами ответили на три вопроса, поставленные Судом... с учетом важной роли, которую обеспечительные меры играют в системе Конвенции, они должны строго соблюдаться соответствующим государством. Соответственно, Суд не может представить себе ситуацию, при которой властям позволяется обойти такую обеспечительную меру, как та, которая была указана в настоящем деле, подменив экспертное заключение своей собственной

оценкой положения заявителя. Тем не менее, в настоящем деле [в]ласти именно так и поступили. Тем самым государство подорвало цель применения обеспечительной меры, заключавш[ей]ся в том, чтобы позволить Суду, на основе соответствующего независимого медицинского заключения, эффективным образом отреагировать на продолжающиеся физические и моральные страдания, которым мог подвергаться заявитель в нарушение гарантий статьи 3 Конвенции, и, в случае необходимости, – прекратить их... [О]рганы государственной власти не выполнили обязательства, установленные статьей 34 Конвенции» (пункты 55–56 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что во время заключения он был лишен возможности получать эффективную медицинскую помощь, что привело к серьезному ухудшению его здоровья, поставило его жизнь под угрозу и стало причиной сильных физических и моральных страданий.

Суд установил, что «...заявитель почти полностью парализован и страдает от рассеянного склероза и эпилепсии... Власти не смогли представить убедительных доказательств получения заявителем эффективного лечения в связи с имеющимися у него заболеваниями во время нахождения под стражей» (пункты 70, 75 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...заявитель был лишен медицинской помощи, жизненно необходимой при его заболеваниях, в первую очередь, при рассеянном склерозе, крайне серьезном заболевании, угрожающем его жизни... В случае заявителя, медицинская помощь, которую он получал, была неполной, а медицинское наблюдение — недостаточным. Несмотря на растущее количество жалоб со стороны заявителя на проблемы со здоровьем, надлежащей постоянной диагностики проведено не было... Власти не смогли обеспечить проведение дополнительных диагностических мероприятий, которые могли бы детально отобразить динамику его состояния и позволили бы своевременно корректировать лечение в соответствии с изменениями его состояния. Медицинский персонал исправительного учреждения не принял никаких мер в отношении его озабоченности или выполнения мер, рекомендованных заявителю экспертной комиссией... [З]аявитель не получал полный перечень лекарственных препаратов... [П]редоставление менее чем четверти назначенных заявителю лекарств было явно недостаточно для удовлетворения потребностей заявителя... Доказательства того, что врачи исправительной колонии эффективно лечили симптомы, связанные с рассеянным склерозом, такие как боль и проблемы с контролем за мочеиспусканием, или адекватно лечили другое заболевание заявителя, эпилепсию, не являются убедительными... даже физиотерапия, крайне необходимая для лечения проблем с движением заявителя, не применялась. Низкое качество медицинской помощи дополнялось тем, что заявитель содержался в условиях антисанитарии, что

вело к дополнительному ухудшению состояния его здоровья... из-за отсутствия полноценного и надлежащего медицинского лечения заявитель длительное время испытывал душевные и физические страдания, умаляющие его человеческое достоинство. Непредставление администрацией необходимой медицинской помощи заявителю представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции» (пункт 76 постановления).

Заявитель также утверждал, что не смог воспользоваться эффективным средством правовой защиты для обжалования отсутствия надлежащей медицинской помощи в соответствии с требованиями статьи 13 Конвенции.

Европейский Суд, оценив гражданский иск о компенсации на основании положений Гражданского кодекса, пришел к выводу, что «...такой иск не мог привести к предоставлению каких-либо мер компенсации, кроме денежной компенсации убытков, и не мог прекратить ситуацию, в которой имеет место длящееся нарушение, такое как неадекватное оказание медицинской помощи... такое средство правовой защиты не предлагает обоснованных перспектив успеха, в частности, потому, что приговор зависит от установления вины властей, что имеет низкую степень вероятности в ситуации, когда внутригосударственные правовые нормы предусматривают применение определенной меры, к примеру, определенных условий содержания под стражей или уровень медицинской помощи» (пункт 86 постановления).

Суд заключил, что «...ни одно из предложенных [в]ластями средств правовой защиты не являлось эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами в соответствии со статьей 3 Конвенции» (пункт 87 постановления).

См. также нижеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 44095/14 «А.Л. (X.W.) против России» (вынесено 29 октября 2015 г., стало окончательным 29 января 2016 г.).

Вопросы административного выдворения

Практика международных договорных органов ООН

установлено нарушение права лица не подвергаться пыткам, иным формам недопустимого обращения в случае его административного выдворения

Комитет по правам человека¹

СООБЩЕНИЕ: *Х.Е.А.К. против Дании*. Сообщение № 2343/2014. Соображение принято Комитетом 23 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Египет.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению оценку, проведенную властями государства-участника, т.е. датским Апелляционным советом по делам беженцев, в том числе пред[о]ставленную автором информацию о том, что он является одним из основателей «Ультрас Ахлави» и отвечал в этой группе за информационные технологии. Вместе с тем Комитет отмечает, что государство-участник не пришло к заключению, что лишь ввиду своего статуса в качестве одного из основателей «Ультрас Ахлави» и лица, отвечавшего в этой группе за информационные технологии, с учетом того, что изначально это был аполитичный фанатский клуб, который впоследствии приобрел политическую направленность, автор стал настолько значимой фигурой, что ему будет угрожать индивидуальная опасность подвергнуться преследованию в случае его возвращения в Египет. В этой связи государство-участник упомянуло заявление автора о том, что он не присутствовал ни при инциденте, произошедшем в Порт-Саиде, ни при одном из других столкновений[ях] между властями и демонстрантами, и, следовательно, сделало вывод о том, что автору не будет угрожать индивидуальная опасность в случае его возвращения в Египет. Государство-участник вынесло свое заключение с учетом того, что автор не представил доказательств того, что он подвергнется риску преследования со стороны членов организации «Братья-мусульмане», что он окажется в конфликтной ситуации по смыслу законодательства об убежище относительно военных, полицейских сил безопасности или других органов власти в случае его возвращения в Египет или что египетские власти, пытаясь разыскать автора, связывались с ним или с его матерью (пункт 8.3 Соображения).

Комитет отмечает утверждение автора о доказательствах, которые он представил в подтверждение своих заявлений, в частности угрожающее письмо, пришедшее на домашний адрес его матери, фотографии египтян, которые подверглись пыткам и были убиты за свободное определение своего политического статуса и развитие социальных и культурных

¹ Комитет по правам человека (далее – Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

направлений деятельности «Ультрас Ахлави» в Египте без опасений подвергнуться преследованию, а также различные статьи, объясняющие, как нынешний режим принимает законы, позволяющие властям контролировать социальные сети, которыми пользуется «Ультрас Ахлави», в том числе путем попыток взломать страницу группы в сети «Фейсбук» и закрыть веб-страницу группы. Комитет далее отмечает заявления автора о том, что после того, как ему было предписано вернуться в Египет, власти неоднократно устраивали обыск в доме его матери. Государство-участник не признало достоверными утверждения о том, что египетские власти устроили обыск в доме автора, так как он не представил никаких доказательств и не объяснил, зачем власти стали бы искать его в доме матери. Кроме того, Комитет отмечает постоянные сообщения, вызывающие серьезную обеспокоенность по поводу общего положения в области прав человека в Египте, и, в частности, обращает внимание на полученную информацию о случаях маргинализации представителей оппозиции с целью пресечения инакомыслия; контроля данных, передаваемых по электронным каналам связи, со стороны государственных властей; о массовых арест[ах] подозреваемых сторонников организации «Братья-мусульмане»; о применении[и] пыток к задержанным и заключенным, а также о неправомерно[м] обращении[и] с ними; [о случаях] убийства протестующих; широкого применения смертной казни; ущемления права на свободное выражение мнений и нарушения прав беженцев, просителей убежища и мигрантов, которые отмечаются в докладах о Египте правозащитных механизмов Организации Объединенных Наций и международных неправительственных организаций²; а также заявления автора о том, что лица, занимавшие в иерархической структуре «Ультрас Ахлави» аналогичные или более низкие должности, были похищены, подверглись пыткам или были убиты, на основании которых он утверждает, что его может постигнуть такая же участь в случае его возвращения в Египет (пункт 8.4 Соображения).

Комитет отмечает также новые доказательства автора в виде размещенного в Интернете видеоролика на арабском языке с выступлением бывшего вице-президента Египетской футбольной ассоциации Ахмеда Абдельазиза Шобаира, в котором он 21 февраля 2014 г. заявил, что «капитан Ахмед Шобаир многократно клянется перед Богом, что «Ультрас Ахлави» является террористической группой», допустив целесообразность запрета «Ультрас Ахлави», так как этот клуб, предположительно, поддерживает террористические действия организации «Братья-мусульмане», и что правительству Египта следует положить конец

² См. например, A/HRC/19/61/Add.4, paras. 47–52.

См. также www.freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015 и www.hrw.org/sites/default/files/wr2015_web.pdf.

деятельности «Ультрас Ахлави». Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло причисление «Ультрас Ахлави» к террористическим группам и что оно не указало в своих ответах, как такое причисление влияет на степень риска для автора, связанного с его возвращением в Египет. С учетом того, что автор пред[о]ставил надежную информацию о том, что его могут воспринять как лицо, имеющее тесную связь с группой «Ультрас Ахлави», так как он является одним из основателей этой группы, деятельность которой правительство Египта неоднократно пыталось пресечь, Комитет считает, что автор в достаточной степени обосновал свое утверждение, что власти государства-участника не выполнили свою обязанность должным образом оценить риск, который возникнет для него в случае его возвращения в Египет, и, следовательно, постановляет считать первоначальную оценку риска государством-участником необоснованной. В связи с этим Комитет считает, что с учетом конкретных обстоятельств данного дела изложенные факты и, в частности, информация об участии автора в работе группы «Ультрас Ахлави» свидетельствуют о существовании для автора индивидуального риска подвергнуться пыткам или неправомерному обращению в случае его высылки в Египет в нарушение его прав по статье 7 Пакта (пункт 8.5 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение автора в Египет приведет к нарушению его прав по статье 7 Пакта (пункт 9 Соображения).

СООБЩЕНИЕ: *Осайи Омо-Аменагхавон против Дании.* Сообщение № 2288/2013. Соображение принято Комитетом 23 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Нигерию.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора в соответствии со статьями 6 и 7 Пакта о том, что в случае возвращения в Нигерию ей будет угрожать опасность убийства или пыток со стороны г-на П.Б. или г-жи Б.О. или их родственников или лиц, связанных с сетью торговли людьми в Нигерии. В обоснование своих утверждений автор ссылается на следующие факты: она была жертвой торговли людьми и была принуждена работать в качестве проститутки в Дании; она дала свидетельские показания против связанных с ней торговцев людьми в рамках уголовного судопроизводства в одном из датских судов; и она предположительно получала угрозы со стороны связанных с ней торговцев людьми и от близкого родственника одного из них, который проживает в Нигерии... Комитет принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что, по утверждениям автора, брат г-на П.Б. угрожал ей только один раз; что, как представляется, не существует доказательств каких-либо других угроз, даже после освобождения г-на П.Б. и г-жи Б.О. из тюрьмы в марте 2011 года; что утверждения автора о предполагаемой угрозе со стороны лиц, связанных с

сетью торговли людьми, являются неясными и не сопровождаются необходимыми подробностями; и что, согласно сообщениям государств и НПО, власти Нигерии активно борются с торговлей людьми и ее последствиями, в том числе в интересах женщин – жертв торговли людьми, которые вернулись в Нигерию и постоянно проживают там (пункт 7.3 Соображения).

Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает тот факт, что автор является жертвой торговли людьми со стороны г-на П.Б. и г-жи Б.О. и что они преследовались в судебном порядке и были приговорены к тюремному заключению после того, как она сообщила о них в полицию и дала свидетельские показания против них в суде. Комитет отмечает также, что отклонении[е] ее ходатайств о предоставлении убежища Апелляционным советом по делам беженцев основывались прежде всего на отсутствии конкретной информации, подтверждающей утверждения автора об угрозах для ее безопасности со стороны родственников субъектов преступных действий и лиц, связанных с торговлей людьми в Нигерии. При проведении этой оценки Совет обобщенно сослался на меры, принимаемые нигерийскими властями в целях борьбы с торговлей людьми и оказания помощи жертвам... Комитет считает, что [по] конкретны[м] обстоятельства[м] дела автора государство-участник не приняло во внимание особую уязвимость лиц (в данном случае – автора сообщения), ставших жертвами торговли людьми, которая зачастую продолжается в течение нескольких лет после их спасения или освобождения от субъектов преступных действий, а также особый статус автора в качестве свидетеля в уголовном процессе против этих субъектов преступных действий. Кроме того, государство-участник не уделило надлежащего внимания конкретной способности нигерийских властей обеспечить автору, с учетом ее особых обстоятельств, защиту, гарантирующую, что ее жизнь и физическая и психическая неприкосновенность не окажутся под серьезной угрозой³. Таким образом,... депортация автора в Нигерию станет нарушением ее прав согласно статьям 6 и 7 Пакта (пункт 7.5 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение автора в Нигерию в случае ее осуществления станет нарушением прав автора согласно статьям 6 и 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 8 Соображения).

СООБЩЕНИЕ: *Варда Осман Йасин против Дании*. Сообщение № 2360/2014. Соображение принято Комитетом 22 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Италию.

³ См. United States of America, Department of State, Trafficking in Persons Report 2012, p. 270; и Trafficking in Persons Report 2014, p. 297.

Правовая позиция Комитета: государства-участники должны придавать достаточное значение реальной и личной угрозе, которой лицо может подвергнуться в случае депортации⁴ (пункт 8.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что выдворение ее и ее троих маленьких детей в Италию в соответствии с зафиксированным в Дублинском регламенте принципом «страны первого убежища» подвергнет их реальной опасности причинения непоправимого вреда в нарушение статьи 7 Пакта. Автор основывает свой довод в том числе на том, как с ней на практике обращались после получения ею в сентябре 2008 года вида на жительство в Италии, а также на отмеченных в различных докладах общих условиях приема просителей убежища и беженцев, прибывающих в Италию (пункт 8.2 Соображения).

Комитет принимает к сведению, что, согласно не вызвавшему возражений сообщению автора, в сентябре 2008 года после четырехмесячного пребывания в центре организации «КАРА» на Сицилии она и ее старшая дочь получили временную защиту и вид на жительство в Италии сроком на три года. На следующий день после выдачи автору вида на жительство ей сообщили, что проживать далее в центре приема ей не разрешается; в результате она осталась без крыши над головой и без средств к существованию. Она уехала из Италии и переехала в Нидерланды, но в сентябре 2009 года ее оттуда вместе с ее малолетним ребенком вернули обратно в Италию, и она опять осталась один на один со своими проблемами без какой-либо социальной или гуманитарной помощи со стороны итальянских властей, в том числе во время беременности, несмотря на то, что имела законный вид на жительство. Находясь в состоянии крайней нужды, она была легко уязвима и не смогла в 2011 году продлить срок действия своего вида на жительство. В 2011 году она переехала в Швецию, а оттуда в Данию, где она в июне 2012 года подала ходатайство о предоставлении ей убежища. Сегодня автор – проситель убежища, мать-одиночка тр[ои]х малолетних детей, страдающая астмой, находится в крайне уязвимом положении (пункт 8.4 Соображения).

Комитет принимает к сведению все доклады, представленные автором. Он также принимает к сведению, что в последних докладах засвидетельствован дефицит мест в итальянских центрах приема просителей убежища и лиц, возвращаемых согласно Дублинскому регламенту. Комитет особо отмечает сообщение автора о том, что такие же возвращающиеся в Италию лица, как она, которым защита уже была предоставлена в той или иной форме и которые во время предыдущего пребывания в Италии уже пользовались центрами приема, более не имеют

⁴ См., например, сообщение № 1763/2008, *Пиллаи против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пункты 11.2 и 11.4.

права на проживание в учреждениях организации «КАРА»⁵ (пункт 8.5 Соображения).

6 февраля 2014 г. большинство членов датского Апелляционного совета по делам беженцев сочли, что общая информация об обстоятельствах просителей убежища, получивших временный вид на жительство в Италии, до некоторой степени оправдывает обеспокоенность тем, что гуманитарные условия, в которых находится эта группа, приближаются к уровню, на котором рассматривать Италию в качестве страны первого убежища станет уже небезопасно (пункт 8.6 Соображения).

Комитет принимает к сведению вывод Апелляционного совета по делам беженцев о том, что в рамках данного дела Италию надлежит рассматривать в качестве «страны первого убежища», а также позицию государства-участника, согласно которой государство первого убежища обязано обеспечивать просителей убежища определенными социальными и экономическими ресурсами в соответствии с базовыми гуманитарными нормами, хотя и не требуется, чтобы им были обеспечены точно те же социальные стандарты и условия жизни, что и гражданам страныОн принимает к сведению, что государство-участник также сослалось на постановление Европейского [С]уда по правам человека, в котором сказано, что, хотя положение в Италии отмечено определенными недостатками, доказательств того, что просителям убежища систематически не обеспечиваются поддержка и надлежащие условия, представлено не было⁶ (пункт 8.7 Соображения).

Комитет считает, что в выводе государства-участника не учтена должным образом подробная информация, пред[о]ставленная автором, которая изложила основанный на ее собственном опыте обширный материал о том, как, несмотря на выданный ей вид на жительство в Италии, она дважды оказывалась в состоянии изоляции и крайней нужды. Кроме того, государство-участник не объясняет, каким образом в случае, если автор и ее дети будут выдворены в Италию, полученный ею, но уже просроченный вид на жительство сможет защитить ее и ее троих малолетних детей от трудностей и лишений, с которыми она уже раньше в этой стране сталкивалась (пункт 8.8 Соображения).

[Г]осударство-участник было обязано провести более тщательную оценку той угрозы, которой автор могла подвергнуться в Италии, а не полагаться на доклады общего характера на том лишь основании, что, раз она уже однажды получила временную защиту, то, значит, она и теперь

⁵ См. AIDA, Country report: Italy, January 2015, p. 54-55, available at www.asylumineurope.org/sites/default/files/report-download/aida_italy_thirdupdate_final_0.pdf.

⁶ См. Мохаммед Хуссейн и др. против Нидерландов и Италии.

будет в Италии иметь право на трудоустройство и социальное обеспечение. Комитет считает, что государство-участник недостаточно тщательно проанализировало личный опыт автора и предсказуемые последствия в случае принудительного возвращения ее в Италию. Оно также не запросило у итальянских властей надлежащих гарантий того, что автор и ее трое малолетних детей будут приняты в условиях, совместимых с их статусом просителей убежища, которые имеют право на временную защиту и гарантии по статье 7 Пакта; оно не обратилось к Италии с просьбой: а) продлить вид на жительство автора и ее детей и не депортировать их из Италии и б) принять автора и ее детей в условиях, соответствующих возрасту детей и уязвимому положению семьи, благодаря чему они смогут остаться в Италии (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение автора и ее троих детей в Италию в соответствии с первоначальным решением датского Апелляционного совета по делам беженцев явится нарушением статьи 7 Пакта (пункт 8.10 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 44095/14 «А.Л. (X.W.) против России» (вынесено 29 октября 2015 г., стало окончательным 29 января 2016 г.).

Заявитель жаловался, что если он будет выдворен в Китай, он подвергнется риску быть приговоренным к смертной казни и казненным.

Европейский Суд отметил, что «внутригосударственные суды не произвели оценку рисков подвергнуться смертной казни и бесчеловечному обращению, если заявитель будет депортирован в Китай. Их аргументация по этому вопросу ограничивалась утверждением, без ссылки на какое-либо внутригосударственное положение, что решение о нежелательности пребывания, вынесенное в отношении заявителя, не влекло за собой автоматической депортации в Китай и что заявитель мог уехать из России в другую страну... В решении о нежелательности пребывания в отношении заявителя четко указывалось, что если он не уедет из России до установленного срока, его депортируют... российский паспорт заявителя был изъят, и доказательства, что у него имелся какой-либо другой действительный документ или соответствующие визы, позволяющие ему пересечь российскую границу и въехать в третью страну, отсутствуют» (пункт 65 постановления).

Суд отметил, что «имелся значительный и предсказуемый риск, что, будучи депортированным в Китай, заявитель мог подвергнуться смертной казни после судебного разбирательства по обвинению в убийстве,

преступлении, которое наказывается смертной казнью» (пункт 66 постановления).

Суд заключил, что «принудительное возвращение заявителя в Китай подвергнет его реальному риску... обращению, противоречащему статьям 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) и, таким образом, повлечет за собой нарушение этих статей» (пункт 66 постановления).

Заявитель также жаловался, что условия содержания в Центре для содержания иностранных граждан были бесчеловечными и унижающими достоинство, а также что он был помещен в одиночную камеру и, следовательно, был социально изолирован.

Суд подчеркнул, что «одиночное заключение является одной из самых серьезных мер, которые могут быть применены к лицу. Учитывая тяжесть такой меры, внутригосударственные власти несут обязательство по оценке всех соответствующих факторов в деле заключенного до его помещения в одиночное заключение... [Д]ля того, чтобы избежать риска произвола, вытекающего из решения поместить заключенного в одиночную камеру, решение должно сопровождаться процессуальными гарантиями, обеспечивающими благополучие заключенных и соразмерность применяемой меры» (пункт 76 постановления).

Европейский Суд установил, что «заявитель содержался в одиночном заключении на всем протяжении его пребывания в Центре для содержания иностранных граждан... более четырех месяцев... [О]н не имел никаких контактов с другими заключенными. Его контакт с надзирателями был ограничен раздачей пищи через маленькое окошко в двери и нерегулярному сопровождению до прогулочного двора, где он снова оставался один. Встречи с членами семьи были также ограничены, то есть заявителю разрешили только четыре получасовых встречи с женой в течение всего периода его содержания... [З]аявитель не имел доступа к библиотеке, радио или телевизору Центра для содержания иностранных граждан. Ему не выдавались никакие книги или газеты. Ему не разрешалось пользоваться мобильным телефоном... [Т]ип одиночного заключения, которому подвергся заявитель, без соответствующего психологического и физического стимулирования, вероятно, оказал вредное воздействие на него, что вылилось в ухудшение и умственных способностей и социальных навыков» (пункт 77 постановления).

Суд также отметил, что «обоснования одиночного заключения заявителю не было предоставлено ни на внутригосударственном уровне, ни в Суде. Никогда не заявлялось, что на заявителя составлялся протокол о нарушении общественного порядка или о его буйном поведении, что он был в каком-либо отношении опасен, когда-либо угрожал или нападал на других заключенных или надзирателей или сам становился жертвой угроз или насилия» (пункт 78 постановления).

Европейский Суд установил, что «в настоящем деле нет доказательств, что внутригосударственными органами власти когда-либо производилась оценка необходимости отделять заявителя от остального контингента места заключения, с учетом его личных обстоятельств, ситуации и поведения. По-видимому, не выносилось официального решения о помещении заявителя в одиночное заключение, устанавливающего юридическую основу и причины применения такой меры или ее продолжительности... Заявитель находился, таким образом, в полном неведении о том, почему он был помещен в одиночное заключение и на какой период. Такое состояние неопределенности, вне всякого сомнения, увеличило степень его напряженности» (пункт 79 постановления).

Суд пришел к выводу, что «заявитель был помещен в одиночное заключение без какой-либо объективной оценки по вопросу, была ли оспариваемая мера необходимой и соответствующей, или нет, а также в отсутствие процессуальных мер защиты, гарантирующих его благополучие и пропорциональность применяемой меры... [О]диночное заключение заявителя являлось бесчеловечным и унижающим достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 81 постановления).

Заявитель, ссылаясь на статью 3 Конвенции, также жаловался на условия его содержания в отделе внутренних дел.

Европейский Суд установил, что «заявитель содержался в камере для административно задержанных в отделе полиции в течение двух дней, несмотря на тот факт, что она была спроектирована для содержания под стражей сроком не более трех часов. По проекту камера не имела удобств для продолжительных периодов содержания. В камере не было туалета или раковины. Она была оборудована лишь скамьей, стула, стола и другой мебели в ней не было. Доступ к туалету был ограничен. Окно было закрыто металлическим листом, преграждающим доступ свежему воздуху и дневному свету» (пункт 88 постановления).

Суд заключил, что «условия содержания под стражей в отделе полиции... унижали достоинство заявителя и причиняли ему расстройство и неудобства, степень которых превышала неизбежный уровень страдания, неотъемлемый от содержания под стражей» (пункт 90 постановления).

установлено отсутствие нарушения права лица не подвергаться пыткам, иным формам недопустимого обращения в случае его административного выдворения

Комитет по правам человека

СООБЩЕНИЕ: *Ф.М. против Канады.* Сообщение № 2284/2013. Соображение принято Комитетом 5 ноября 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Чад.

Правовые позиции Комитета: следует учитывать обязанность государства-участника согласно пункту 1 статьи 2 Пакта обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, в том числе в рамках осуществления процедур высылки неграждан⁷. Комитет напоминает также о том, что государства-участники обязаны не выдавать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории в тех случаях, когда неизбежным и предсказуемым последствием высылки будет являться реальная угроза нанесения непоправимого вреда, предусмотренного в статье 7 Пакта, как в стране, в которую осуществляется высылка, так и в любой другой стране, в которую это лицо может быть выслано впоследствии⁸. Комитет определил, что угроза должна существовать лично⁹ для человека и что для вывода о реальной опасности нанесения непоправимого вреда должны иметься серьезные основания¹⁰. Соответственно, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, в частности общее положение с правами человека в стране происхождения автора¹¹ (пункт 9.3 Соображения).

[О]ценка фактов и доказательств в каждом конкретном случае относится, как правило, к компетенции судов государств - участников Пакта, кроме тех случаев, когда может быть установлено, что такая оценка была явно произвольной или равносильной отказу в правосудии¹² (пункт 9.4 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению жалобу автора, который утверждает, что в результате его высылки из Канады в Чад ему может быть нанесен непоправимый вред в нарушение статьи 7 Пакта. Он принимает к сведению довод государства-участника о том, что утверждения автора являются по большей степени домыслами и что автор получил отказ от различных канадских инстанций, рассмотревших его дело, по причине

⁷ См. Замечания общего порядка № 6 (1982 год) о праве на жизнь (статья 6 Пакта) и № 20 (1992 год) о запрещении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (статья 7 Пакта); см. также *Хамида против Канады*, пункт 8.2.

⁸ См. пункт 12 Замечания общего порядка № 31; см., среди прочего, *Хамида против Канады*, пункт 8.7; а также сообщение № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 г., пункт 6.14.

⁹ См. *А.Р.Дж. против Австралии*, пункт 6.6.

¹⁰ См. сообщение № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

¹¹ Там же.

¹² См., в частности, сообщение № 541/1993, *Симмс против Ямайки*, решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 г., пункт 6.2.

несвязности и недостаточной убедительности его утверждений, а также отсутствия объективных доказательств, которые позволили бы сделать вывод о существовании опасности нанесения ему такого вреда (пункт 9.2 Соображения).

Комитет отмечает, что поданное автором ходатайство о предоставлении статуса беженца было тщательно изучено органами государства-участника, которые заключили, что заявления автора по поводу мотива обращения с таким ходатайством и его рассказ о событиях, заставивших его покинуть Чад, не заслуживают доверия. Отдел защите беженцев (далее – ОЗБ) счел свидетельство автора недостоверным, особенно учитывая факт представления им членского билета Ассоциации для поощрения основных свобод в Чаде, который ОЗБ признал поддельным. Автор никак не разъяснил этот факт, за исключением упоминания им некоторых «противоречий» в его свидетельстве в момент прибытия в Канаду (пункт 5.2 Соображения). Кроме того, ОЗБ выявил существенное противоречие в рассказе автора, который первоначально заявил, что его никогда не арестовывали, ему не предъявляли обвинений и его не заключали под стражу, а затем изменил свое свидетельство для того, чтобы утверждать, в том числе в его обращении в Комитет, что в марте 2008 года он был арестован и задержан на четыре дня сотрудниками Национального агентства безопасности. Кроме того, его утверждения о том, что сотрудники, которые, освободили его в 2008 году, все еще его разыскивают, неправдоподобны (пункт 9.5 Соображения).

Комитет не видит причин оспаривать выводы государства-участника, поскольку автор не указал ни какое-либо нарушение, допущенное в процессе принятия решений, ни какой-либо фактор риска, который не был бы надлежащим образом учтен органами государства-участника. Автор не смог доказать, что в его случае решения были явно необоснованными, приняты[ми] с нарушениями или произвольно. Кроме того, Комитет полагает, что многочисленные документальные доказательства и свидетельства, представленные автором как в национальные юрисдикционные органы, так и в Комитет, хотя и вне всяких сомнений свидетельствуют о вызывающей беспокойство ситуации, сложившейся в Чаде¹³, но не указывают на наличие личного риска¹⁴ или серьезных

¹³ В частности, вопросы, вызывающие беспокойство, перечисленные Комитетом в его заключительных замечаниях (CCPR/C/TCD/CO/2) по итогам рассмотрения второго периодического доклада Чада в 2014 году, такие как широко распространенная практика применения пыток и нарушения права на свободу выражения мнений.

¹⁴ См. сообщение № 2007/2010, *Х. против Дании*, соображения, принятые 26 марта 2014 г., пункт 9.2; Комитет против пыток, сообщение № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, решение, принятое 7 ноября 2006 г.; сообщение № 333/2007, *Т.И. против Канады*, решение, принятое 15 ноября 2010 г.; сообщение № 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, решение, принятое 12 ноября 2010 г.; Комитет по правам

оснований для того, чтобы сделать вывод о реальной опасности причинения ему непоправимого вреда в случае принудительного возвращения в Чад¹⁵ (пункт 9.6 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение автора в Чад не будет представлять собой нарушения статьи 7 Пакта (пункты 9.7, 10 Соображения).

СООБЩЕНИЕ: *П.С.Б. и Т.К. против Канады.* Сообщение № 202/2012. Решение принято Комитетом 13 августа 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Индию.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что положение в области прав человека в Пенджабе и Индии в последние годы улучшилось и стабилизировалось. В то же время он отмечает, что в докладах, представленных заявителем и государством-участником, подтверждается, в частности, что продолжают иметь место многочисленные случаи пыток во время содержания под стражей в полиции и что в настоящее время правонарушители повсеместно пользуются безнаказанностью¹⁶ (пункт 8.3 Решения).

Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что он должен уделять необходимое внимание выводам... [компетентных органов], которые провели тщательный анализ рисков, о которых говорят заявители, и что утверждения заявителей не требуют переоценки фактов и доказательств Комитетом (пункт 8.4 Решения).

Комитет отмечает, что заявители утверждают, что подвергались пыткам в прошлом. Комитет, однако, считает, что органы государства-участника, которые рассматривали их дело, провели тщательный анализ всех представленных заявителями доказательств и сочли их недостаточно достоверными. Комитет далее отмечает, что, даже если предположить, что заявители подвергались пыткам во время содержания под стражей до суда, предполагаемые случаи пыток не происходили в недавнем прошлом¹⁷ (пункт 8.5 Решения).

Комитет далее отмечает, что, даже если он согласится с утверждениями заявителей о том, что в прошлом они подвергались пыткам, вопрос состоит в том, угрожает ли им в настоящее время опасность применения пыток в случае возвращения в Индию. Вовсе не обязательно, что по прошествии нескольких лет после предполагаемых

человека, *А.Р.Дж. против Австралии*, пункт 6.6.

¹⁵ См. *Х. против Дании*, пункт 9.2; и *Х. против Швеции*, пункт 5.18.

¹⁶ См. сообщения № 302/2006, *А.М. против Франции*, решение от 5 мая 2010 г., пункт 13.2; № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, пункт 7.1; и № 319/2007, *Сингх против Канады*, решение от 30 мая 2011 г., пункт 8.2

¹⁷ См., например, сообщение № 431/2010, *Ю. против Швейцарии*, решение от 21 мая 2013 г., пункт 7.7

событий им все еще будет угрожать применение пыток в случае возвращения в страну происхождения. Комитет также принимает во внимание утверждение о том, что заявители подвергнутся пыткам в случае возвращения в Индию в силу их предполагаемой принадлежности к сикхским активистам и земельного спора между сикхским храмом и местным политиком. Комитет отмечает, что заявители не представили никаких документальных свидетельств того, что в отношении них имеются какие-либо незавершенные уголовные дела или что индийские власти выдали ордер на их арест. Напротив, они могли свободно покинуть страну... По мнению Комитета, заявителям не удалось успешно справиться с этой задачей¹⁸. Кроме того, заявители не убедили Комитет в том, что занимавшиеся рассмотрением дела органы государства-участника не провели должного расследования (пункт 8.6 Решения).

Выводы Комитета: заявители не представили достаточных оснований полагать, что им будет угрожать реальная, предсказуемая, личная опасность быть подвергнутым[и] пыткам в случае возвращения в Индию (пункт 8.7 Решения).

СООБЩЕНИЕ: *К. против Дании.* Сообщение № 2393/2014. Соображение принято Комитетом 16 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Афганистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению довод автора о том, что в случае возвращения в Афганистан ему угрожает опасность подвергнуться жестокому обращению со стороны «Талибана» и местного населения за то, что он в течение пяти лет работал устным переводчиком в вооруженных силах Соединенных Штатов в Афганистане, ввиду чего он будет немедленно отнесен к числу предателей. Он утверждает, что еще в Афганистане ему поступали угрозы со стороны талибов, его двоюродных братьев и местных жителей. Автор сообщения также ссылается на доклад Датской иммиграционной службы (далее – ДИС), в котором признается тот факт, что устные переводчики, работающие на международные силы, рискуют стать объектом внимания «Талибана». Государство-участник оспорило приемлемость и существо этого утверждения и сочло заявления автора о предполагаемых угрозах, предшествующих его отъезду из Афганистана, противоречивыми и недостоверными по ряду причин. К этому же выводу пришла Апелляционная комиссия по делам беженцев (далее – АКБ) в своем решении от 24 июня 2013 г. (пункт 7.2 Соображения).

¹⁸ См. сообщение № 429/2010, Сивагнанаратнам против Дании, решение, принятое 11 ноября 2013 г., пункты 10.5 и 10.6.

Комитет отмечает, что датская АКБ обстоятельно рассмотрела все утверждения автора, в частности проанализировала угрозы, предположительно полученные автором в Афганистане, и сочла их противоречивыми и недостоверными по ряду причин. Автор сообщения оспаривает оценку доказательств и фактологические выводы, сделанные АКБ, но при этом не объясняет, почему такая оценка является произвольной или иным образом представляет собой отказ в правосудии (пункт 7.5 Соображения).

Что касается общих заявлений автора о необеспечении процессуальных гарантий в АКБ, то, как отмечает Комитет, автор имел доступ к адвокату и принял участие в устном слушании при помощи устного переводчика, предоставленного АКБ. В связи с этим Комитет считает, что автор не объяснил, каким образом данное разбирательство могло представлять собой отказ в правосудии в его случае (пункт 7.6 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что он в целом рискует стать объектом внимания «Талибана» в случае возвращения в Афганистан. Тем не менее Комитет считает, что автору не удалось представить достаточно веские основания в поддержку своего утверждения о том, что он подвергнется личному риску в случае возвращения в Афганистан только в силу его прошлой работы в качестве устного переводчика в вооруженных силах Соединенных Штатов. Вследствие этого Комитет считает, что автор не привел доказательств того, что его возвращение в Афганистан будет сопряжено с угрозой подвергнуться непоправимому вреду в нарушение статьи 7 Пакта (пункт 7.7 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение автора в Афганистан не приведет к нарушению его прав, предусмотренных статьей 7 Пакта (пункт 8 Соображения).

СООБЩЕНИЕ: 3. *против Дании*. Сообщение № 2329/2014. Решение принято Комитетом 15 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Исламскую Республику Иран.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что ему угрожает реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 7 Пакта, если он будет возвращен в Исламскую Республику Иран, поскольку он является сторонником Курдской демократической партии Ирана и... перед своим отъездом распространял листовки политического содержания, что предположительно известно иранским властям. Кроме того, у него есть татуировка с изображением Зартошта, по которой иранские власти заключают, что он перешел из ислама в зороастризм. По мнению автора, эти факты, в сочетании с тем фактом, что он покинул Иран незаконно и будет

отправлен обратно без действительного проездного документа, ставят его под угрозу задержания и пыток со стороны иранских властей по приезде (пункт 7.3 Решения).

Комитет отмечает, что Апелляционный совет по делам беженцев, принимая свои решения от 9 ноября 2009 г. и 20 сентября 2012 г., принял к сведению утверждения автора [полученные] органам[и] власти государства-участника, в том числе в ходе собеседований в Датской национальной полиции и в Иммиграционной службе Дании, а также документацию, представленную автором в обоснование своих утверждений, но при этом Совет пришел к выводу об отсутствии существенных оснований для предоставления убежища, поскольку информация, предоставленная автором, являлась неправдоподобной и сфабрикованной для данного случая. В отсутствие доказательств того, что решения Апелляционного совета по делам беженцев были явно необоснованными или произвольными в том, что касается утверждений автора сообщения, Комитет не может сделать вывод о том, что пред[о]ставленная ему информация свидетельствует о том, что высылка автора в Исламскую Республику Иран ставит его под реальную угрозу подвергнуться обращению, противоречащему статье 7 Пакта. В свете этого вывода Комитет не считает необходимым отдельно рассматривать утверждения автора, касающиеся статей 18 и 19 Пакта (пункт 7.4 Решения).

Выводы Комитета: выдворение автора в Исламскую Республику Иран не будет являться нарушением его прав согласно статьям 7, 18 и 19 Пакта (пункт 8 Решения).

Комитет против пыток¹⁹

СООБЩЕНИЕ: 3. *против Дании*. Сообщение № 555/2013. Соображение принято Комитетом 10 августа 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Китай.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 1, согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу

¹⁹ Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

критерий «высокой степени вероятности», Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит «предсказуемая, реальная и личная» опасность²⁰. Комитет далее напоминает, что согласно его [З]амечанию общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника²¹, но при этом Комитет не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (пункт 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [п]ри оценке риска применения пыток... Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что существует предсказуемая, реальная и личная опасность того, что он будет подвергнут пыткам и, возможно, будет убит в случае возвращения в Китай, поскольку он был арестован, заключен под стражу и подвергнут пыткам китайской полицией в 2005 году после того, как перевез в своем такси предполагаемого уйгурского террориста, и полиция разыскивала его в его доме в период его содержания под стражей и в течение месяца после этого. Комитет также принимает к сведению утверждение государства - участника о том, что его национальные органы пришли к заключению, что заявителю недостает убедительности, поскольку, в частности, он не ходатайствовал о предоставлении убежища в установленные сроки после событий, которые заставили [его] покинуть Китай в 2005 году, а ждал до тех пор, пока не был арестован в 2011 году; он делал противоречащие друг другу заявления о своем этническом происхождении; его жалобы в отношении действий китайской полиции во время его содержания под стражей и последующего освобождения являются неправдоподобными; он не смог дать четкие ответы на вопросы о своем родном городе и своей жизни там; экзамен на знание языка указал, что его использование языка несовместимо с речью провинции, из которой он, как он утверждает, родом; и он отказался ответить на вопросы, касающиеся его ходатайства о предоставлении убежища, в ходе второго собеседования с сотрудниками Иммиграционной службы Дании в 2013 году. Комитет отмечает, что заявитель не отрицает утверждение государства-участника о том, что он сделал противоречивые заявления по поводу своего этнического происхождения. Комитет... отмечает, что инциденты, которые привели к

²⁰ См., в частности, сообщения № 203/2002, А.Р. против Нидерландов, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., и сообщение № 258/2004, Дадар против Канады, Решение, принятое 23 ноября 2005 г.

²¹ См., в частности, сообщение № 356/2008, Н.С. против Швейцарии, решение, принятое 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

тому, что заявитель уехал из Китая, имели место в 2005 году, и отмечает, что заявитель не сделал никаких заявлений и не представил доказательств по крайне важному вопросу о том, существует ли в настоящее время опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Китай, учитывая, что прошло уже 10 лет (пункт 7.4 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что сотрудники китайской полиции отрезали ему три пальца; что его просьба о проведении медицинского осмотра, с тем чтобы выявить следы пыток, была отклонена датскими властями; и что у него не было средств для того, чтобы самостоятельно оплатить медицинское освидетельствование. Вместе с тем Комитет отмечает, что в данном случае, когда заявитель не обосновал основные элементы своих утверждений... ответственные органы государства-участника тщательно изучили все представленные заявителем доказательства и признали их недостоверными... Комитет считает, что заявитель не доказал, что власти государства-участника, которые рассматривали его дело, не провели должного анализа угрозы применения пыток (пункт 7.5 Соображения).

Комитет отмечает, что, даже если предположить, что заявитель подвергался пыткам в прошлом, предполагаемые случаи пыток не происходили в недавнем прошлом. Комитет далее отмечает, что даже если он согласится с утверждениями заявителя о том, что в прошлом его подвергали пыткам, вопрос состоит в том, угрожает ли ему опасность применения пыток в настоящее время в случае возвращения в Китай. Отнюдь не обязательно, что по прошествии десяти лет после предполагаемых событий ему все еще будет угрожать применение пыток в случае возвращения в страну происхождения²² (пункт 7.6 Соображения).

Комитет отмечает, что заявитель не представил каких-либо документальных доказательств того, что имели место какие-либо уголовные дела, возбужденные против него, или что китайские власти выдали ордер на его арест. Напротив, согласно его собственному заявлению, после его ареста он был освобожден без предъявления обвинений (пункт 7.7 Соображения).

Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что Апелляционная комиссия по делам беженцев неправомерно отклонила его просьбу о проведении устных слушаний, поскольку проведение устных слушаний в Комиссии дало бы ему возможность убедить Комиссию в том, что он действительно является этническим уйгуром... Комитет отмечает, что в настоящем деле заявитель прошел два

²² См. сообщения № 431/2010, Ю. против Швейцарии, решение от 21 мая 2013 г., пункт 7.7, и № 491/2012, Е.Е.Е против Швейцарии, решения, принятые 8 мая 2015 г., пункт. 7.5.

собеседования с сотрудниками Иммиграционной службы Дании, в ходе которых он имел возможность представить свое дело и более подробную информацию о доказательствах. В ходе собеседований заявителю был задан этот вопрос и он не дал четкого ответа по поводу его этнического происхождения. Комитет отмечает, что заявитель не объяснил, каким образом проведение устного разбирательства в Апелляционной комиссии по делам беженцев дало бы ему возможность обосновать свои утверждения о преследованиях и пытках или доказать свое этническое происхождение, которая отличалась бы от тех возможностей, которые у него были во время двух собеседований (пункт 7.8 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение заявителя в Китай не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8 Соображения).

СООБЩЕНИЕ: *Х.У. и их дочь Z. против Швеции.* Сообщение № 530/2012. Решение принято Комитетом 10 августа 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Беларусь.

Вопрос существа: угроза применения пыток по возвращении[и] в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: совершение нарушений прав человека в его/ее стране происхождения не является само по себе достаточным основанием для вывода о том, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток²³ (пункт 8.6 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитету предстоит решить вопрос о том, будет [ли] принудительное возвращение заявителя в Беларусь представлять нарушение обязательств государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») лицо в какое-либо другое государство, в отношении которого имеются существенные основания полагать, что ему или ей будет угрожать в нем опасность применения пыток (пункт 8.2 Решения).

Заявитель утверждает, что в Беларуси они могут быть подвергнуты пыткам, поскольку имеются существенные основания полагать, что преследования и предполагаемые пытки, жертвой которых стала в прошлом второй заявитель за свою политическую деятельность, а первый заявитель за его предпринимательскую деятельность, будут продолжены. В этой связи Комитет учитывает, что заявители представили медицинские документы, свидетельствующие о том, что второй заявитель подвергался злоупотреблениям и жестокому обращению после ее участия в демонстрации в 2006 году (пункт 8.5 Решения).

²³ См., в частности, сообщение № 519/2012, Т.М. против Республики Корея, решение от 21 ноября 2014 г., пункт 9.7.

Комитет отмечает..., что даже, если согласится с утверждением о том, что заявители подвергались жестокому обращению и/или пыткам в прошлом, вопрос состоит в том, угрожает ли им до сих пор в настоящее время опасность применения пыток в случае возвращения в Беларусь. Комитет считает, что в настоящее время общее положение в области прав человека в Беларуси вызывает обеспокоенность по ряду аспектов, в частности в отношении положения политических оппонентов после президентских выборов в декабре 2010 года. По поводу случаев пыток и полученных под пытками доказательств он напоминает, что... выразил свою обеспокоенность в своих заключительных [3]амечаниях в контексте рассмотрения сообщений, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции²⁴, в частности относительно многочисленных и последовательных утверждений о... случаях пыток и жестокого обращения с задержанными в государстве-участнике, а также того факта, что многие лишены свободы лица подвергались пыткам, жестокому обращению и угрозам со стороны сотрудников правоохранительных органов, особенно во время задержания или до предварительного ареста, что подтверждает обеспокоенность, выраженную рядом международных экспертов и органов, в частности Специальным докладчиком по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Советом по правам человека..., Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по правам человека и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Кроме того, Комитет напоминает о своей обеспокоенности сообщениями о нескольких случаях получения признаний в результате пыток и жестокого обращения, а также по поводу отсутствия информации о привлечении к ответственности или наказании кого-либо из должностных лиц за получение таких признательных показаний (пункт 8.6 Решения).

Комитет... отмечает, что компетентные органы государства-участника обратили внимание на ложную информацию, несоответствия и противоречия в информации и представлениях заявителей, которые бросают тень сомнения на доверие к ним в целом и достоверность их утверждений. В частности, первый заявитель сообщил ложную информацию во время проходивших в 2004 году разбирательств его ходатайства об убежище, и в период с 2006 [по] 2009 год заявители на законных основаниях въезжали в Беларусь и выезжали из этой страны, получили новые паспорта и визы и после своего прибытия в Швецию более года ожидали до подачи ходатайства о предоставлении убежища. К тому же сведения об их политической деятельности с 1996 по 2009 год носят неопределенный и непоследовательный характер; и в

²⁴ См. заключительные замечания по Беларуси, CAT/C/BLR/CO/4, пункты 10 и 18.

предс[о]ставленной ими информации не хватает конкретики (пункт 8.7 Решения).

Комитет... принимает к сведению, что государство-участник не ставит под сомнение утверждение заявителей о том, что белорусские власти арестовали их во время демонстрации в 2006 году и что они в этой связи подвергались злоупотреблениям. Однако заявители указали, что они участвовали в нескольких демонстрациях после 2006 года (в период с 2006 по 2009 год) и при этом не подвергались аресту или каким-либо иным преследованиям со стороны полиции. Исходя из этого, заявители не утверждали, что они впоследствии подвергались преследованиям или арестовывались белорусской полицией в недавнем прошлом. Соответственно, имеются основания для сомнений в предполагаемом интересе белорусских властей к заявителям и в их постоянном преследовании спустя многие годы с учетом того, что заявители не участвовали в демонстрации в декабре 2010 года и не являются ни заметными оппозиционными фигурами, ни близкими сторонниками таких оппонентов режима. К тому же заявители не утверждают, что являются членами какой-либо партии (пункт 8.8 Решения).

Комитет учитывает утверждение государства-участника о том, что во время собеседования в Миграционном совете второй заявитель имела возможность сообщить все соответствующие факты, а также прочитать и проверить протокол в присутствии общественного адвоката... Комитет отмечает, что миграционные органы не оставили без внимания и не поставили под сомнение тот факт, что она подвергалась злоупотреблениям в связи с демонстрацией 2006 года, и сделали соответствующие оценки (пункт 8.9 Решения).

Комитет отмечает, что не было представлено доказательств в подтверждение утверждения заявителей, что их политическая деятельность в Беларуси с 2006 по 2009 год, а также в Швеции с 2009 года (например, подача жалоб в различные органы в Беларуси и распространение через Интернет пропагандистских материалов против существующего режима) вызвала у властей интерес к ним, и что они получали угрозы от белорусских властей напрямую или косвенно посредством телефонных звонков из минской полиции в Швецию, а также посредством предполагаемых попыток выяснить местонахождение заявителей и установ[ить] их контактны[е] даны[е] со стороны полиции во время допросов матери и приемного отца первого заявителя после их предполагаемого ареста в декабре 2010 года. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что ни мать, [ни] приемный отец, ни сами заявители не фигурируют в списке арестованных подозреваемых или обвиняемых в преступлениях лиц в связи с событиями

19 декабря 2010 г.²⁵ Как указали шведские миграционные органы во время внутреннего разбирательства, заявители не являются членами какой-либо политической партии и не продемонстрировали, что белорусские власти проявляют какой-либо интерес к их предполагаемой политической деятельности (пункт 8.10 Решения).

Комитет... принимает к сведению утверждения заявителей о том, что их вызывали для допросов в минскую полицию, что первому заявителю были предъявлены обвинения в уклонении от уплаты налогов в связи с его предыдущей предпринимательской деятельностью, что второму заявителю в настоящее время предъявлено обвинение в совершении в Беларуси серьезного правонарушения, связанного с оружием, и что такие выдвинутые против них обвинения на самом деле имеют политически мотивированный характер. Однако Комитет отмечает, что вызовы в полицию не доказывают, что заявителей обвиняют в каких-либо преступлениях в связи с демонстрацией в декабре 2010 года. Комитет считает, что они не смогли обосновать тот факт, что их вызов в полицию является политически мотивированным (пункт 8.11 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что содержание всех представленных документов убедительно не показывает, что заявителям будет угрожать опасность применения пыток после возвращения в Беларусь (пункт 8.12 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение заявителей в Беларусь не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции государством-участником (пункт 9 Решения).

СООБЩЕНИЕ: *Z. против Швейцарии*. Сообщение № 468/2011. Решение принято Комитетом 5 мая 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Алжир.

Правовые позиции Комитета: Комитет должен определить, является ли высылка заявителя в Алжир нарушением государством-участником своего обязательства по статье 3 Конвенции не высылать и не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения заявителя в Алжир ему будет лично угрожать опасность применения пыток. Для этого в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитету надлежит установить, угрожает ли лично данному лицу предсказуемая и

²⁵ Согласно информации, собранной центром по правам человека «Весна».

реальная опасность применения пыток в стране, в которую он подлежит возвращению. Следовательно, наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является серьезным основанием полагать, что после возвращения в эту страну тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток; должны быть приведены дополнительные основания, подтверждающие, что соответствующему лицу будет лично угрожать такая опасность²⁶ (пункт 7.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [в] данном конкретном случае Комитет отмечает, что заявитель ссылается на защиту, предоставляемую статьей 3, на том основании, что ему угрожает опасность подвергнуться жестокому обращению в Алжире, поскольку алжирские власти считают его дезертиром и подозревают в сотрудничестве с террористами... Комитет отмечает, что по утверждениям заявителя в период прохождения обязательной военной службы он имел доступ к секретной информации. Комитет считает, что владение такой информацией могло бы представлять собой повышенную опасность применения жестокого обращения в том случае, если заявителя подозревали бы в поддержании контактов с террористами. Тем не менее Комитет полагает, что заявитель не представил достаточного количества доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что он подозревается в таких контактах. Комитет также отмечает, что заявитель ни разу не упоминал о применении к нему пыток в Алжире и что он не представил никаких доказательств в обоснование утверждения, согласно которому он мог бы подвергнуться жестокому обращению в случае его депортации в страну происхождения²⁷. Аналогичным образом в отношении замечаний государства-участника о противоречивом характере показаний заявителя, данных им в ходе внутренних процедур, Комитет считает, что заявитель не представил никаких элементов, позволяющих придать вес его ответам на упомянутые замечания. Комитет полагает, что, даже если исходить из возможности ареста заявителя после его возвращения в Алжир на основании постановления об объявлении его в розыск, один только факт, что он может вновь быть взят под стражу и считаться дезертиром, не является веским основанием считать, что ему угрожает опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что предоставленная заявителем

²⁶ И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что какое-либо лицо не может подвергнуться пыткам в конкретных обстоятельствах его дела.

²⁷ См. сообщение № 154/2000, *М. С. против Австралии*, Решение от 23 ноября 2001 г., пункт 6.5.

информация является недостаточной для того, чтобы подтвердить его утверждения о том, что в случае его возвращения в Алжир он лично подвергнется прогнозируемой и реальной опасности применения пыток или жестокого обращения (пункт 7.4 Решения).

Выводы Комитета: выдворение заявителя в Алжир государством-участником не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

В сфере социально-трудовых правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин²⁸

СООБЩЕНИЕ: *Светлана Медведева против Российской Федерации.* Сообщение № 60/2013. Мнение принято Комитетом 25 февраля 2016 г.

Правовые позиции Комитета: пункты (d) и (f) статьи 2 устанавливают обязательство государств-участников отменить или изменить дискриминационные законы и нормативные акты, воздерживаться от совершения каких-либо актов или действий, представляющих собой прямую или косвенную дискриминацию в отношении женщин, и обеспечить отмену любых законов, которые выливаются в дискриминацию или приводят к ее порождению²⁹. Комитет отмечает, что положения, касающиеся защиты лиц, работающих в опасных или трудных условиях, должны быть направлены на охрану здоровья и безопасности на рабочих местах как мужчин, так и женщин с учетом гендерных различий, обуславливающих наличие специфических рисков для здоровья. Далее Комитет отмечает, что статья 253 Трудового кодекса и Постановление от 25 февраля 2000 г. № 162³⁰ запрещают применение труда женщин по 456 специальностям и [в] 38 область[х] профессиональной деятельности, и что Комитет не получил никаких

²⁸ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

²⁹ См. Общую рекомендацию № 28, пункты 31 и 35.

³⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 г. № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин».

доказательств, свидетельствующих о том, что включение должности моториста-рулевого в перечень работ, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, оправдано научными данными о вредном влиянии этого вида деятельности на репродуктивное здоровье женщины. Комитет принимает к сведению, что государство-участник ссылается на высокий уровень шума, однако не предоставляет никаких доказательств того, что такой уровень шума может неблагоприятно сказаться на репродуктивном здоровье женщины (пункт 11.3 Мнения).

Комитет придерживается мнения, что введение такой законодательной нормы отражает стойкие стереотипы, касающиеся роли и обязанностей женщин и мужчин в семье и обществе, которые консервируют традиционные представления о женщине как жене и матери и подрывают ее социальный статус и перспективы образовательного и карьерного роста. Комитет напоминает... о том, что в своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу государства-участника он выражал беспокойство существованием чрезмерно ограничительного списка специальностей и областей профессиональной деятельности, к которым женщины лишены доступа, и рекомендовал государству-участнику пересмотреть данный список, с тем чтобы он включал лишь ограничения, необходимые для охраны материнства в строгом смысле этого понятия, а также поощрять и упрощать трудоустройство женщин в ранее запрещенных областях профессиональной деятельности путем улучшения условий труда и принятия надлежащих временных специальных мер (CEDAW/C/RUS/CO/8, пункты 33–34). Комитет приходит к выводу о том, что вышеуказанные положения законодательства препятствуют исполнению государством-участником своих обязательств, предусмотренных пунктами (d) и (f) статьи 2 Конвенции (пункт 11.3 Мнения).

[В] соответствии с пунктом (с) статьи 2 государства-участники должны обеспечить, чтобы суды в обязательном порядке применяли принцип равенства, закрепленный в Конвенции, а при толковании закона в максимально возможной степени исходили из обязательств государств-участников по Конвенции³¹. Комитет... напоминает, что пункт (е) статьи 2 устанавливает обязательство государств-участников добиваться ликвидации дискриминации со стороны любого государственного или частного субъекта и требует от них установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами, обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от любого акта дискриминации и принимать все соответствующие меры для ликвидации

³¹ См. там же, пункт 33.

дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия³² (пункт 11.4 Мнения).

[П]ункт (1) (f) статьи 11 Конвенции должен рассматриваться вместе со статьями 2 и 3. В соответствии с указанными положениями государство-участник обязуется обеспечить мужчинам и женщинам равные меры защиты репродуктивных функций и создать безопасные условия труда во всех областях профессиональной деятельности, вместо того чтобы вводить запреты на использование труда женщин на определенных видах работ и оставлять решение вопроса о создании безопасных условий труда на усмотрение работодателя. В тех случаях когда государству-участнику нужно отклониться от описанного выше принципа, ему необходимо располагать серьезными медицинскими и социальными данными, свидетельствующими о необходимости обеспечения защиты беременности и материнства или иных гендерных факторов. Комитет отмечает, что принятие перечня из 456 специальностей и 38 отраслей противоречит обязательствам государства-участника согласно Конвенции, поскольку устанавливает разное обращение применительно к мужчинам и женщинам, никоим образом не способствует трудоустройству женщин и основано на дискриминационных стереотипах. Более того, процедура приема на работу, в рамках которой отдельные работодатели вправе по собственному усмотрению принимать решение о применении труда женщин на перечисленных работах при условии гарантии безопасности, не соответствует требованиям Конвенции, поскольку работодатель не обязан ни заниматься созданием безопасных условий труда, ни нанимать женщин даже в том случае, если они обладают самой высокой квалификацией среди претендентов на должность. Комитет далее отмечает, что существующий обширный перечень может влиять на порядок подбора персонала работодателем (пункт 11.7 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора, что ее права в соответствии со статьей 1, пунктами (c), (d), (e) и (f) статьи 2, и пунктами (1) (b), (c) и (f) статьи 11 Конвенции были нарушены в связи с тем, что, во-первых, несмотря на то что она первоначально была отобрана для замещения должности моториста-рулевого, ей впоследствии было отказано в трудоустройстве по признаку пола на основании действия запрета, установленного статьей 253 Трудового кодекса и Постановлением № 162, и во-вторых, государство-участник не обязало работодателя принять разумные меры для изменения условий труда таким образом, чтобы сделать их пригодными для женщин. Комитет... отмечает, что государство-участник не отрицает факта дифференцированного об-

³² См. там же, пункт 36.

ращения по признаку пола, но утверждает, что такое обращение предписывается национальным законодательством и относится к специальным мерам, принимаемым для защиты женщин на определенных видах работ с учетом физиологических особенностей их организма, в том числе способности к деторождению, и следовательно, не может считаться дискриминационным. Государство – участник... указывает, что отказ работодателя принять на работу женщину для выполнения работ, приведенных в перечне, не может считаться дискриминацией, если работодатель не создал безопасных условий труда для выполнения этих работ, что подтверждается результатами специальной аттестации рабочих мест (пункт 11.2 Мнения).

Комитет отмечает, что в рассматриваемом случае суды государства-участника признали законным отказ в приеме автора на работу в качестве моториста-рулевого, оставив без рассмотрения ее заявление о том, что данный отказ носил по отношению к ней дискриминационный характер и ущемлял ее интересы по признаку пола, и не нашли законных оснований обязать работодателя создать безопасные условия для трудоустройства женщин... Комитет считает, что суды государства-участника закрыли глаза на дискриминационные действия частной компании. В этих обстоятельствах Комитет считает, что государство-участник нарушило свои обязательства по пунктам (с) и (е) статьи 2, рассматриваемым совместно со статьей 1 Конвенции, вследствие необеспечения применения на практике принципа равного обращения, предусмотренного Конвенцией и Конституцией, и эффективной защиты женщин от любых актов гендерной дискриминации³³ (пункт 11.4 Мнения).

В отношении заявления автора о нарушении государством-участником ее прав по пунктам (1) (b) и (с) статьи 11, Комитет принимает во внимание ее доводы о том, что отказ от приема на работу в качестве моториста-рулевого и подтверждение этого решения судебными инстанциями де-факто означают для нее запрет на осуществление права на трудоустройство в соответствии с полученным образованием, поскольку специальность техника-судоводителя в любом случае автоматически подразумевает работу в условиях, которые определяются государством-участником как опасные для женщин. Комитет принимает во внимание, что государство-участник не сделало почти ничего для того, чтобы оспорить это утверждение. Комитет отмечает, что отказ в трудоустройстве ставит автора в положение, при котором она не может зарабатывать себе на жизнь по специальности, на которую училась, что имеет для нее неблагоприятные экономические последствия... Комитет приходит к вы-

³³ См. сообщение № 28/2010, «Р.К.Б. против Турции», соображения, принятые 24 февраля 2012 г., пункт 8.6.

воду, что действующее законодательство не обеспечивает на основе равенства мужчин и женщин прав[о] на одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме. Комитет... отмечает, что в рамках действующего законодательства автор не сможет получить равные возможности при найме на те должности, на которые она вправе претендовать в силу полученного образования, если работодатели не примут решения[e] о создании безопасных условий труда; однако только сами работодатели могут принять решение о реализации дополнительных мер по созданию безопасных для женщин условий труда и пройти необходимую аттестацию. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отказ автору в трудоустройстве на основании общего положения законодательства представляет нарушение ее прав на одинаковые возможности при найме и свободный выбор профессии и рода работы согласно пунктам (1) (b) и (c) статьи 11 [Конвенции], и следовательно, права автора, предусмотренные указанными положениями, были нарушены, а судебные органы государства-участника не приняли мер для устранения нарушения

В отношении заявления автора о нарушении государством-участников ее прав по пункту (1) (f) статьи 11 Комитет принял к сведению довод государства участника, согласно которому перечень отраслей, профессий и должностей с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых ограничивается применение труда женщин, был утвержден в соответствии с процедурой, определенной Правительством, с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Он... принял во внимание утверждение государства участника о том, что психофизиологические особенности организма работников принимались во внимание при установлении конкретных ограничений на использование труда женщин, и что указанные ограничения были введены в связи с необходимостью обеспечить женщинам особую защиту от вредных факторов производства, оказывающих неблагоприятное воздействие на женский организм, в частности на его репродуктивную функцию. Как утверждает государство-участник, при установлении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, оно исходило из результатов аттестации условий труда и степени влияния данных условий на организм работающей женщины и его репродуктивную функцию. Комитет дополнительно принял к сведению объяснение государства-участника, что в соответствии с пунктом 1 примечаний к перечню работодатели могут принимать решение о применении труда женщин на запрещенных работах при условии создания безопасных условий труда (пункт 11.6 Мнения).

Комитет полагает, что статья 253 Трудового кодекса и Постановление от 25 февраля 2000 г. № 162 в том виде, в котором они применялись в

случае автора, не соответствуют обязательствам государства-участника по пункту (1) (f) статьи 11 Конвенции. По мнению Комитета, отказ в трудоустройстве автора на основании вышеупомянутых положений законодательства является нарушением ее прав на здоровье и безопасные условия труда наравне с мужчинами согласно пункту (1) (f) статьи 11 Конвенции (пункт 11.7 Мнения).

Выводы Комитета: государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктами (c), (d), (e) и (f) статьи 2 и пунктами (1) (b), (c) и (f) статьи 11 Конвенции (пункт 12 Мнения).

Комитет выносит в адрес государства-участника следующие рекомендации:

a) В отношении автора сообщения: возместить автору понесенный ущерб и выплатить надлежащую компенсацию, сопоставимую с серьезностью нарушения прав автора, и обеспечить ей доступ к работам, для выполнения которых она имеет соответствующую квалификацию.

b) В целом:

i) пересмотреть и внести изменения в статью 253 Трудового кодекса и периодически пересматривать и вносить изменения в ограничительный перечень специальностей и отраслей, установленный Постановлением № 162, с тем чтобы он включал лишь ограничения, необходимые для охраны материнства в строгом смысле этого понятия и создания особых условий для беременных женщин и кормящих матерей, и не затруднял доступ женщин к видам занятости и получению вознаграждения в силу гендерных стереотипов

ii) после сокращения ограничительного списка специальностей и отраслей поощрять и упрощать трудоустройство женщин в ранее запрещенных областях профессиональной деятельности путем улучшения условий труда и принятия надлежащих временных специальных мер (пункт 13 Мнения).

СООБЩЕНИЕ: *В.С. против Словакии*. Сообщение № 56/2014. Мнение принято Комитетом 4 декабря 2015 г.

Тема сообщения: дискриминация в сфере доступа к занятости.

Вопрос существа: дискриминация по признаку национального или этнического происхождения.

Правовая позиция Комитета: Комитет напоминает о том, что в его компетенцию не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии³³ (пункт 7.4 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [о]сновной стоящий перед Комитетом вопрос заключается в том, выполнило ли

государство-участник свои обязательства принять эффективные меры в ответ на утверждения заявителя о том, что она подверглась дискриминации по признаку принадлежности к народности рома, пытаясь получить доступ к трудоустройству в государственной школе, и обеспечило ли государство-участник через свои национальные суды и другие учреждения эффективную защиту и представление ей эффективных средств правовой защиты от предполагаемой расовой дискриминации, включая адекватную компенсацию или возмещение причиненного вреда (пункт 7.2 Мнения).

Нарушение подпункта i) пункта e) статьи 5 Конвенции

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что она подверглась расовой дискриминации в контексте процесса найма на работу, проведенного одной из государственных начальных школ города Ревуца... Комитет принимает к сведению представленную государством-участником информацию о том, что доводы в пользу предполагаемой дискриминации заявителя не получили заслуживающего доверия обоснования при рассмотрении в соответствующих внутренних административных и судебных органах. Хотя государство-участник и признает, что заявитель понесла ущерб и оказалась в невыгодном положении, оно утверждает, что причинно-следственной связи между различным обращением и обусловленным им неблагоприятным положением установлено не было. Комитет... отмечает заявление Министерства образования от 2 февраля 2010 г., согласно которому отсутствие фондов не является веским основанием для предпочтения соискателя со средним школьным образованием по отношению к соискателю с университетским дипломом и что работодатель должен стремиться к найму квалифицированных соискателей, а неквалифицированных кандидатов следует нанимать на работу лишь в исключительных случаях³⁴. Комитет принимает также к сведению вывод Центра равенства о том, что случай заявителя можно приравнять к нарушению принципа равного обращения, поскольку на работу был принят неквалифицированный кандидат, а также рекомендацию данного Центра о том, чтобы директор школы соблюдал антидискриминационное законодательство. Комитет... отмечает, что категорией для сравнения, которая принималась во внимание государством-участником для установления различия в обращении, являются другие соискатели должности, которые не были выбраны, а не лицо, получившее работу, а также заявление государства-участника о том, что отбор основывался на том обстоятельстве, что отобранное лицо было известно директору школы. Комитет считает, что государство-участник не может отрицать свою

³⁴ См. постановление Окружного суда города Ревуца от 28 марта 2011 г., стр. 3, первый абзац.

ответственность, поскольку директор государственной школы, которая, хотя и является отдельным юридическим лицом, отвечает за подбор школьного персонала в рамках обеспечения государственной гражданской службы. Комитет отмечает, что государство-участник не ответило надлежащим образом на утверждения заявителя в этой связи и не представило убедительных аргументов в обоснование отличительного обращения с заявителем при отклонении ее заявки на получение работы. Учитывая, что в рассматриваемом деле предпочтение, которое было отдано выбору кандидата, являвшегося не имевшим необходимой квалификации помощником продавца, на должность помощника преподавателя, не может быть объяснено ее профессиональной компетенцией³⁵ или отсутствием фондов, Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении права заявителя на труд без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения в нарушение обязательства государства-участника обеспечить равноправие в отношении права на труд, как это предусмотрено в подпункте i) пункта е) статьи 5 Конвенции (пункт 7.3 Мнения).

Нарушение статьи 6 (в совокупности со статьей 2) Конвенции

Комитету надлежит рассмотреть вопрос о том, была ли заявитель в результате решений национальных судов лишена своего права на эффективную защиту и эффективное средство правовой защиты от расовой дискриминации... Комитет отмечает, что в период с 2009 по 2013 год заявитель доводила убедительные факты расовой дискриминации до внимания Центра равенства, Министерства образования, науки, научных исследований и спорта, а также обычных и чрезвычайных внутренних судов. В этом контексте заявитель просила, чтобы на основании положения о переносе бремени доказывания начальная школа в Ревуце в качестве ответчика обосновала тот факт, что она не подвергала заявителя дискриминации по признаку ее принадлежности к народности рома. Она, в частности, просила начальную школу представить разумные и убедительные аргументы, объясняющие, почему школа отказалась рассматривать ее заявление на должность преподавателя и отклонила ее заявление на должность помощника преподавателя, в то время как на появившуюся позднее должность было принято лицо, обладавшее меньшей квалификацией по сравнению с заявителем. Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что окружной и областной суды неверно оценили факты и доказательства, представленные начальной школой, поскольку ее ситуация не рассматривалась в сравнении с

³⁵ См. постановление Окружного суда города Ревуца от 28 марта 2011 г., стр. 3, последний абзац, в котором указано, что успешным соискателем стал помощник продавца.

ситуацией соискателя, не принадлежавшего к народности рома, который был отобран на ту должность, на которую она подавала заявку. Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в своем решении от 27 ноября 2012 г. областной суд обязал ее доказать наличие у школы намерения подвергнуть ее дискриминации, хотя от нее не должны были требовать сделать это в соответствии с положением о переносе бремени доказывания, предусмотренном в Антидискриминационном законе³⁶. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что применение антидискриминационного законодательства, и в частности положения о переносе бремени доказывания, представляет собой определенную проблему для обычных национальных судов, которым надлежит применять его эффективно; а также о том, что судам следует применять более тщательный подход к положению о переносе бремени доказывания, в том числе в связи с настоящим делом. Комитет считает, что требование судов о том, чтобы заявитель доказала дискриминационные намерения, противоречит предусмотренному Конвенцией запрещению поведения, имеющего дискриминационные последствия, в том числе и в отношении процедуры перехода бремени доказывания, установленной государством-участником. Поскольку государство-участник ввело такую процедуру, то неспособность применить ее должным образом является нарушением права заявителя на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию и возмещение причиненного вреда. Поэтому Комитет считает, что права заявителя в соответствии с пунктами а) и с) пункта 1 статьи 2 и со статьей 6 Конвенции были нарушены³⁷ (пункт 7.4 Мнения).

Выводы Комитета: факты... свидетельствуют о нарушении государством-участником подпунктов а) и с) пункта 1 статьи 2 и подпункта i) пункта е) статьи 5 и статьи 6 Конвенции (пункт 8 Мнения).

В сфере семейных правоотношений

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №39438/13 «Назаренко против России» (вынесено 16 июля 2015 г., стало окончательным 16 октября 2015 г.).

³⁶ См. сообщение № 40/2007, Эр против Дании, Мнение, принятое 8 августа 2007 г., пункт 7.2, в котором Комитет подтвердил свою компетенцию рассматривать факты и толкование национального законодательства в тех случаях, когда принятое решение является произвольным или иным образом равносильно отказу в правосудии.

³⁷ См. пункт 12 (2) 12 Закона.

Заявитель утверждал, ссылаясь на статью 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), что лишение его отцовства нарушило его право на общение с дочерью и право на защиту ее интересов в суде.

Власти утверждали, что в ходе проведения генетического теста на установление отцовства было установлено, что заявитель не является биологическим отцом ребенка.

Власти также утверждали, что в соответствии с российским законодательством правом поддерживать контакт с ребенком обладают только близкие родственники (родители, бабушки и дедушки, прадедушки, братья и сестры, дяди, тети и двоюродные братья). Принимая во внимание тот факт, что заявитель был лишен права на отцовство, в соответствии с национальным законодательством он не вправе поддерживать контакт с ребенком (пункты 49, 51 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...отношения между приемными родителями и приемным ребенком, которые живут вместе на протяжении многих месяцев, представляют собой семейную жизнь по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции, несмотря на отсутствие биологического родства между ними» (пункт 57 постановления).

Суд установил, что «...[дочь заявителей] родилась во время брака заявителя с Н. и была зарегистрирована в качестве его дочери. Не имея никаких сомнений по поводу своего отцовства в отношении [дочери], заявитель воспитывал ее и ухаживал за ней на протяжении более пяти лет. Как было установлено органом опеки и попечительства и экспертами-психологами, между заявителем и [дочерью] существовала тесная эмоциональная связь... Принимая во внимание тот факт, что в течение многих лет (пока в конечном итоге не выяснилось, что заявитель не является биологическим отцом [дочери]) заявитель и [дочь] считали себя отцом и дочерью, а также принимая во внимание тесную личную связь между ними, Суд считает, что их отношения представляли собой семейную жизнь по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции» (пункт 58 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...по тем делам, по которым было установлено наличие семейной связи, государство в принципе должно действовать таким образом, чтобы всячески способствовать поддержанию этой связи. Право родителей и детей на взаимное общение друг с другом является основополагающим элементом семейной жизни и предпринимаемые на национальном уровне меры, препятствующие такому общению, представляют собой вмешательство в право, гарантированное статьей 8 Конвенции» (пункт 60 постановления).

Суд подчеркнул, что «...статья 8 включает в себя право родителей на реализацию мер, направленных на воссоединение с ребенком, и обязательство по принятию таких мер, возлагаемое на национальные

власти. Это также относится и к таким делам, в рамках которых споры о порядке общения с детьми или их месте жительства возникают между родителями и/или другими членами семьи ребенка» (пункт 62 постановления).

Европейский Суд установил, что «... заявитель был лишен отцовства в отношении [дочери], а его имя было вычеркнуто из свидетельства о рождении после того, как было установлен тот факт, что он не является ее биологическим отцом. В результате заявитель утратил все родительские права в отношении [дочери], включая право на общение с ней. Действительно, Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает, что право на общение с ребенком имеют только дедушки, бабушки, братья, сестры и другие родственники... [З]аявитель не имеет права поддерживать контакт с [дочерью], поскольку больше не считается ее родителем и не является иным родственником... [В] соответствии с действующим внутригосударственным законодательством попытка обращения в суд с иском об определении порядка общения с ребенком была изначально обречена на провал» (пункт 64 постановления).

Суд отметил, что он обеспокоен «...негибкостью российских юридических положений, регулирующих право на общение. Они устанавливают исчерпывающий перечень лиц, которые имеют право поддерживать контакт с ребенком, без каких-либо исключений, которые принимали бы во внимание разнообразие семейных ситуаций и наилучшие интересы ребенка. В результате этого лицо, которое, как заявитель, не приходится ребенку родственником, но заботилось о нем в течение продолжительного периода времени и установило с ним тесные личные связи, не может получить право на общение ни при каких обстоятельствах, вне зависимости от наилучших интересов ребенка» (пункт 65 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что он не убежден, что «...наилучшие интересы детей в области права на общение действительно могут определяться общеправовым предположением... [С]праведливое соотношение прав всех заинтересованных лиц требует изучения конкретных обстоятельств дела... Соответственно, статья 8 Конвенции может толковаться как накладывающая на государства-члены обязательство рассмотрения в индивидуальном порядке вопроса о том, будет ли поддержание контакта в интересах ребенка, независимо от того, является ли соответствующее лицо, заботившееся о нем в течение достаточно длительного периода времени, биологическим родственником данного ребенка или нет» (пункт 66 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...в результате применения внутригосударственного законодательства заявитель был полностью и автоматически исключен из жизни [дочери] после лишения его

отцовства... [Л]ицо, которое какое-то время занималось воспитанием ребенка как своего собственного, не должно полностью исключаться из жизни ребенка после того, как был установлен тот факт, что оно не является его биологическим отцом, за исключением случаев, когда на это имеются соответствующие обоснования, связанные с соблюдением наилучших интересов ребенка. Никаких подобных обоснований по настоящему делу предложено не было. Никаких предположений о том, что общение с заявителем может иметь пагубные последствия для развития [дочери], никогда не возникало. Напротив, органом опеки и попечительства и экспертами-психологами был установлен тот факт, что между заявителем и [дочерью] существует тесная эмоциональная связь, и что заявитель хорошо заботился о девочке... [П]олное и автоматическое исключение заявителя из жизни [дочери] после лишения его отцовства по причине негибкости внутригосударственных правовых положений – в частности, отрицания права на общение без надлежащего рассмотрения интересов [дочери] – представляло собой нарушение права заявителя на семейную жизнь» (пункты 67–68 постановления).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам³⁸

СООБЩЕНИЕ: *И.Д.Г. против Испании*. Сообщение № 2/2014. Соображение принято Комитетом 17 июня 2015 г.

Тема сообщения: меры по обеспечению полной реализации права на достаточное жилище.

Правовые позиции Комитета: [п]раво человека на достаточное жилище является основополагающим правом, которое представляет собой основу для пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами³⁹ и всецело связано с другими правами человека,

³⁸ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) действует с целью контроля за обеспечением выполнения государствами-участниками их обязательств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт). Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства-продолжателя Союза ССР. Комитет вправе принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Пакта на основании Факультативного протокола к Пакту от 10 декабря 2008 г. По состоянию на 1 июня 2016 г. Российская Федерация не являлась участником этого Протокола.

³⁹ См. пункт 1 Замечания общего порядка № 4 (1992 год) Комитета в отношении права

включая те из них, которые изложены в Международном пакте о гражданских и политических правах⁴⁰. Право на жилище должно обеспечиваться всем, вне зависимости от уровня дохода или доступа к экономическим ресурсам⁴¹, и государства-участники обязаны принимать все необходимые меры, с тем чтобы обеспечить полную реализацию этого права⁴². Многие элементы права на достаточное жилище тесно связаны с наличием надлежащих внутренних средств юридической защиты в целях обеспечения эффективного осуществления этого права⁴³ (пункт 11.1 Соображения).

[В]се лица должны пользоваться определенной степенью обеспечения проживания, которая гарантирует правовую защиту от принудительного выселения, преследования и других угроз⁴⁴, и что принудительные выселения, будучи *prima facie* несовместимыми с требованиями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, могут быть оправданными лишь в самых исключительных обстоятельствах согласно соответствующим принципам международного права⁴⁵. Комитет считает, что в рамках процессов принудительного выселения или процессов, в которых может быть затронуто обеспечение проживания и которые могут в конечном итоге привести к выселению, государствам-участникам следует обеспечить соблюдение надлежащих процессуальных норм, с тем чтобы, в частности, все заинтересованные лица получили реальную возможность проведения консультаций, а также заблаговременное уведомление этих лиц в достаточные и разумные сроки до установленной даты выселения⁴⁶ (пункт 11.2 Соображения).

[С]татья 2 Пакта налагает целый ряд обязательств, имеющих безотлагательный характер⁴⁷. Таким образом, в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Пакта государства-участники обязаны принимать меры для осуществления признаваемых в Пакте прав «всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер». Это требование включает в себя принятие мер, обеспечивающих доступ к эффективным средствам судебной защиты в отношении прав, признанных в Пакте, поскольку, как отметил Комитет в своем [3]амечании общего

на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта).

⁴⁰ Там же, пункты 7 и 9.

⁴¹ Там же, пункт 7.

⁴² Там же, пункт 12.

⁴³ Там же, пункт 17.

⁴⁴ Там же, пункт 8 а).

⁴⁵ См. там же, пункт 18, и Замечание общего порядка № 7 (1997 год) Комитета о праве на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта): принудительные выселения, пункт 1.

⁴⁶ См. Замечание общего порядка № 7 Комитета, пункт 15.

⁴⁷ См. пункт 1 Замечания общего порядка № 3 (1991 год) Комитета о природе обязательств государств-участников (пункт 1 статьи 2 Пакта).

порядка № 9, каждое право предполагает наличие средства его защиты⁴⁸ (пункт 11.3 Соображения).

В соответствии с обязательством, содержащимся в пункте 1 статьи 2 Пакта, государства-участники обязаны обеспечить лицам, чье право на достаточное жилище могло быть затронуто, например в связи с принудительным выселением или обращением взыскания по ипотечному кредиту, эффективное и надлежащее средство судебной защиты⁴⁹ (пункт 11.4 Соображения).

[В] соответствии с его [З]амечанием общего порядка № 7 надлежащая процедурная защита и надлежащее судебное разбирательство являются важными аспектами всех прав человека и приобретают особенно важное значение в случаях принудительных выселений; и что эти процедурные гарантии защиты включают в себя, среди прочего, надлежащее и обоснованное уведомление государством-участником всех затрагиваемых лиц до установленной даты выселения и обеспечение этим лицам средств правовой защиты⁵⁰. Комитет считает, что такие средства защиты подходят и для других аналогичных случаев, таких, например, как обращение взыскания по ипотечному кредиту, когда право на жилище может серьезно пострадать (пункт 12.1 Соображения).

Комитет считает, что во исполнение вышеупомянутых обязательств власти обязаны предпринять все разумные шаги и усилия, направленные на обеспечение того, чтобы уведомления о наиболее важных решениях и постановлениях суда в рамках административного или судебного производства осуществлялись надлежащим и эффективным образом, с тем чтобы затрагиваемые лица могли отстаивать в рамках соответствующего процесса свои права (пункт 12.2 Соображения).

Уведомление посредством публикации приказа может быть надлежащим средством судебного уведомления в соответствии с правом на эффективную судебную защиту; однако Комитет считает, что его применение в случаях, связанных с возможным нарушением таких прав человека, как право на достаточное жилище, которые требуют судебного надзора, должно быть крайней мерой, особенно в отношении действий, иницирующих соответствующее производство. Его применение должно быть строго ограничено случаями, когда были исчерпаны все возможности осуществления личного уведомления; и оно должно предусматривать обеспечение достаточной и заблаговременной огласки, с тем чтобы соответствующее лицо получило реальную возможность узнать о начале процесса и принять в нем участие (пункт 12.3 Соображения).

⁴⁸ См. пункт 2 Замечания общего порядка № 9 (1998 год) Комитета о применении Пакта во внутреннем праве.

⁴⁹ См. пункт 5 Замечания общего порядка № 3 Комитета; пункты 9, 11 и 15 Замечания общего порядка № 7; и пункт 2 Замечания общего порядка № 9.

⁵⁰ См. пункт 15 Замечания общего порядка № 7 Комитета.

Ненадлежащее уведомление об обращении взыскания по ипотечному кредиту, препятствующее защите соответствующим лицом своих прав, представляет собой нарушение права на жилище (пункт 12.4 Соображения).

При рассмотрении сообщений в задачи Комитета не входит проверка того, действительно ли внутренние судебные и административные процедуры соответствовали национальному законодательству. Работа Комитета ограничивается анализом того, представляют ли доказанные факты сообщения нарушение государством-участником экономических, социальных и культурных прав, закрепленных в Пакте. Исходя из этого, Комитет считает, что в каждом конкретном случае ответственность за оценку фактов и доказательств или за применение внутреннего законодательства лежит прежде всего на судах государств-участников и что эти аспекты значимы, только если представляется очевидным, что оценка соответствующих доказательств или применение внутреннего права носят явно произвольный характер или равносильны отказу в правосудии, что предполагает нарушение признанного в Пакте права (пункт 13.1 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [а]втор утверждает, что в связи с рядом невыплат по ее ипотечному кредиту, взятому для покупки жилья, где она проживает, в 2012 году кредитная организация начала процедуру взыскания по этому кредиту, о чем автор не была надлежащим образом уведомлена, так как она узнала об этом взыскании только после того, как был издан приказ о выставлении ее жилья на аукцион. В результате автор считает, что на деле она не получила доступа к эффективной и своевременной судебной защите, что помешало ей оспорить в судебном порядке этот иск и защитить свое право на жилище в суде, в связи с чем она до сих пор находится в состоянии беспомощности, неопределенности и тревоги (пункт 10.2 Соображения).

Государство-участник утверждает, что в своей апелляции автор сослалась на другой адрес, принадлежащий членам ее семьи, в связи с чем вышеупомянутое жилище не является постоянным местом ее жительства; что суд № 31 направлял автору уведомления о принятии к исполнительному производству этого взыскания в соответствии с законом по адресу, который сама автор указала в нотариально заверенном договоре ипотечного кредитования; что только после ряда безуспешных попыток личного уведомления автора суд № 31 приказал осуществить уведомление путем публикации приказа в соответствии с пунктом 3 статьи 686 ГПК⁵¹; и что уведомление посредством публикации судебного приказа соответствует требованиям права на эффективную судебную защиту. Кроме того, государство утверждает, что автор якобы добровольно отказалась от

⁵¹ Гражданский процессуальный кодекс Испании.

получения уведомления о соответствующем взыскании и решении суда № 31 о возбуждении исполнительного производства..., как обозначено в уведомлении от 28 сентября 2012 г. Наконец, государство-участник сообщило Комитету, что выселении[е], взыскании[е] или продаж[а] заложенного жилья в любом случае осуществлен[ы] не был[и], так как автор представила обычное средство правовой защиты, на основании которого исполнительное производство было приостановлено, т.е. автор по-прежнему проживает в этом жилище и ее права не были ущемлены (пункт 10.3 Соображения).

Что касается характера заложенного жилья, которое является предметом настоящего сообщения, то Комитет принимает к сведению разъяснения автора о том, что под другим адресом, принадлежащим членам ее семьи, упомянутым ею в рамках исполнительного производства, она имела в виду жилье одного из членов ее семьи..., в то время как она проживает в жилье, о котором идет речь; и что она не является собственником какого-либо другого жилья. Представленная автором документация..., которая не оспаривалась государством-участником, подтверждает ее утверждения. Представленная на рассмотрение Комитету документация свидетельствует о том, что жилище, о котором идет речь, является постоянным местом жительства автора и что она не является собственником какого-либо другого жилья. Таким образом, в свете документов настоящего дела, а также информации, полученной от сторон, Комитет рассматривает жилье, о котором идет речь, в качестве постоянного места жительства автора (пункт 10.4 Соображения).

Что касается отсутствия автора 28 сентября 2012 г., когда было произведено уведомление о подаче иска кредитной организации и о решении суда № 31 о принятии его к производству, то Комитет отмечает, что ни экземпляр уведомления Главного управления судебных извещений и правоприменительных процедур города Мадрид[а] от 28 сентября 2012 г., представленный автором, ни какой-либо любой другой документ не указыва[ю]т на то, что автор находилась в постоянном месте своего жительства и отказалась получить уведомление, сделанное по приказу суда № 31 (пункт 10.5 Соображения).

В свете выводов Комитета относительно фактов, относящихся к данному делу, главный юридический вопрос, связанный с настоящим сообщением, заключается в следующем: было ли нарушено право автора на жилище, закрепленное в пункте 1 статьи 11 Пакта, вследствие возбуждения государством-участником исполнительного производства по обращению взыскания по ипотечному кредиту, о чем, как утверждает автор, она не была должным образом уведомлена, что помешало ей защитить свои права, признанные в Пакте (пункт 10.6 Соображения).

Согласно документам настоящего дела 21 июня 2012 г. суд № 31 возбудил исполнительное производство по обращению взыскания на

заложенную недвижимость автора. Однако автор узнала об этом лишь 4 апреля 2013 г., когда она получила уведомление о приказе выставить на аукцион ее недвижимость, не имея при этом возможности защитить свои права во время исполнительного производства. В сентябре и октябре 2012 года были предприняты четыре безуспешные попытки уведомления о решении суда № 31 о принятии иска к производству, так как автор отсутствовала по месту своего жительства, адрес которого был указан ею для направления уведомлений. Судебный пристав подтвердил, что в соответствующем здании на почтовом ящике значилось ее имя; и что по крайней мере дважды там присутствовал консьерж, о чем была сделана пометка в документах Главного управления судебных извещений и правоприменительных процедур города Мадрид[а]..., что, соответственно, принял или должен был принять к сведению суд № 31. 30 октября 2012 г. суд № 31 дал разрешение на публикацию своего приказа на доске объявлений в целях осуществления уведомления, которое не было своевременно доведено до сведения автора (пункт 13.2 Соображения).

Комитет отдает должное неоднократным усилиям суда № 31, направленным на осуществление личного уведомления автора о решении суда о принятии к производству дела об обращении взыскания на ее заложенную недвижимость. Однако Комитет считает, что государство-участник не доказало, что суд № 31 исчерпал все имеющиеся средства осуществления личного уведомления (например, не объясни[ло] причины, по которым суд № 31 не уведомил автора, оставив записку или извещение в ее почтовом ящике, или любым другим способом, предусмотренным в ГПК, таким как вручение уведомления консьержу или соседу из ближайшей квартиры), и ограничилось указанием того, что после неудачных попыток уведомить автора уведомление в соответствии с законом было осуществлено путем публикации приказа. Помимо этого, государство не представило какого-либо серьезного обоснования своего утверждения о том, что при одной из попыток уведомления автор якобы спряталась, чтобы уведомление не было вручено ей лично. Таким образом, Комитет считает, что, даже если можно сделать вывод, что уведомление автора путем публикации приказа соответствует ГПК, такое уведомление об обращении взыскания на заложенное имущество должно в любом случае быть надлежащим в соответствии с нормами Пакта, касающимися права на жилище..., которые в данном случае не были соблюдены, т.е. уведомление было ненадлежащим (пункт 13.3 Соображения).

Это нарушение в процедуре уведомления не означало бы нарушения права на жилище, если бы оно не имело существенных последствий для защиты автором права на эффективное использование своего жилища, например в случае, если бы соответствующее лицо могло прибегнуть к другому надлежащему процедурному механизму защиты своих прав и интересов. Позиция государства-участника представляется именно такой,

поскольку оно утверждает, не приводя серьезных обоснований, что утрата автором возможности участвовать в исполнительном производстве не имеет серьезных последствий, так как в любом случае доступные должнику возможности защиты в ходе исполнительного производства с юридической точки зрения весьма ограничены, но он, в свою очередь, имеет в своем распоряжении вариант ординарного производства, позволяющего ему оспаривать выплату ипотечного кредита без каких-либо ограничений; и что автор представила письменное заявление в соответствии с пунктом 3 статьи 695 ГПК, сославшись на неправомерность ряда положений договора ипотечного кредитования, и ей даже удалось добиться приостановления исполнительного производства и продажи своего жилья, поскольку, в силу недавнего решения Европейского [С]уда, эти обычные средства защиты позволяют, в том числе, приостановить обращение взыскания на заложенное имущество и его продажу (пункт 13.4 Соображения).

В контексте настоящего сообщения в силу специфики поднятого автором вопроса о ненадлежащем уведомлении в задачи Комитета не входит общее рассмотрение того, соответствуют ли внутренние нормы государства-участника, регулирующие процесс[ы] обращения взыскания на заложенную недвижимость (в частности, дом или квартиру) и ее последующей продажи, праву на жилище... Комитет в данном случае ограничивается рассмотрением вопроса о том, было ли в силу уже установленного ненадлежащего уведомления автора существенно затронуто ее право на защиту, что означало бы нарушение права на жилище (пункт 13.5 Соображения).

Согласно действующему на момент этих событий ГПК должник в рамках процедуры исполнения судебного решения может оспорить проведение аукциона на весьма ограниченных основаниях, таких как погашение ипотечного залога или соответствующего обязательства. В рамках этого процесса он не может оспаривать, например, неправомерные положения договора. Напротив, ординарное производство обеспечивает должнику широкие и открытые основания для оспаривания соответствующего кредита. В таком случае можно утверждать, что неявка на исполнительное производство необязательно является особо серьезным обстоятельством, поскольку для отстаивания своих прав должник в любом случае имеет в своем распоряжении вариант ординарного производства. Но для того, чтобы это положение имело под собой основания, ординарное производство должно давать возможность приостановить исполнительное производство и выставление на аукцион соответствующего объекта недвижимости, поскольку в противном случае защиты при помощи ординарного производства будет недостаточно для обеспечения права на жилище, так как соответствующее лицо не сможет воспрепятствовать продаже своей недвижимости; у него будет возможность получить в

конечном итоге лишь компенсацию или возврат имущества в случае, если это возможно. Комитет считает, что ненадлежащее уведомление автора имело место 30 октября 2012 г., когда суд № 31 опубликовал соответствующий приказ. Государство-участник, должно быть, ссылается на решение Европейского [С]уда по делу № С-415/11, *Мохамед Азиз против Каталуньякайша*, от 14 марта 2013 г., принятое через несколько месяцев после этого ненадлежащего уведомления. Итак, исходя из этого решения, очевидно, что до того момента деклараторные иски не позволяли приостановить процедуру обращения взыскания на заложенное имущество. Таким образом, автор была лишена возможности защитить свои интересы в ходе исполнительного производства для того, чтобы в конечном итоге не допустить проведения аукциона, причем на момент ненадлежащего уведомления ординарное производство не могло даже рассматриваться как адекватный возможный альтернативный механизм, так как оно не давало возможности приостановить исполнительное производство (пункт 13.6 Соображения).

Комитет считает, что это ненадлежащее уведомление в тот момент являлось нарушением права на жилище, которое впоследствии не было исправлено государством-участником, так как автору было отказано как в отмене судебного решения о проведении аукциона, так и в процедуре ампаро, по которой она обратилась в Конституционный суд (пункт 13.7 Соображения).

Принимая во внимание все представленные материалы, Комитет считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о том, что суд № 31 не принял все разумные меры для того, чтобы надлежащим образом уведомить автора об иске кредитной организации об обращении взыскания на заложенное имущество..., с тем чтобы убедиться в том, что она действительно проинформирована о начале производства по этому делу, и, как следствие, суд № 31 лишил автора возможности должным образом защитить в судебном порядке свое право на жилище (пункт 14 Соображения).

Выводы Комитета: в силу невыполнения своего обязательства обеспечить автору эффективное средство правовой защиты государство-участник нарушило ее права в соответствии с пунктом 1 статьи 11 Пакта, рассматриваемым в совокупности с пунктом 1 статьи 2 Пакта.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №7531/05 «**Николай Козлов против России**» (вынесено 16 июля 2015 г., стало окончательным 16 октября 2015 г.).

Заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), жаловался на то, что он был лишен доступа к правосудию, поскольку суды отказались рассматривать его иск о возмещении ущерба в связи с предполагаемой чрезмерной продолжительностью судебного разбирательства против городского суда.

Европейский Суд установил, что «...заявитель требовал компенсации ущерба, причиненного в результате предполагаемой чрезмерной длительности гражданского судопроизводства по его делу. Национальные суды отказались принимать иски о возмещении ущерба к рассмотрению не по причине судебного иммунитета от ответственности за действия, осуществляемые в профессиональном качестве в ходе отправления правосудия..., а на том основании, что законодательным органом не было определено, под чью именно юрисдикцию попадали требования, касающиеся судебных решений, выходящих за рамки определения «отправление правосудия» (пункт 24 постановления).

Европейский Суд обратился к практике Конституционного Суда Российской Федерации⁵², согласно которой «...ответственность государства за ущерб, причиненный в результате любых нарушений права стороны гражданского процесса на справедливое разбирательство, включая нарушения гарантии рассмотрения дела в разумный срок, возникает даже в том случае, если вина судьи будет установлена в рамках гражданского, а не уголовного судопроизводства, и что право на возмещение государством ущерба не должно быть связано с личной виной судьи... [Г]ражданин должен иметь возможность получить возмещение любого ущерба, причиненного в результате нарушения судом его права на справедливое судебное разбирательство по смыслу статьи 6 Конвенции» (пункт 24 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...заявителю было отказано в праве на доступ к суду, и в связи с этим по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункт 27 постановления).

***В сфере уголовно-правовых и
уголовно-процессуальных отношений***

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

⁵² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 25 января 2001 г.

СООБЩЕНИЕ: *Дэвид Хикс против Австралии.* Сообщение № 1909/2009. Сообщение принято Комитетом 5 ноября 2015 г.

Тема сообщения: ответственность государства-участника за исполнение приговора, вынесенного в иностранном государстве.

Вопрос существа: ретроактивное наказание, пытки, произвольное содержание под стражей, условия содержания под стражей, несправедливое судебное разбирательство, недискриминация, право на неприкосновенность частной жизни.

Правовые позиции Комитета: согласно Пакту, государства-участники не обязаны исполнять приговор, когда имеется достаточно доказательств того, что он был вынесен в результате судебного разбирательства, в котором явно нарушались права обвиняемого (пункт 4.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [н]а стадии рассмотрения вопроса о приемлемости Комитет принял решение о том, что вопрос о юрисдикции государства-участника тесно связан с существом дела и должен быть рассмотрен на этой стадии. Поэтому Комитет должен выяснить, осуществляло ли государство-участник в какой-либо момент власть или эффективный контроль над автором, и, таким образом, находился ли автор под его юрисдикцией (пункт 4.2 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что: а) государство-участник вело прямые переговоры с Соединенными Штатами относительно стандартов судопроизводства, которые будут применяться к автору...; b) государство-участник сделало различные представления правительству Соединенных Штатов, стремясь улучшить защиту автора и добиться освобождения другого австралийца, содержащегося под стражей в заливе Гуантанамо...; c) автора 21 раз посещали австралийские должностные лица и сотрудники полиции..., когда он находился под стражей под контролем Соединенных Штатов, и австралийские агенты беседовали с ним для сбора информации, которая позже использовалась против него в ходе вынесения приказа об ограничении свободы в австралийских судах...; d) Австралия знала условия соглашения о признании вины, заключенного со стороной обвинения, которое требовало от автора сотрудничества с австралийскими властями и содержало другие положения в пользу Австралии; e) автор сообщил об обращении с ним австралийским должностным лицами, которые беседовали с ним, а Австралия просила власти Соединенных Штатов провести расследование его утверждений (пункт 4.3 Соображения).

На основе этих фактов, которые государство-участник не оспорило, можно предположить, что государство-участник имело некоторое влияние на то, как Соединенные Штаты обращались с

автором, и было в состоянии принять позитивные меры для обеспечения того, чтобы с автором обращались в соответствии с Пактом, в том числе меры, направленные на исправление нарушений прав автора (пункт 4.4 Соображения).

Тем не менее, влияние, которым располагало государство-участник, не может рассматриваться как осуществление власти или эффективный контроль над автором, который содержался под стражей на территории, контролируемой Соединенными Штатами, не находящейся под суверенитетом или юрисдикцией государства-участника (пункт 4.5 Соображения).

[В] течение всего времени, которое автор провел под стражей под контролем Соединенных Штатов, автор не может рассматриваться как находившийся под «юрисдикцией» государства-участника по смыслу статьи 1 Факультативного протокола и пункта 1 статьи 2 Пакта. В результате Комитет имеет основания *ratione loci* не выносить своего мнения в связи с утверждениями автора по статьям 2 и 7 Пакта, которые касаются обращения с ним тогда, когда он находился под стражей в распоряжении Соединенных Штатов (пункт 4.6 Соображения).

b) Предполагаемая ответственность Австралии в отношении обеспечения исполнения приговора к тюремному заключению в рамках соглашения о передаче.

[В] результате соглашения о передаче автор был переведен в Австралию 20 мая 2007 г., чтобы отбыть оставшуюся часть приговора, вынесенного ему Военной комиссией Соединенных Штатов 31 марта 2007 г. На рассмотрении Комитета находится вопрос о том, нарушило ли государство-участник, оставляя автора в тюрьме до 29 декабря 2007 г. в результате этого соглашения, права автора по пункту 1 статьи 9 Пакта (пункт 4.7 Соображения).

[К] моменту передачи автора общественно доступным был большой объем информации, вызывавшей серьезную озабоченность в отношении справедливости процедур Военной комиссии Соединенных Штатов, и это должно было быть достаточно, чтобы у австралийских властей появились сомнения относительно законности и легитимности приговора, вынесенного автору. Многие из этих озабоченностей были выражены Комитетом в его заключительных замечаниях по второму и третьему периодическим докладам Соединенных Штатов, принятых 27 июля 2006 г. (CCPR/C/USA/C/3/Rev.1), и Комитетом против пыток в его заключительных замечаниях по второму периодическому докладу Соединенных Штатов Америки, принятых в мае 2006 года (CAT/C/USA/CO/2). Хотя это и произошло после предполагаемых фактов, решение Надзорного суда Военной комиссии Соединенных Штатов от 18 февраля 2015 г., вынесенное в пользу автора, не оставляет сомнений относительно несправедливости судебного разбирательства в его

отношении, а также относительно того, что преступления, за которые он был осужден, были ретроспективными. Кроме того, ввиду посещения автора в заливе Гуантанамо австралийскими должностными лицами и сотрудниками правоохранительных органов государство-участник имело все возможности знать условия судебного разбирательства в отношении автора (пункт 4.8 Соображения).

Соглашения о передаче играют важную роль в гуманитарных и других законных целях, позволяя лицам, которые были осуждены за границей и соглашаются на передачу, вернуться в свою страну для отбывания наказания и получить преимущества, например от более тесных контактов со своей семьей. ...По мнению Комитета, исполнение в соответствии с соглашением о передаче приговоров, вынесенных в результате вопиющего отказа в правосудии, представляет собой несоразмерное ограничение права на свободу в нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта. Тот факт, что соответствующее лицо в качестве предпосылки для своего возвращения приняло условия соглашения, не имеет решающего значения, учитывая, что в данном случае может быть продемонстрировано, что условия содержания под стражей и жестокое обращение, которому оно было подвергнуто, оставляло ему весьма ограниченные возможности для выбора. В таких обстоятельствах государству-участнику следовало обеспечить, чтобы условия соглашения о передаче не приводили к нарушению Пакта с его стороны (пункт 4.9 Соображения).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что государство-участник не только не пыталось договориться об условиях соглашения о передаче таким образом, чтобы оно было совместимым с его обязательствами по Пакту, но также в значительной степени повлияло на формулировку соглашения о признании вины, которое было условием немедленного возвращения автора в Австралию. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что автор согласился признать себя виновным, потому что он считал условия содержания в тюрьмах в Австралии более благоприятными. Однако Комитет считает, что, для того чтобы избежать нарушений, которым подвергался автор, он не имел другого выбора, чем принять условия соглашения о признании вины, которое было ему предложено. Именно поэтому государство-участник обязано доказать, что оно сделало все возможное, для того чтобы условия соглашения о передаче, которое оно заключило с Соединенными Штатами, не приводили к нарушению Пакта, особенно учитывая, что автор является одним из его граждан. При отсутствии таких доказательств Комитет считает, что, согласившись исполнить оставшуюся часть приговора в соответствии с соглашением о признании вины и лишить автора свободы на семь месяцев, государство-участник нарушило права автора согласно пункту 1 статьи 9 Пакта (пункт 4.10 Соображения).

Выводы Комитета: находящиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 9 Пакта (пункт 5 Соображения).

СООБЩЕНИЕ: *В.М. против Российской Федерации.* Сообщение № 2043/2011. Соображение принято Комитетом 15 июля 2015 г.

Тема сообщения: ошибка при определении срока наказания в виде лишения свободы в соответствии с новым законодательством.

Вопрос существа: обратная сила уголовного законодательства.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению довод автора о том, что его приговор должен был быть пропорционально сокращен в соответствии с поправками к Уголовному кодексу, внесенными Федеральным законом № 162 от 8 декабря 2003 г. В соответствии с этими поправками был введен новый верхний предел в отношении приговоров, которые могут быть вынесены в результате признания подсудимого виновным в совершении уголовных преступлений, с использованием правил полного или частичного сложения приговоров. В соответствии с этой формулой суды вычислили для автора максимальный срок в размере 15 лет, однако автор утверждает, что верхний предел должен был быть уменьшен до 9 лет. Автор заявляет, что судам государства-участника следовало соблюдать принцип пропорциональности и следовало снизить верхний предел приговора, который согласно ранее действовавшему законодательству составлял 25 лет. Вычисления действительно свидетельствует о том, что, если бы суды государства-участника использовали принцип пропорциональности, верхний предел был бы уменьшен до 15 лет в соответствии с новым законодательством, в результате чего срок лишения автора свободы составил бы 9 лет (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает... довод государства-участника о том, что ни одно из положений нового Федерального закона № 162 не предписывает судам применение правила пропорциональности. Максимальный срок лишения автора свободы был установлен в размере 15 лет, а первоначальный приговор, вынесенный автору 10 июня 1999 г., соответствовал этим пределам вынесения приговоров. Комитет принимает также к сведению аргументы государства-участника о том, что 29 ноября 2012 г. Забайкальский краевой суд действительно снизил приговор автора с 15 лет до 14 лет и 10 месяцев. Комитет отмечает, что, даже если для целей доказывания предположить, что пункт 1 статьи 15 Пакта применим к периоду времени после вынесения окончательного обвинительного приговора, автор не доказал, что приговор, вынесенный согласно ранее действовавшему законодательству, не соответствует пределам приговоров в соответствии с новым законодательством. В этой связи Комитет ссылается на свои предыдущие решения по делам *Гаврилин против*

*Беларуси*⁵³ и *Филипович против Литвы*⁵⁴, в которых он пришел к выводу об отсутствии нарушений пункта 1 статьи 15 Пакта, поскольку приговор, вынесенный автору, вполне соответствовал пределам, установленным новыми правилами вынесения приговоров, и отмечает, что первоначальный приговор, вынесенный автору, соответствовал как пределам, установленным ранее действовавшим законодательством, так и пределам, установленным новым законодательством после изменений, внесенных Федеральным законом № 162 от 8 декабря 2003 г. Кроме того, Комитет отмечает, что при определении наказания внутренние суды рассмотрели и приняли во внимание конкретные обстоятельства дела и что после постановления Конституционного [С]уда Российской Федерации Забайкальский краевой суд сократил приговор автора до 14 лет 10 месяцев. Учитывая обстоятельства данного дела, Комитет не может, исходя из представленных ему материалов, сделать вывод о том, что вынесенный автору приговор противоречит пункту 1 статьи 15 Пакта (пункт 8.3 Соображения).

Выводы Комитета: представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении каких-либо положений Пакта (пункт 9 Соображения).

СООБЩЕНИЕ: *Таито Фаафете против Новой Зеландии.* Сообщение № 1909/2009. Соображение принято Комитетом 13 июля 2015 г.

Тема сообщения: судебная ошибка и несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: судебная ошибка; дискриминация; надлежащая процедура.

Правовые позиции Комитета: пункт 5 статьи 14 Пакта предусматривает, что каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону (пункт 7.4 Соображения).

[Х]отя на государстве-участнике и лежит ответственность за предоставление эффективной юридической помощи в представлении ответчика, Комитету не надлежит определять, каким образом она должна быть обеспечена, если только не очевидно, что была допущена судебная ошибка⁵⁵ (пункт 7.2 Соображения).

Комитет напоминает, что разумный подход к задержке в

⁵³ См. сообщение № 1342/2005, *Гаврилин против Беларуси*, Соображения, принятые 28 марта 2007 г., пункт 8.3.

⁵⁴ См. сообщение № 875/1999, *Филипович против Литвы*, Соображения, принятые 4 августа 2003 г., пункт 7.2.

⁵⁵ См. сообщение № 667/1995, *Хенсли Рикеттс против Ямайки*, Соображения, принятые 4 апреля 2002 г., пункт 7.3.

судопроизводстве должен определяться обстоятельствами каждого дела с учетом сложности дела, поведения обвиняемого и того, каким образом дело разбиралось в административных и судебных органах⁵⁶ (пункт 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [в] отношении утверждения автора о том, что он не был адекватно представлен, Комитет отмечает аргументы автора, утверждавшего, что его адвокат, предоставленная ему в рамках юридической помощи, не уделила достаточно времени его делу, проигнорировала его указания вызвать двух свидетелей, а также не оспорила количественный и персональный состав жюри присяжных и методы его подбора... Несмотря на утверждение автора, информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, не позволяет ему прийти к выводу о том, что поведение адвоката, которая защищала его в суде, противоречило интересам правосудия⁵⁷ и было равнозначно нарушению пунктов 1 и 3 b) и e) статьи 14 (пункт 7.2 Соображения).

Автор далее утверждает, что судопроизводство по его делу проходило с неоправданной задержкой, длившейся с 22 декабря 1995 г., даты решения Высокого суда, до 1 марта 2005 г., даты окончательного решения Верховного суда... В настоящем случае Комитет отмечает, что автор был приговорен Высоким судом 9 декабря 1995 г. после двух досудебных ходатайств и процесса с участием жюри присяжных. Комитет отмечает, что после вынесения Тайным советом 19 марта 2002 г. решения о повторном слушании дела автора заседание Апелляционного суда состоялось лишь в феврале 2005 года. Комитет отмечает, что задержки, на которые ссылается автор в отношении его апелляции, обусловлены в основном его собственными просьбами о продлении сроков (в общей сложности трижды), для того чтобы представить свои основания для апелляции и запросить юридическую помощь. Что касается задержек, связанных с процедурой в Тайном совете, то Комитет отмечает, что автор ждал свыше трех лет, прежде чем представить свое ходатайство о разрешении на апелляцию Тайному совету вместе с 11 другими заявителями. Учитывая эти конкретные обстоятельства, Комитет считает, что задержка в вынесении

⁵⁶ См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 35; и сообщение № 1940/2010, *Элихио Седеньо против Венесуэлы*, Соображения, принятые 29 октября 2013 г., пункт 7.7.

⁵⁷ См. сообщение № 536/1993, *Перера против Австралии*, решение о неприемлемости, принятое 28 марта 1995 г., пункт 6.3; и сообщение № 618/1995, *Кэмпбелл против Ямайки*, Соображения, принятые 20 октября 1998 г., пункт 7.3

решения по апелляции автора не равнозначна нарушению пунктов 3 с) и 5 статьи 14⁵⁸ (пункт 7.3 Соображения).

Комитет также принимает к сведению аргумент автора о том, что отсутствие текста напутственного слова судьи, рассматривавшего дело в 1995 году, помешало ему получить доступ к документации, необходимой для надлежащей подготовки его апелляции в нарушение пунктов 1 и 5 статьи 14 Пакта. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что наличие текста напутственного слова судьи, рассматривавшего дело, не является предварительным условием для подачи апелляции; что Апелляционный суд выносит суждения по вопросам фактов и национального права; и что Апелляционный суд сделал вывод об отсутствии реальной вероятности значительной процедурной ошибки или судебной ошибки. ... В результате автору следовало получить доступ к протоколам суда и документам, необходимым для эффективного осуществления его права на обжалование⁵⁹. Комитет отмечает, что автор имел доступ к стенограмме разбирательства, за исключением части, содержащей текст напутственного слова судьи. Он также отмечает, что вопрос об отсутствии текста напутственного слова был предметом, специально рассматривавшимся Апелляционным судом и Верховным судом, и что автор не представил какой-либо информации в разъяснение того, в каком отношении стенограмма напутственного слова была ему необходима для эффективного осуществления его права на обжалование или в каком отношении ее отсутствие затронуло его право на справедливое разбирательство. Соответственно, с учетом обстоятельств настоящего дела Комитет считает, что автор недостаточно обосновал свое утверждение, и поэтому Комитет не в состоянии установить факт нарушения пунктов 1 и 5 статьи 14 Пакта (пункт 7.4 Соображения).

Выводы Комитета: факты, имеющиеся в его распоряжении, не свидетельствуют о нарушении какого-либо из положений Пакта (пункт 8 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №42139/12 «Писари против Молдовы и России» (вынесено 21 апреля 2015 г., стало окончательным 19 октября 2015 г.).

⁵⁸ См. сообщение № 1512/2006, *Дин против Новой Зеландии*, Соображения, принятые 17 марта 2009 г., пункт 7.2.

⁵⁹ См. сообщение № 662/1995, *Лумли против Ямайки*, Соображения, принятые 31 марта 1999 г., пункт 7.5.

Заявители жаловались, ссылаясь на статью 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), на то, что их сын был убит представителями государства и что национальные органы власти не провели эффективного расследования по факту его гибели.

Европейский Суд признал, что «... действия российского солдата были произведены с целью осуществления законного задержания в рамках значения подпункта (b) пункта 2 статьи 2 Конвенции» (пункт 53 постановления).

Между тем Суд установил, что «...[российский солдат] произвел три одиночных выстрела из автомата в направлении транспортного средства, управляемого [сыном заявителей]... [У]тверждение о том, что одна из пуль, выпущенных [российским солдатом], пробила форму другого солдата с контрольно-пропускного пункта, который находился недалеко от автомобиля, не было оспорено... [П]рименение автомата... [российским солдатом] привело к существенному риску не только для жизни [сына заявителей], но также для жизни его пассажира и даже для жизни солдата, в которого чуть не попала одна из пуль. Тот факт, что пуля попала только в [сына заявителей], по-видимому, является случайностью» (пункт 54 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...такая высокая степень риска для жизни может быть обоснована только в том случае, когда огнестрельное оружие было применено в качестве крайней меры предотвращения ясной и неминуемой опасности, которую представлял собой водитель автомобиля в случае его побега» (пункт 55 постановления).

Суд подчеркнул, что он не убежден в том, что «...[российский солдат] подвергался риску быть сбитым автомобилем потерпевшего, и следовательно, не видит явного указания опасности, которую представлял собой водитель автомобиля в случае побега. Даже предполагая, что действия [сына заявителей] являлись потенциально опасными, Суд не считает, что степень угрозы требовала немедленно остановить его с применением огнестрельного оружия» (пункт 56 постановления).

Европейский Суд посчитал, что «...отсутствие [оборудования для остановки транспортных средств без применения огнестрельного оружия] не может обосновать открытие огня по транспортным средствам, которые не соблюдают правила проезда через контрольно-пропускные пункты без наличия других достаточно веских и убедительных причин» (пункт 58 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...убийство [сына заявителей] [не] обосновывало применение силы, которое являлось не более чем абсолютно необходимым для осуществления законного задержания в рамках значения подпункта (b) пункта 2 статьи 2 Конвенции. Соответственно... имело место нарушение материального аспекта статьи 2 Конвенции со стороны Российской Федерации» (пункт 58 постановления).

В отношении нарушения процессуального аспекта статьи 2 Конвенции Суд отметил, что «...российские органы власти не обеспечили участие заявителей в расследовании обстоятельств убийства их сына. Заявителям не было разрешено осуществить процессуальные права и не было сообщено о прекращении судебных разбирательств в отношении [российского солдата]» (пункт 59 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...в настоящем деле заявители обладали веской и законной заинтересованностью в расследовании, проводимом российскими органами власти, которое могло быть использовано для предоставления им статуса, которого они добивались в ходе уголовного судопроизводства против [российского солдата]. Российские [в]ласти не привели аргументов, объясняющих, почему заявителям было отказано в предоставлении статуса потерпевших в ходе уголовного судопроизводства и не было разрешено принять в нем участие» (пункт 59 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №38887/09 «**Фартушин против России**» (вынесено 8 октября 2015 г., стало окончательным 8 января 2016 г.).

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что он подвергнулся жестокому обращению в полиции, и что по его жалобе не было проведено эффективного расследования.

Европейский Суд установил, что «...телесные повреждения заявителя были нанесены во время его содержания в правоохранительных органах» (пункт 39 постановления).

Суд отметил, что «...следственные органы отклонили заявление о возбуждении уголовного дела, поданное заявителем, на основании отрицания со стороны сотрудников правоохранительных органов и следователя в совершении каких-либо нарушений, в отсутствие представления объяснений относительно травм и телесных повреждений заявителя. Они приняли такое решение по результатам доследственной проверки и не возбудили уголовное дело по факту предполагаемого жестокого обращения с заявителем... [С]удебный пересмотр постановлений об отказе следственных органов в возбуждении уголовного дела не мог быть проведен вследствие отмены этих решений следственными органами... Впоследствии внутригосударственные суды оставили в силе последнее постановление об отказе в возбуждении уголовного дела» (пункты 40-41 постановления).

В отношении нарушения процессуального аспекта статьи 3 Конвенции, Суд подчеркнул, что «... в рамках российской правовой системы в случаях небезосновательных утверждений в отношении обращения в соответствии со статьей 3 Конвенции органы власти должны

возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование, по которому осуществляется целый спектр следственных мероприятий, и которое представляет собой эффективное средство правовой защиты для лиц, пострадавших в результате жестокого обращения в правоохранительных органах согласно внутригосударственному праву. Сам факт отказа следственных органов в возбуждении уголовного дела по обоснованным жалобам на жестокое обращение во время нахождения в правоохранительных органах служит доказательством неисполнения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренного статьей 3» (пункт 44 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...жестокое обращение было намеренным с целью принуждения заявителя к даче признательных показаний в совершении преступления и вызова существенного страха заявителя, причинения ему мучений и душевных страданий... такие действия представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение... отказ органов власти в возбуждении уголовного дела и проведении расследования в отношении предполагаемого жестокого обращения, которому подвергся заявитель при нахождении в правоохранительных органах, представлял собой непроведение эффективного расследования» (пункты 43, 45 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на его незаконное содержание в отделе внутренних дел.

Европейский Суд установил, что «...заявитель содержался под стражей в правоохранительных органах непрерывно... более тридцати часов. За это время он был допрошен сотрудниками полиции о его предполагаемой причастности к хищению и был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению с целью его принуждения к даче признательных показаний по делу» (пункт 52 постановления).

Суд отметил, что «...невзирая на то, что заявитель изначально был задержан в качестве подозреваемого по уголовному делу, его задержание не было зафиксировано до [следующего дня]... Отсутствие какого-либо подтверждения или протокола его задержания в качестве подозреваемого в рамках указанного периода обусловило лишение заявителя доступа к адвокату и всех других прав подозреваемого, что означало, что он оставался исключительно во власти задержавших его лиц. Таким образом, он находился в уязвимом состоянии не только в отношении произвольного вмешательства в его право на свободу, но и в отношении жестокого обращения» (пункт 53 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...факт отсутствия протокола задержания заявителя представлял собой полное отрицание принципиально важных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и

был несовместим с требованием законности и самой целью статьи 5» (пункт 54 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых международными договорными органами ООН, находятся по адресу:
<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>;

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

***Управление систематизации законодательства и
анализа судебной практики Верховного Суда
Российской Федерации***